The background of the cover is a solid blue color. At the top, there are several concentric white semi-circular lines, resembling a rainbow or a target. In the center of these lines is a circular emblem with a blue center, a white ring, and a red outer ring. Below this emblem is a detailed line drawing of a seated female figure, likely a personification of Liberty or Justice, wearing a classical gown and holding a scroll. The scroll contains text in French, including 'DECLARATION' and 'DE L'HOMME'. To the right of the figure is a quill pen. At the bottom of the figure's base is the word 'L'ÉGALITÉ' in capital letters.

Роберт
Дарнтон

Литературный Тур де Франс

Мир книг
накануне
Французской
революции

L'ÉGALITÉ

Роберт Дарнтон

**Литературный тур де
Франс. Мир книг накануне
Французской революции**

«НЛО»

Дарнтон Р.

Литературный тур де Франс. Мир книг накануне Французской революции / Р. Дарнтон — «НЛО»,

5 июля 1778 года швейцарец Жан-Франсуа Фаварже – торговый представитель Типографического общества Нёвшателя – сел на лошадь и отправился в пятимесячное путешествие по Франции, заезжая почти в каждую книжную лавку на своем пути и составляя своеобразные досье на книготорговцев. История о его путешествии могла бы составить фабулу плутовского романа, но оказалась в руках американского ученого Роберта Дарнтона – и легла в основу большого исследования о становлении книжного рынка во Франции XVIII века. Используя поездку Фаварже как сюжетную канву, Дарнтон подробно рассказывает, как на практике функционировало книжное дело, как попадали к французским читателям литературные тексты, как происходила полулегальная торговля перепечатанными или подцензурными книгами в предреволюционные годы. Особое внимание автор уделяет пестрому многообразию людей, населявших этот мир книг: цензорам, печатникам, книгопродавцам всех мастей (от столичных членов гильдий до бродячих книгонош), владельцам мелких магазинчиков, нелегальным частным предпринимателям и т. п. Все они играли крайне значимую роль в распространении книг, но история литературы напрочь о них забыла, и все они бесследно канули в небытие. Одна из задач этой книги, по словам автора, состоит в том, чтобы восстановить историческую справедливость и вернуть их к жизни. Роберт Дарнтон – почетный профессор Принстонского университета, профессор и директор Библиотеки Гарвардского университета, специалист по истории Франции XVIII века, автор книг «Месмеризм и конец эпохи Просвещения», «Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века», «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры», «Цензоры за работой. Как государство формирует литературу».

© Дарнтон Р.
© НЛО

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	61
Глава 6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Роберт Дарнтон

Литературный Тур де Франс. Мир книг накануне Французской революции

Введение Мир книг

Мир книг в предреволюционной Франции был бесконечно разнообразен и богат – богат прежде всего тем обилием непохожих друг на друга людей, что его населяли. Как экономическая система он продолжал вязнуть в трясине корпоративных практик, сложившихся в XVII веке. Тут были и гильдия печатников и книгопродавцев, которая монополизировала книжную торговлю в Париже, и правовая система, по-прежнему не ведавшая, что такое авторское право, и основанная на принципе привилегии, и право короля осуществлять прямую цензуру и решать междоусобные споры, и около трех тысяч эдиктов. А за всей этой обветшалой барочной сценографией бурбонского миропорядка обреталась многочисленная популяция профессионалов, которые зарабатывали себе на жизнь, доставляя книги читателям.

Книготорговцы, и самые разные, были в каждом крупном городе. Тон в провинциальных центрах задавали немногочисленные патриархи. Вокруг них выстраивали свою предпринимательскую деятельность фигуры помельче: они извлекали выгоду из растущего спроса, который ощутимо пошел вверх начиная с середины века, а затем пытались свести концы с концами в куда менее благоприятных условиях 1770-х и 1780-х годов. На окраине правового пространства пытались хоть как-то заработать себе на жизнь мелкие торговцы – как правило, за счет того, что усердно снабжали товаром капиллярную систему книжных продаж. Помимо этих профессионалов, мелкой книготорговлей занимались самые разные люди. Это были владельцы маленьких магазинчиков, которые официально обеспечивали себе место на рынке, покупая у королевских чиновников специальные сертификаты (*brevets de libraire*); частные предприниматели, которые работали нелегально; переезжающие с места на место торговцы, которые раскладывали товар по рыночным дням на уличных лотках; переплетчики, которые сбывали свои изделия из-под полы; и бродячие разносчики самого разного рода, одни из которых были счастливыми обладателями лошади и телеги, а другие перемещались пешком. Эти книгоноши представляли собой разношерстную и малореспектабельную публику обоего пола: среди самых искушенных зачастую можно было встретить замужних женщин и вдов. Все они играли крайне значимую роль в распространении книг. Вот только история литературы напрочь о них забыла. За несколькими редкими исключениями все они бесследно канули в небытие. И одна из задач этой книги состоит в том, чтобы вернуть их к жизни.

Другая задача заключается в попытке узнать, что именно они продавали. Вопрос о том, какие именно книги доходили до читателей, и о том, как люди их читали, выводит нас к более широким темам, связанным с природой коммуникации и идеологического воздействия. В этой книге я не буду напрямую касаться этих тем, но, надеюсь, смогу нарисовать достаточно подробную картину того, как функционировал литературный рынок накануне Революции и как попадали к французским читателям литературные тексты.

Для того чтобы справиться с этой задачей, я намерен сосредоточиться на том, как развивалась книготорговля в провинциях. Французская история имеет тенденцию к тому, что в центре внимания оказывается Париж, однако в XVIII веке в Париже проживало менее трех процентов населения Франции, и большую часть книг покупали жители провинций. Конечно, часть книг доставлялась непосредственно из Парижа, но гораздо чаще книжные полки запол-

нялись томами, изданными не во Франции; стоило только книге появиться в парижских магазинах, она тут же пиратским образом перепечатывалась типографиями, расположенными за пределами королевства. Термин «пиратство» (французы, как правило, называли его «нелегальная перепечатка» (*contrefaçon*) и подразумевали контрафакторов (*contrefacteurs*), используя такие более крепкие выражения, как «пираты» и «корсары») в XVIII веке имел весьма широкое хождение, но он скорее сбивает с толку, чем проясняет ситуацию, поскольку речь при этом шла об иностранных издательствах, которые вели свою работу вне зоны действия привилегий (*privilèges*), даруемых французским королем. В границах королевства эти привилегии являлись простой формой авторского права. Наряду с менее официальными разрешениями, известными как «молчаливые дозволения» (*permissions tacites*), они выдавались только на книги, одобренные цензором. Иностранные издатели имели возможность перепечатывать французские книги, не обращая внимания на официальные разрешения, а также печатать такие произведения, которые никогда не прошли бы цензуру во Франции. В силу обстоятельств сугубо экономического порядка, и прежде всего из-за цен на бумагу, обе категории книг они могли издавать за меньшие деньги, чем их французские конкуренты. В результате вдоль французской границы сформировался целый ряд процветающих издательских домов, протянувшийся от Амстердама и Брюсселя через Рейнскую область и Швейцарию до самого Авиньона, который был тогда папским владением. Эти издатели, а их число измерялось дюжинами, печатали едва ли не все труды эпохи Просвещения и, я бы сказал, большую часть той современной литературы (книги по любой тематике, за исключением профессиональных справочников, требников, нравоучительных брошюр и дешевых сборников народных сказок и песен), которая существовала во Франции с 1750 по 1789 год. Они завоевали французские книжные рынки при помощи разветвленной торговой сети, частью нелегальной, особенно в приграничных районах, где главной сферой деятельности была контрабанда, но в большей степени организованной как обычные коммерческие каналы, где суеились комиссионеры, пытаясь извлечь хоть какую-то выгоду из любой подвернувшейся возможности.

Этот обширный мир, кишачий колоритными персонажами, по большей части оставался скрытым от французских властей XVIII столетия – как и для ученых всех последующих эпох. Историки книги затронули его по краям, работая в архивах, собранных стараниями парижских чиновников¹. Однако поле зрения у государства слишком узкое. Несмотря на то что королевские чиновники, отвечавшие за книжную торговлю, составляли довольно влиятельную структуру – Управление книготорговли (*Direction de la librairie*) в королевской администрации, они плохо представляли себе, как в действительности обстоят дела вне парижских городских стен или стен палат синдиков (*chambres syndicales*), своеобразных штаб-квартир, которыми располагали книжные гильдии в нескольких крупных городах. Для того чтобы получить возможность увидеть всю систему в более широкой перспективе, необходимо было бы поработать с архивами в провинциях и в особенности с архивами зарубежных книгоиздателей. Последние, однако, практически не сохранились – за одним-единственным исключением: у нас есть архив Типографического общества Нёвшателя (*Société typographique de Neuchâtel (STN)*), швейцарского издательского дома, обосновавшегося у самой французской границы, по ту сторону разделяющей две страны горной цепи. Издательство занималось крупной оптовой торговлей по всей территории королевства и, кроме того, выпускало собственные книги.

Архивы этого издательства, а также материалы, доступные в Париже и в провинциях, вместе составляют тысячи писем, написанных самыми разными людьми, так или иначе вовлеченными в книжную индустрию: авторами, издателями, печатниками, изготовителями бумаги,

¹ Наиболее важные источники, на которые я систематически опираюсь в этой книге, хранятся в архиве Бастилии из Библиотеки Арсенала и в двух больших собраниях из Национальной библиотеки Франции: в Собрании Аниссон-Дюперрона и в архиве Палаты Общества печатников и книготорговцев города Парижа.

литейщиками шрифтов, производителями типографской краски, контрабандистами, возчиками, держателями складских помещений, разносчиками, литературными агентами, обозревателями, читателями и в особенности книгопродавцами едва ли не из каждого французского города. Многие из этих персонажей обнаруживаются и в других источниках, вроде дел о банкротстве или полицейских отчетов, что позволяет взглянуть на них одновременно с разных ракурсов и получить многомерное представление о том, чем и как они занимались. Прочего рода документы из Нёвшателя – счетные книги, записи о поставках, журналы заказов, платежная книга человека, ответственного за типографию, – открывают другие аспекты торговой деятельности. Сведя их воедино, мы можем составить представление о том, как функционировала вся эта система, – и о том, как она выходила из строя и как ее заново налаживали профессионалы в области книжной торговли, старавшиеся сделать так, чтобы спрос находил предложение.

В тот временной период, который охватывают архивы *STN* (с 1769 по 1789 год), правовые рамки книжной торговли постоянно менялись, отражая изменения в политике французского государства. Версальские правительства, которые тоже часто менялись, издавали неиссякающий поток постановлений, пересматривая меры против пиратства, учреждая новые гильдии, расширяя полномочия полицейского надзора за книжной торговлей, вводя новые процедуры таможенного досмотра, а также повышая или понижая налоги на бумагу. Типографическое общество Нёвшателя внимательно отслеживало все эти новшества и выстраивало собственную стратегию в соответствии с полученной информацией. Таким образом, его документы в сочетании с источниками из парижских архивов показывают, как менялись правила игры в книгоиздательском деле, и, что еще более важно, они показывают, как эта игра в действительности велась.

Архивы *STN*, однако, настолько огромны, что исследователь рискует попросту в них утонуть. Я начал их изучать в 1965 году. С тех пор я четырнадцать раз ездил туда на все лето и один раз на зиму и прочел едва ли не все пятьдесят тысяч тамошних писем, не считая дополнительного материала, почерпнутого из бухгалтерских книг *STN*. Работа была долгой, но не трудной. Нёвшатель – красивый город у подножия Юрских гор, стоящий над прекрасным, обрамленным виноградниками озером. Жители Нёвшателя очень гостеприимны. Со многими из них я подружился, перебирался вместе с ними с одного альпийского пастбища на другое на отрогах Юры, наслаждался бесчисленными домашними обедами и смотрел, как мои собственные дети растут вместе с их детьми – все те долгие пятьдесят лет, в течение которых я постоянно туда возвращался. В конце книги я благодарю их всех. Но проведя столько времени в нёвшательских и парижских архивах, я в конечном счете столкнулся с проблемой: как воздать должное столь богатому материалу. Если бы я взялся пересказывать истории всех тех людей, о которых узнал, моя книга разрослась бы до многотомника. Так что я предпочел разместить представительную подборку документов, а также мои более ранние публикации на сайте с открытым доступом: www.robertdarnton.org. Те читатели, которым захочется продолжить знакомство с темами, поднятыми в этой книге, могут зайти на сайт и построить свой собственный маршрут через представленные там оцифрованные источники. Сайт избавляет меня от необходимости перегружать книгу ссылками, однако не решает другой проблемы: я должен выстроить повествование таким образом, чтобы, с одной стороны, затронуть узкоспециальные аспекты проблемы, а с другой – не утратить при этом читательского интереса. И я решил представить свое исследование не вполне обычным образом. Вместо того чтобы писать очередной научный труд, я отправлюсь по следам одного торгового представителя из *STN* той же дорогой, которой он путешествовал по Франции, и стану обращаться к наиболее значимым аспектам книжной торговли в том же порядке, в каком с ними сталкивался он сам, дополняя картину сведениями, почерпнутыми из богатейших архивов страны.

Наш торговый представитель (*commis voyageur*, британцы предпочитают термин *commercial traveler*, а американцы чаще говорят *traveling salesman*) был двадцатидевятилетним порученцем Типографического общества Нёвшателя по имени Жан-Франсуа Фаварже. 5 июля 1778 года он сел на лошадь и пустился в пятимесячное путешествие по Франции, заезжая по дороге едва ли не в каждую попадавшуюся книжную лавку. Он продавал книги, забирал счета, инспектировал типографии, зондировал рынки, составлял мнение о конкретных деловых предприятиях и оценивал характер книгопродавцев – в общей сложности более чем ста человек. Вернувшись в ноябре обратно в Нёвшатель, Фаварже знал о книжной торговле больше, чем на то может надеяться любой профессиональный историк. К счастью, те следы, которые он за собой оставлял, были бумажными – подробный дневник и письма, дотошнейшим образом детализированные, – и позволяют проследить за ним по всей Франции, а в процессе исследовать книжную торговлю на самом что ни на есть низовом уровне. Кроме того, в архивах STN, среди тысяч и тысяч писем ото всех, кто имел отношение к книгоизданию в период с 1769 по 1789 год, несколько сотен – от тех книготорговцев, с которыми встречался Фаварже. Так что совершенный им тур де Франс открывает перед нами обширный пейзаж книжной культуры.

С точки зрения торгового представителя литература выглядит не столь грандиозно, как если бы мы взялись изучать корпус великих книг, написанных великими авторами. Я вовсе не намерен сбрасывать со счетов тот старомодный подход, который по-французски именуется «жизнь и творчество» (*l'homme et l'oeuvre*), хотя среди современных литературоведов он особым уважением и не пользуется. Напротив, меня вдохновляют такие шедевры, как «Утраченные иллюзии» Бальзака, – воображаемые картины того мира, который я пытаюсь восстановить по архивным источникам и который существовал за десять лет до рождения Бальзака (1799). Я намерен исследовать книжный мир Старого порядка (*Ancien Régime*), каким он был, когда становился источником опыта и предметом постижения для профессионалов, начиная со скромной фигуры коммивояжера. Но я не собираюсь заниматься антикварным делом: избранный здесь подход должен вести от микроскопических деталей к более широким умозаключениям. Я буду затрагивать проблемы, связанные с практиками книгоиздания, с распространением книг, с операциями на книжном рынке, с ролью книготорговцев как культурных посредников и со спросом на литературу. В конечном счете я надеюсь показать, какие именно книги циркулировали на литературном рынке в те два десятилетия, что предшествовали Французской революции. Несмотря на неполноту данных, я предложу читателю списки тогдашних бестселлеров, что даст представление о литературных вкусах в разных частях страны. Кем были тогдашние читатели и как они понимали прочитанное, я сказать не могу, поскольку на этот счет не располагаю их собственными свидетельствами; однако я льщу себя надеждой, что сумею восстановить общие очертания спроса, потребительские паттерны – что бы ни имелось в виду, когда речь идет о потреблении книги.

Моя вторая цель состоит в исследовании всего того, что так восхищало Бальзака: жизненных стилей, свойственных обычным людям, которые принадлежат к слоям общества, редко попадающим в наше поле зрения. Мне хочется понять, как жили книготорговцы, как выстраивались отношения между посредниками, доставлявшими книги читателям. Если книготорговцы и появляются в истории литературы, то исключительно как бесплотные тени. Но если взглянуть на них с точки зрения торгового представителя, да еще и приглядеться попристальнее к документам из издательских архивов, предстают сложные индивидуальности этих людей. Появляются самые разные фигуры: от гильдейских уполномоченных и патриархов старых торговых семей до букинистов и мелких подпольных торговцев.

Самые полные досье позволяют проследить за всеми этапами их жизненного пути. Пройдя период ученичества, мужчина находит женщину с приданым, женится, заводит собственный магазин, набирает ассортимент, пускается в рискованные предприятия, ему внезапно везет, затем он оказывается на грани банкротства, он заболевает и умирает, оставив свое дело

сыну или, в немалом количестве случаев, изворотливой и цепкой вдове. Другое досье рассказывает историю деревенского учителя, который пытается подработать продажей книг, но чаще всего у него не окупаются даже расходы на доставку. Он пускает жильцов, возделывает крохотный виноградник и умирает, не теряя надежду на следующий урожай, который принесет, может быть, достаточно денег, чтобы его подпись на просроченном векселе хоть чего-нибудь стоила. Папка, заполненная кое-как нацарапанными записками, где одна орфографическая ошибка следует за другой, дает представление о способе жизни разъездного торговца (*marchand forain*): в качестве адреса на долговых расписках у него всякий раз значится постоянный двор, потому что постоянного местопребывания у него нет. Свой товар он возит на телеге с одной сельской ярмарки на другую – до тех пор, пока его лошадь в силах передвигать ноги. Если она околеет или если у него самого не останется никаких оборотных средств, он не сможет объявиться на этом постоянном дворе в день обязательной выплаты, и судебный пристав вычеркнет его из списка людей, заслуживающих доверия, как бродягу с «местожительством на воздухе» (*domicile en l'air*). Документы фиксируют бесчисленные вариации человеческой комедии, разыгрывавшейся в книжном мире два века назад.

И через все эти документы проходит красной нитью еще одна тема из тех, что зачаровывали Бальзака: страсть к деньгам. Конечно же, следует сделать скидку на специфический характер источников, поскольку большая часть папок содержит деловые письма, в которых речь прежде всего и должна идти о прибылях и убытках. Но письма также передают и нравы, и чувства, присущие эмоциональному регистру, особому для специфической формы капитализма, – не только желание услышать звон золотых монет (*écus bien sonnants*), но и потребность в доверии (*confiance*) в ходе весьма опасной игры, где каждый игрок из всех сил старался не дать себя обмануть в круговерти привычных профессиональных хитростей: пиратства, контрабанды, шпионажа, блефа, фальшивых банкротств и нелегальных операций, которые проводились из-под полы (*sous le manteau*) или из-под прилавка (*sous le comptoir*).

Конечно же, все эти практики процветали и в XIX веке, когда их изучал Бальзак, их обнаруживаешь и в другие времена и в других странах. Но книжная торговля XVIII века производит редкое впечатление свежести, которая сильно ощущается по многим досьям. Книгопродавец – или издатель, книгоноша, контрабандист, поставщик – оказывается не в состоянии погасить вексель в нужную дату. Следом подходят другие платежи. Он балансирует на грани банкротства, заключает сделки с самыми нетерпеливыми кредиторами, вновь обретает почву под ногами, затем поскользывается, падает и исчезает из виду. Письмо от соседа или от коллектора ставит в истории финальную точку: «Оставил ключи под дверь»; «Завербовался в армию»; «Уехал в Россию»; «Уплыл на корабле воевать в Америку»; «Его жена и дети просят милостыню на паперти». Не то чтобы все эти письма следовало принимать за чистую монету. Они всегда тенденциозны, всегда преследуют какой-то интерес и никогда не предлагают нам незамутненной картины реальности. Однако при всей их субъективности, а может быть, именно благодаря ей, они показывают, как конструировалась эта самая реальность в одной из интереснейших субкультур Старого режима.

Ко всему прочему, эти письма мы имеем возможность читать в отраженном свете сведений, полученных от Жан-Франсуа Фаварже, нашего торгового агента. В его задачу входило вникнуть в характер и в манеру ведения дел каждого попавшегося по пути книготорговца. И совершенный Фаварже тур де Франс дает нам, таким образом, ту структурную основу, на которой держатся многие романы. Следуя за ним по карте Франции из города в город и из деревни в деревню, можно увидеть, как сплетаются между собой судьбы самых разных людей – и все ради того, чтобы в царстве литературы пришли в согласие между собой предложение и спрос.

Несмотря на то что история Фаварже смахивает на плутовской роман, ее имеет смысл рассматривать в рамках экономики и социологии ничуть не в меньшей степени, чем в рамках истории литературы. Рассказывая ее, я старался вскрыть максимально широкие контексты, на

которые она выводит, – и при этом избежать слишком откровенных экскурсов в область литературно-биографическую. Однако на сайте я выложил пару дюжин биографий, которые по большому счету могут служить чем-то вроде портретной галереи книготорговцев XVIII столетия. Кроме того, на сайте можно найти расшифровку самого дневника, переписку Фаварже с *STN*, письма книгопродавцев и подробную информацию о тех городах, где они жили, – о населении, производстве, торговле, уровнях грамотности, органах управления, учреждениях культуры, а также тогдашние отчеты об издательской и книготорговой деятельности и ссылки на дополнительную литературу. Поскольку сайт содержит настолько объемный материал – оцифрованные версии всех исходных рукописей, документы о контроле за книжной торговлей, десятки статей, написанных мной за последние сорок пять лет, – я постарался сделать эту книгу относительно короткой. Те из читателей, кто захочет подробнее разобраться в каких-то конкретных темах, смогут обратиться к сайту и использовать находящиеся там документы для того, чтобы предложить новые интерпретации и поставить под сомнение сделанные мною выводы.

Короче говоря, эта книга рассказывает историю, которая должна быть интересной сама по себе, но при этом всегда может переадресовать читателя к энциклопедической цифровой базе данных. Читать ее можно самыми разными способами. И наконец, я надеюсь, что она доставит удовольствие тем, кто хочет ознакомиться с такой невероятно интересной областью исследований, как французский книжный мир XVIII века.

Несколько замечаний о терминологии. Поскольку названия французских учреждений времен Старого режима перевести на английский весьма непросто, многие из них я сохранил в оригинальном виде. *Parlement* означает суд высшей инстанции, обладавший определенной политической властью, но и близко не сопоставимый с британским парламентом. *Ferme générale*² была частной корпорацией, которая занималась сбором косвенных налогов, осуществляла таможенный досмотр и патрулирование французских границ. Термин *livres philosophiques* использовался издателями и книготорговцами по отношению к строжайше запрещенным книгам, которые они издавали и продавали. В этих книгах могли содержаться радикальные философские идеи – скажем, нападки на христианские догматы, – но с тем же успехом они могли быть порнографическими, бунтарскими или содержать клевету касательно личной жизни высокопоставленных особ. Таможенные документы, позволявшие властям отслеживать ввозимые книги, именовались *acquits à caution*. Во второй главе речь идет как раз о том, что контрабандистам и агентам по доставке товара приходилось каким-то образом обзаводиться *acquits à caution* для того, чтобы их груз попросту не конфисковали. Палаты синдиков (*Chambres syndicales*) были штаб-квартирами книжных гильдий в провинциальных городах, где досматривались грузы и где проверялись (то есть «гасились» (*déchargés*), на жаргоне таможенников) *acquits à caution*.

Поскольку я не ожидаю от читателя близкого знакомства с названиями книг и документов, упомянутых в этой книге, равно как и свободного владения французским языком, перевод каждого названия я стану давать в квадратных скобках при первом упоминании текста³ – за исключением случаев очевидных, наподобие *Lettre de M. Linguet à M. le comte de Vergennes*.

² В русской традиции – «Генеральный откуп» (Примеч. ред.).

³ В нашем издании система изменена: для удобства читателя все французские названия даются в русском переводе, а при первом упоминании – и в оригинале (Примеч. ред.).

Глава 1

Нёвшатель.

Наш герой на задании

Если вы хотите как следует познакомиться с торговым представителем, изучите сведения о его расходах. Фаварже тщательно подсчитывал все свои траты, переводя их на французские ливры, су и денье, и записывал в конце дневника⁴. Есть там и своего рода увертюра к его путешествию⁵.

Перед тем как оседлать свою лошадь, он забрал из починки плащ: 1 ливр и 3 су, уплаченных в Ла-Нёвиле, своем родном городе, в десяти милях от Нёвшателя, 3 июля 1778 года, за два дня до отъезда. Вероятнее всего, речь шла о *рединготе*, одежде для верховой езды из плотного, провоенного – от дождя – сукна, ничуть не похожей на ту изысканную одежду, в которой щеголяла знать, с причудливой отделкой и двойными рядами изящных пуговиц. Фаварже интересовала защита от природных стихий. В начале путешествия они были к нему благосклонны. Однако в августе, когда он достиг нижнего течения Роны, солнце палило нещадно, и редингот, скорее всего, был приторочен поверх седельных сумок. Вода почти не беспокоила Фаварже, даже в речных долинах, вплоть до 6 сентября, когда он добрался до Каркасона. Начался ливень. И почти не прекращался всю дорогу от Тулузы до Ла-Рошели. Фаварже пришлось купить новую шляпу: 10 ливров. А еще он провел в седле столько времени, что вынужден был приобрести новую пару панталон: 26 ливров за штаны, купленные вместе с пледом, чтобы не мерзнуть по ночам, поскольку к началу октября они стали весьма прохладными. Дороги в те времена были покрыты таким слоем грязи, что его лошадь оступалась и падала по нескольку раз в день. В конце концов ему пришлось вести ее в поводу, в результате чего он сносил еще и сапоги: 3 ливра и 3 су за подшивку новых подошв. Фаварже потел под лангедокским солнцем, мерз в осенней грязи Пуату, так что вид у него в пути, вероятнее всего, был не самый щегольской. Когда он заходил на очередной деревенский постоялый двор, от него наверняка пахло. За все это время он только два раза потратился на прачку: 1 ливр 10 су в Тулузе и 1 ливр 4 су в Тоннене – в обоих случаях эта плата примерно равнялась дневному заработку одного из печатников *STN*. При себе у него были охотничий нож и перевязь с пистолетами, которые ему за 10 су почистил и наладил один марсельский оружейник – после того как Фаварже рассказали о бандитах, орудовавших на дороге в Тулон.

Впрочем, сам Фаварже на разбойника с большой дороги похож не был, несмотря на пыль и грязь, что успели въестись в его редингот. Входя в книжный магазин, удобно расположенный на центральной улице очередного города, он должен был выглядеть презентабельно. По прибытии в Лион он заказал костюм с жилетом: 23 ливра 4 су и 6 денье за материал («вуаль»,

⁴ Ливр стоил 20 су, су – 12 денье. Эти сугубо абстрактные величины, которые использовались при расчетах, не соответствовали находившимся в обращении монетам. Фаварже, вероятнее всего, носил в кошельке лиарды (1 лиард стоил 3 денье) и экю (1 экю равнялся 3 ливрам). Опасаясь грабителей, он вряд ли возил с собой такие ценные монеты, как луидор, стоимость которого равнялась 24 ливрам. Если ему требовались значительные суммы, он мог на них рассчитывать в тех городах, где у *STN* существовали доверительные отношения с банкирами или торговцами. Покупательная способность ливра не была величиной постоянной. В 1789 году простой парижский рабочий получал 20–30 су в день, а квалифицированного каменщика можно было нанять за 40. Стандартная четырехфунтовая буханка хлеба обходилась, как правило, в 8 или 9 су, но в скудные времена эта цена могла удваиваться. См.: *George Rudé. The Crowd in the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1967. P. 21–22.*

⁵ Дневник Фаварже вместе с росписью расходов выложен на сайте, созданном специально для того, чтобы сопровождать эту книгу: www.robertdarnton.org. Там можно свериться с французской расшифровкой рукописи, с оцифрованным оригиналом и с английским переводом. Все цитаты в нижеследующих главах взяты из документов, представленных на сайте как в виде оцифрованной рукописи, так и в расшифровке – там их легко можно найти по имени того человека, о котором идет речь. Поскольку на сайте выложено множество документов, с которыми при необходимости читатель легко может свериться, в книге я свел примечания к минимуму.

легкая хлопчатобумажная ткань) и пошив. Это была серьезная трата для разъездного агента – пять процентов от годового жалования, – но не запредельная. Дважды в дороге он покупал себе ленты (каждая по 12 су), чтобы подвязывать волосы, которые носил на манер конского хвоста. Парик и шпага были бы ему не по статусу. Однако, как и у многих других путешественников, у него были часы: в сентябре он починил их за 2 ливра и 8 су. В приличном обществе он менял сапоги на туфли: новая пара обошлась ему в Тулузе в 4 ливра и 10 су. Сведения о расходах Фаварже предоставляют нам редкую возможность представить себе человека из низшего сословия, который жил два века тому назад. Впрочем, картина быстро блекнет. Мы не знаем, какого цвета у него были глаза.

Однако мы все-таки можем составить некоторое представление о его характере. Стиль его писем отличается прямоотой и отсутствием лишних красивостей, грамматика и каллиграфия безупречны, как и пристало конторскому служащему. Фаварже явно получил неплохое начальное образование, однако даже не пытался упражняться в построении сложных фраз и не пытался прибегать к тем риторическим изыскам и литературным аллюзиям, что время от времени украшали письма его начальства, членов правления *STN*, людей, несомненно, весьма культурных и начитанных. Его корреспонденция была деловой, такой, в которую особенно не вчитывались. Но насколько его слог отражает общий строй мысли, этот слог должен был принадлежать человеку серьезному, услужливому, трудолюбивому и больше привыкшему держаться в тени. Фаварже не предавался мечтаниям, воспринимал мир таким, какой он есть, и описывал его на языке простом и серьезном: подлежащее, сказуемое, дополнение. Иногда он позволял себе толику юмора – но очень редко. Марсельского книжного инспектора он определил как «одного из тех людей, что готовы съесть собственного брата, дабы не остаться без ужина», а Бюше, владельца книжного магазина в Ниме, как «в своем роде камеру-обскуру». Однако он не слишком увлекался фигурами речи и редко использовал разговорные выражения, свойственные книготорговой среде, – вроде того комплемента, которым одарил Малерба, нелегального книгопродавца из Лудёна: «Умеет он продать свои ракушки» (*Il sait fort bien vendre ses coquilles*).

Фаварже мог быть человеком скромным, но провести его было непросто. Переговоры с торговцами он вел достаточно жестко и безо всяких колебаний привлекал должников к суду. Когда тулузский маклер по фамилии Казамеа (имена действующих лиц в документах зачастую опускаются) попытался силой заставить его снизить фиксированные цены на книги, изданные *STN*, а затем в порыве ярости порвал заказной список, Фаварже дал ему отпор. На него не произвел впечатления Фолькон, синдик книготорговой гильдии в Пуатье, который ходил по городу «надувшись от важности». Не одобрил он и претенциозных манер лионских патрициев, не пожелавших тратить время на разговоры с ним, при том что большую часть дня они предавались чревоугодию, вместо того чтобы заниматься своими магазинами. Книготорговцы из областей южных, вроде Шамбо из Авиньона или Фелина из Юзе, принадлежали к другой породе: болтуны и бездельники. Люди ленивые и болтливые не могли рассчитывать на высокую оценку в тех отчетах, что Фаварже направлял своему начальству. Столкнувшись с интриганством, пустословием или с *dolce farniente*, особенно в тех случаях, когда клиент жил на Юге, Фаварже писал домой так, как если бы столкнулся с чужой цивилизацией – что было недалеко от истины: он был добрым швейцарцем, попавшим в непостижимый французский мир.

Несмотря на сугубо коммерческий характер писем Фаварже, они могут дать некоторое представление о его взглядах на жизнь. Тон в них не всегда остается сугубо деловым: он хорошо знал своих нанимателей и мог быть с ними откровенным. На социальной лестнице они, конечно же, стояли выше него – состоятельные и образованные люди из хороших семей, пользовавшиеся в не слишком обширной нёвшательской вселенной немалым авторитетом, – так что он писал к ним всегда в весьма уважительной манере. Но они оказали ему доверие, взяв на работу еще совсем молодым человеком и позволив за годы работы в конторе пройти неплохую школу.

Они доверили ему вести деликатные переговоры и ожидали, что он будет делиться с ними конфиденциальной информацией о каждом из книготорговцев, с которыми сталкивался. Так что его беглые замечания о человеческой составляющей в этой торговле говорят не только о других книгопродавцах, но и о его собственных взглядах. Больше всего симпатии он выражает к владельцам магазинчиков в маленьких провинциальных городах, которые не пытались жульничать при заключении сделок, соглашались на разумные условия, не пускались в авантюры, вовремя платили по счетам и имели прочную репутацию среди местных жителей. Так, Пьер Ле Пуатье из Кастра удостоился положительного отзыва: «Он, судя по всему, ведет дело достойным образом, потому что подбор книг в магазине хороший. На вид он человек положительный и обещал в скором времени направить заказ в головную контору». Наведя дополнительные справки у местных торговцев, Фаварже оценил репутацию ле Портье как «очень хорошую»: «Ему можно с полным доверием отправлять товар. В разговорах со мной люди отзывались о нем весьма положительно. Он достаточно состоятелен, несмотря на все те трудности, с которыми книгопродавцу, торгующему пиратскими изданиями, приходится сталкиваться в маленьких городах».

Подобной высокой оценки удостаивались немногие: в предыдущих своих поездках Фаварже провел достаточно времени, вынюхивая и выспрашивая разного рода подробности, чтобы навсегда излечиться от любых иллюзий во всем, что касалось морального облика деловых людей. Ему часто приходилось сталкиваться с жуликами и мерзавцами, вроде Бюше из Нима, который тайком проматывал приданое жены, и Кальдезега из Марселя, который, объявив о банкротстве, пытался заключить тайную сделку, касавшуюся его долгов. Подобного поведения Фаварже не одобрял, но понимал необходимость иметь дело с далекими от совершенства представителями человеческого рода, особенно в обширной сфере нелегальной книжной торговли. О торговцах он пишет вполне трезво, но без цинизма, критично, но без ханжества. В редких случаях в его письмах все-таки сквозят негодующие интонации. Так, например, когда Вернарель, книжный торговец из Бурк-ан-Бреса, заказал партию недавно вышедшей книги у парижского издателя, а затем отправил один экземпляр в *STN*, чтобы с него сняли пиратскую копию, он дает волю возмущению: «Что за тип! Неужели он не понимал, что ему придется иметь дело с собственной совестью, когда отправлял нам ту книгу, о которой я говорил в предыдущем письме?»

Впрочем, как правило, Фаварже писал о деловых предметах, часть из которых носила сомнительный, а то и вовсе противозаконный характер, безо всякого морализаторства. Он продал уйму порнографических и антирелигиозных сочинений, упоминая о них, как и о других непристойных (*scabreux*) изданиях, в констатирующей манере, как о торговых активах. Книгопродавцы придерживались тех же позиций. И только однажды Фаварже столкнулся с маклером, который смешивал соображения делового и идеологического порядка, и эта встреча его удивила: «Арль. Годьон – настоящая находка, но человек он довольно странный... Когда я завел речь о Библии и об Энциклопедии, он ответил, что он слишком хороший католик, чтобы распространять книги настолько нечестивые, что все эти Энциклопедии ему предлагали и раньше, но он, конечно же, не продал ни единой из них».

Библия в глазах этого книготорговца оказалась нечестивой книгой, поскольку речь шла о протестантском издании, обильно снабженном еретическими комментариями. Сам Фаварже был не менее хорошим швейцарским протестантом, и, спускаясь на юг по долине Роны, он вторгнулся на вражескую территорию, все дальше заходя в самое средоточие французского католицизма. Прибыв в Марсель, он, к своему разочарованию, обнаружил, что все магазины закрыты, поскольку был день накануне Успения Пресвятой Девы: «Пушка в крепости и корабельная артиллерия замечательно палят в честь Девы Марии». Для протестантского уха звуки были непривычными. Фаварже был шокирован тулузским «мракобесием», а нетерпимое отношение со стороны книжных инспекторов и в Тулузе, и в Марселе неприятно его поразило. До

него доходили слухи о том, что Людовик XVI вот-вот восстановит протестантов в гражданских правах, которых они были полностью лишены после отмены Нантского эдикта в 1685 году, включая даже право на наследование собственности и на законный брак. Поэтому он рассчитывал на радушный прием в палатах синдикатов (*chambres syndicales*) провинциальных гильдий. В самом деле, когда из Нёвшателя прибывали партии протестантских книг, многие гильдейские чиновники соглашались смотреть на это сквозь пальцы. Но Фаварже все равно чувствовал, что на него поглядывают с подозрением – и как на еретика, и как на агента иностранного издательства.

Эти два качества дополняли друг друга, поскольку именно нелегальные маршруты распространения протестантских книг, налаженные еще в XVI веке, двести лет спустя стали дорогами Просвещения. Философы, получившие протестантское воспитание, от Пьера Бейля до Жан-Жака Руссо, внесли в радикальную мысль свою неповторимую интонацию; и от Амстердама до Женевы протестантские издатели использовали гугенотскую диаспору для того, чтобы наряду с книгами сугубо протестантскими сбывать труды философов. Фаварже не был интеллектуалом, но действовал как представитель просветителей просто в силу того, что выполнял свою работу. Его наниматели печатали книги, которые он продавал, Библию вместе с «Энциклопедией», словно между ними не было никаких противоречий. И в контексте книжной торговли XVIII века противоречий действительно не было.

У Фаварже вполне могли быть свои мнения по философским вопросам, но в деловой обстановке он никогда их не высказывал. Никаких намеков на то, что его собственные воззрения могли оказывать хоть какое-то влияние на его профессиональную деятельность в качестве книготоргового агента, мы не найдем ни в его письмах, ни в дневнике. Он просто родился протестантом и, когда отправлялся в путь, брал протестантизм с собой. Подобный образ жизни он, видимо, считал чем-то само собой разумеющимся – и, попав во Франции в общество протестантов, чувствовал себя почти как дома. Среди людей себе подобных – трудолюбивых, привыкших говорить правду и вовремя платить по счетам – он и впрямь мог расслабиться. Понятно, что и среди них могли попадаться негодяи, вроде пастора Дюмона из Тоньена, который продал присланную ему партию Библий, изданных *STN*, а затем отказался за нее платить. Но, как правило, Фаварже был склонен доверять своим собратьям-протестантам, как людям, на которых можно положиться на этой вражеской территории, где они по-прежнему были лишены гражданских прав. Французские гугеноты привыкли доверять друг другу – и должны были доверять, иначе бы не сумели пережить века гонений.

Разветвленные сети родственных и дружеских связей, существовавшие между французскими и швейцарскими протестантами, помогали Фаварже не потеряться во Франции. В дневнике у него был список гугенотских пасторов, и куда бы он ни приехал, гугеноты встречали его гостеприимно. Кроме того, они снабжали его рекомендательными письмами к другим единоверцам, так что в попытках разжиться заказами от католических книготорговцев или получить с них по счетам он мог рассчитывать на весьма немаловажный ресурс – на подсказку и поддержку со стороны местных протестантов. В Ниме он сходил послушать влиятельного пастора Поля Рабо, который проповедовал «в пустыне» – то есть под открытым небом, за городскими стенами, поскольку гугенотом было запрещено совершать богослужения в собственных церквях. Сам Рабо и его сын, будущий революционер Жан-Поль Рабо Сент-Этьен, были друзьями главного управляющего *STN*, Фредерика-Самюэля Остервальда, и сообщили Фаварже адреса еще целого ряда протестантских пасторов, с которыми он мог встретиться на протяжении своего путешествия.

Кроме того, ему оказывали теплый прием обычные миряне-протестанты, которые когда-то получали образование в Нёвшателе, и часть из них – в том пансионе, где сам Остервальд в 1750-е годы давал уроки математики и географии. Остервальда, впрочем, не следует путать с каким-нибудь скромным деревенским учителем. Он был состоятельным городским патрицием,

глубоко вовлеченным в локальные политические процессы, но, судя по всему, помимо способности к государственной деятельности, обладал еще и немалым преподавательским талантом. Один из его наиболее восторженных бывших учеников, купец по имени Жан Рансон, приютил Фаварже в Ла-Рошели и описал в письме время, проведенное вместе с ним. Он рассказал, что Фаварже «отличается той прямоотой, которую редко встретишь среди французов и которая в вашей стране считается делом обычным. Я спросил у него, обучался ли он в коллеже (средней школе) в Нёвшателе. Нет, мсье, ответил он. Я учился в Ла-Фаварж, где мсье Остервальд избавил меня от участи земледельца, предложив стать клерком в его конторе, и я стал клерком». Пытаясь выяснить, насколько светским человеком является Фаварже, Рансон спросил его, не играет ли он на каком-либо из музыкальных инструментов. «Ах, месье, – ответил он мне, – не пытайтесь обнаружить во мне какой бы то ни было талант. Я лишен таковых напрочь». Рансон, не встречавший подобной скромности среди высших слоев провинциальной буржуазии, был весьма впечатлен. «Ничто так не способно завоевать мою приязнь, как чистосердечие»⁶. Это единственное описание Фаварже, сохранившееся в бумагах «Общества», но оно полностью подтверждает то впечатление скромного, однако вполне уверенного в себе молодого человека, которое складывается при чтении его писем.

Есть в письмах и несколько деталей, которые могут дать представление о его личной жизни – пускай и весьма смутное. По прибытии в Лион Фаварже послал приветствие товарищам-клеркам из *STN*, «которых я обнимаю», и попросил их передать письмо его сестре. *Messieurs les collègues*, как он их называл, трудились в *comptoir*, или самом правлении, относительно замкнутом небольшом мирке, где трое-четверо служащих возились со счетами, описями и отчетами о поставках. Тем временем члены совета директоров диктовали письма или следили за работой в типографии; там, в свою очередь, стояла дюжина станков, за которыми работало двадцать-тридцать человек. Судя по всему, с другими клерками Фаварже был на дружеской ноге. В постскриптуме к письму, отправленному из Марманды, он выделил двоих из них, послав им особые приветствия: Абрама Давида Мерсье, главного бухгалтера, и Шварца, ученика или стажера, который, по окончании учебы в Кольмаре, совершенствовался в знании книготоргового дела. Шварц сделал в дневнике Фаварже пометку, попросив его по прибытии в Кольмар передать «тысячу поклонов» его друзьям и родственникам, и в особенности месье Биллингу, бывшему учителю Шварца в тамошней средней школе, который, кстати, может многое порассказать о книготорговцах Тюбингена и Штутгарта. В такие дали Фаварже не забирался, но пометка свидетельствует о том, что основой для его коммерческой деятельности служила система личных связей.

В другом постскриптуме Фаварже передавал уверения в совершеннейшем почтении женам Остервальда и Жана-Эли Бертрана, зятя Остервальда и тоже члена совета директоров. Кроме того, он спрашивал о здоровье их домашней собачки: «Не заболел ли песик (*le petit toutou*)? Прошлой ночью мне снилось, что он издох». Служащего, которой беспокоится о том, хорошо ли чувствует себя собачка жены хозяина, трудно счесть человеком со стороны, которого с фирмой связывают сугубо деловые отношения. Говоря о делах, касающихся *STN*, Фаварже неизменно пользовался формами первого лица множественного числа, даже если писал в дневнике: «наши Библии», «наши интересы», «наше здание». Из его писем, адресованных в центральную контору, складывается впечатление полного единства интересов; в свою очередь, контора – то есть, собственно, Остервальд, который вел корреспонденцию «Общества», – проявляла заботу о благополучии Фаварже. Когда Фаварже выехал из Лиона, где уже успел побывать за два года до этого, и направился в неизведанные земли, Остервальд поста-

⁶ От Рансона в *STN*, 7 ноября 1778 года, Архив Типографического общества Нёвшатель, Публичная библиотека Университета Нёвшатель, Нёвшатель, Швейцария. Ссылки на документы, отсутствующие на сайте, будут даваться в сносках. Во всех случаях, кроме особо оговоренных, они взяты из архива *STN*.

рался его подбодрить: «*Bon voyage*, желаю удачи в делах и хорошо провести время. Мы будем признательны за ваши заботы о своем здоровье и за те усилия, которые вы приложите для выполнения своей задачи».

Трудности, с которыми приходилось сталкиваться одиноким путешественникам на дорогах XVIII века, сегодня трудно себе вообразить. Фаварже так ни разу и не пришлось пустить в дело пистолеты, но, выехав из Авиньона, он подцепил весьма неприятную форму чесотки, которую вызывают микроскопические клещи, проникающие под кожу: «Мне придется пережить кровопускание, а затем очистку организма [вероятнее всего, посредством клизмы]. Я обратился к хирургу и получил от него эти рекомендации». Как только его собственное здоровье пошло на поправку, захворала лошадь. Позади было уже более сотни миль нелегкого пути, и Фаварже, судя по всему, успел к ней привязаться. Он регулярно докладывал о ее состоянии, и в сентябре, когда на Южную Францию обрушились бури и лошади стало совсем худо, тон его писем стал весьма тревожным. Остервальд отвечал ему из Нёвшателя: «Нас куда более беспокоит ваше собственное здоровье, нежели здоровье вашей лошади».

Приписывать отношениям человека и животного сентиментальный характер было бы ошибкой. Жизнь у путника была достаточно суровой. Дороги были ужасными – земляные колеи, сплошь усеянные рытвинами и заполненные грязью, если не считать немногих основных трасс, ведущих напрямик в Париж⁷. Постоялые дворы немного могли предложить усталым путникам, проводившим весь день в седле. Тамошняя пища и тамошняя грязь, в равной степени отвратительные, служили излюбленной темой рассказов для путешественников, особенно для тех, кто уже успел познакомиться с английскими постоялыми дворами – как Тобайас Смоллет, шотландский романист: «По всему югу Франции, за исключением больших городов, гостиницы холодные, сырые, темные, унылые и полные пыли; владельцы сплошь бездельники и вымогатели; прислуга неуклюжая, чумахая и бестолковая; кучера ленивые, жадные и нахальные». Артур Янг, английский агроном, проезжавший по югу Франции примерно той же дорогой, что и Фаварже, описывал гостиницу в Сен-Жироне как «место, полное самых отвратительных грязи, мрази, жульничества и бесстыдства из всех, что когда-либо испытывали терпение или оскорбляли чувства путника»⁸.

Во времена более поздние, когда Фаварже уже расстался с *STN*, фирма наняла другого *commis voyageur*, Жакоба-Франсуа Борнана. Тот годами ездил по Франции, как правило, в повозке, но при этом приходилось ему еще труднее, чем Фаварже, и в дороге (он получил ранение, когда экипаж его перевернулся), и в книжных магазинах. В 1784 году он писал из Лиона: «Здесь понятия не имеют ни о доверии, ни об учтивости... Вы по своему опыту должны знать, господа, как трудно здесь хоть о чем-нибудь договориться. Я уверен, что сделал все от меня зависящее, чтобы позаботиться о ваших интересах. Если бы я думал, что у вас могут закрасться хоть какие-то подозрения на сей счет, я пришел бы в отчаяние. Но, повторяю, я просто хочу вернуться домой»⁹. В Париже было еще того хуже¹⁰: «Долгие и по большей части бесполезные хлопоты, которыми здесь приходится заниматься, и постоянные проволочки, которые здешние люди устраивают по самым мелким и незначительным поводам, превращают любое дело в

⁷ Перестройка этих основных дорог, которые вели из провинций в Париж, благодаря принудительному труду в рамках дорожной повинности (*corvée des chemins*) между 1738 и 1780 годами, сократила время в пути вдвое, но Фаварже приходилось передвигаться по дорогам поперечным, а те, как правило, оставались в состоянии весьма прискорбном. См.: *Guy Arbellot. La grande mutation des routes de France au milieu du XVIIIe siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 28 (1973). P. 765–791*; а также: *J. Letaconnoux. Les transports en France au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 11 (1908/1909). P. 97–114.*

⁸ Цит. по: *Henri Sée. Les auberges françaises à la fin de l'Ancien Régime d'après Arthur Young // Revue d'histoire économique et sociale. 1930. 18. P. 446, 447, 450.*

⁹ От Борнана в *STN*, 12 апреля 1784 года.

¹⁰ От Борнана в *STN*, 2 марта 1785 года.

самую настоящую каторгу, и хуже, чем в этом городе, мне жить не доводилось никогда. По улицам не пройдешь, поскольку грязь стоит до самых порогов. Снег и дождь идут попеременно... Холод просто невыносимый».

Опыт у каждого торгового представителя был, конечно же, свой, но все они выполняли одни и те же функции, и встретить их можно было во Франции везде, где продавались книги¹¹. В Европе конца XVIII века без торгового представителя не мог обойтись ни один сколько-нибудь заметный издатель. Раз в год или два он выбирал в головной конторе надежного служащего и отправлял в поход, объяснив основные задачи и проложив маршрут в зависимости от конкретных нужд. Поездка могла занять всего неделю, если речь шла о том, чтобы уладить споры по счетам в близлежащем городе или скупить в том или ином районе надлежащее количество бумаги. А могла растянуться на долгие месяцы, сотни миль и касаться всех мыслимых сторон книготорговли, как это было в случае Фаварже. Торговые представители непрерывно сновали по Европе. Несмотря на всю свою неприметность, они оставили по себе многочисленные следы в архивах *STN*. Когда во время поездки в Париж в 1777 году директора *STN* обсуждали деловые вопросы с дружественными издателями, Клеман Пломтё из Льежа рассказал им, к примеру о том, что он отправил *commis* в *tour de la France*, продавать энциклопедии¹². Это была стандартная практика, и в головную контору они писали об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Подобного же рода коммивояжеры, работавшие на других издателей, часто появлялись и в Нёвшателе, а агенты *STN* то и дело пересекались с ними по дороге.

В предыдущей поездке Фаварже обнаружил, что торговый представитель Типографического общества Лозанны опережает его в пути на несколько городов, снимая сливки у савойских торговцев, готовых покупать книги¹³. Пришлось ему столкнуться и с торговым представителем Самюэля Фоша, конкурирующего с *STN* нёвшательского издателя, – тот также путешествовал по Лангедоку в 1778 году. Человек от Фоша продавал во многом те же самые книги, что и Фаварже, и зачастую по более низкой цене, согласно отчетам, проходившим через книжные магазины; но в каждом городе он останавливался на более долгий срок, и со здоровьем, по слухам, у него было неладно. Перегревшись на южном солнце, он совсем расхворался и вынужден был вернуться в Монпелье, так что у Фаварже появилась надежда его обставить. Тем временем в Тулоне Фаварже повстречал Амабля Леруа, торгового представителя Жозефа Дюплена, лионского издателя, одного из партнеров *STN* по спекуляции *Encyclopédie*, выпущенной *in quatio*. Леруа возвращался в свою главную контору, совершив впечатляющее турне по югу, в ходе которого добрался аж до самого Бордо. Они провели вдвоем чудный вечер в гостинице, обмениваясь историями о продаже энциклопедий.

Встречи подобного рода не были редкостью, поскольку торговые представители следовали одними и теми же маршрутами, заходили в одни и те же магазины и останавливались на одних и тех же постоянных дворах. Несмотря на соперничество, они сводили между собой знакомство и в общих интересах обменивались информацией об условиях торговли. Некоторые рассчитывали занять более высокое положение, потому что были сыновьями солидных книготорговцев, уже начавших действовать как издатели в современном смысле слова. Эти торговцы

¹¹ Вот единственное исследование, посвященное торговым представителям или разъездным агентам по продажам в XVIII веке, которое мне удалось отыскать в научной литературе: George V. Taylor. Notes on Commercial Travelers in Eighteenth-Century France // The Business History Review. 3 (1964). P. 346–353. Тем не менее при Старом порядке, согласно мемуарам разъездного агента по фамилии Марлен, их можно было встретить на каждом постоялом дворе и при каждом *table d'hôte*: «Что такое *commis voyageurs*? Это, как правило, молодые люди, которые каждый год ездят по всем городам королевства, выбивая заказы для торговых домов» (цит. по: Albert Babeau. Les Voyageurs en France depuis la Renaissance jusqu'à la Révolution. Paris, 1885; репринтное издание: Geneva: Slatkine, 1970. P. 309). Касательно времен более поздних см.: Bill Bell. «Pioneers of Literature»: The Commercial Traveller in the Early Nineteenth Century // The Reach of Print: Making, Selling, and Using Books / Ed. Peter Isaac and Barry McKay. Winchester; New Castle, Del.: St. Paul's Bibliographies, 1998. P. 121–154.

¹² От Остервальда и Боссе из Парижа в *STN*, 4 апреля 1777 года.

¹³ От Фаварже в *STN*, 16 августа 1776 года.

предпочитали выпускать в продажу новые книги, либо печатая их на стороне, либо справляясь собственными средствами, и сосредотачивали основные усилия на том, чтобы сбывать оптом целые тиражи. Но большинство торговых представителей на всю жизнь оставалось на низших ступенях издательской индустрии. Молодой человек, который хотел получить место торгового представителя, должен был иметь хороший почерк, основательное среднее образование (чтение, письмо и арифметика в объеме необходимом для того, чтобы разобраться со счетами, составленными в ливрах, су и денье) и связи, семейные или дружеские. Издатель нанимал его в качестве клерка (*commis*), как правило, на трехлетний контракт. Обычный для такого рода служащих круг обязанностей – поддерживать коммерческую переписку, вести счетные книги, следить за отправкой товара со складов. Исполняя их, они знакомились с разветвленной сетью издателей, дружественных данной фирме, а также постоянных клиентов из числа книготорговцев, причем как во Франции, так и, в случае крупных швейцарских издательских домов, в большей части Европы. При необходимости клерки отправлялись в кратковременные поездки по нескольким городам или в долгие странствия по нескольким странам. В дороге они набирались знаний – того рода, какие были жизненно важными для издательского дела в XVIII веке. Эти знания касались конкретных вопросов и, в большой мере, человеческих обстоятельств. Сметливый торговый представитель учился различать, кто из владельцев книжных магазинов стоит на грани разорения, какие синдикаты задают тон в *chambres syndicales*, у кого из инспекторов больше всех наметан глаз на пиратские издания, кто из агентов по доставке товара знает наиболее надежные каналы, какие кучера не имеют обыкновения застревать в грязи и, самое главное, кто из общего числа клиентов во всей системе сбыта готов погашать векселя. Такой торговый представитель мог принести своему нанимателю целое состояние. Иногда у него могло возникнуть искушение перейти на работу к другому нанимателю, где ему станут больше платить, а ездить придется не так далеко и часто. Если он обрастал достаточным количеством связей и приобретал кое-какой капитал – лучшим источником которого служила молодая женщина с приданым, – он вполне мог открыть собственный магазин, книжный или в какой-нибудь другой сфере торговли. Если дело не шло, он мог пуститься в странствия уже в каком-нибудь ином качестве, скажем как странствующий печатник, каковых на французских дорогах тоже хватало.

Карьеру Фаварже, судя по всему, можно счесть историей успеха, хотя проследить за ним до и после того времени, когда он работал на *STN*, достаточно сложно¹⁴. Первое письмо в его папке датировано 2 сентября 1775 года. Ему было двадцать шесть лет, и он прислал в «Общество» отчет из Женевы, где пытался утрясти проблемы с оплатой со стороны нескольких местных книготорговцев. Результатом наниматели, видимо, остались довольны, поскольку в августе 1776-го отправили его в долгую поездку – продавать книги и налаживать связи с розничными торговцами в Савойе, Дофине, Лионне и Бургундии. В 1777-м он совершил две краткие поездки во Франш-Конте и в западную Швейцарию, прежде всего с целью отыскать новые источники бумаги. В 1778 году он отправился в пятимесячное путешествие по Франции, которое и стало темой этой книги. Кроме того, в марте 1782-го и в феврале 1783-го он еще дважды ездил по делам *STN*. В первый раз речь шла о попытке спасти спекулятивную сделку в Женеве относительно сочинений Руссо, что не увенчалось успехом. Во втором случае – надо было изменить условия договора с другим женевским издателем об издании «Философской

¹⁴ Жан-Франсуа Фаварже родился в Сен-Блезе, городишке в пяти километрах от Нёвшателя, 28 июня 1749 года (Archives de l'État de Neuchâtel, État Civil de Neuchâtel, EC158). Его отцом был Жан-Фредерик Фаварже, а мать в девичестве звали Анн Барб Шатлен. В нотариальном архиве его отец значится как «горожанин» (*bourgeois*), что предполагает обладание всеми гражданскими правами в округе Нёвшатель; кроме того, там упоминается, что он, как и многие другие нёвшательцы, владел виноградником в окрестностях города, однако о его профессии речи не идет (Archives de l'État, F9, register of the notary Jean-Jacques Favarger, entry for January 28, 1780). Жан-Фредерик Фаварже был знаком с Остервальдом, поскольку выступал в качестве свидетеля по одной из финансовых операций последнего в 1786 году (Archives de l'État, B656, register of the notary Claude-François Bovet, entry for June 24, 1786). Таким образом, очень может статься, что за десять лет до этого он повлиял на решение *STN* нанять его сына на работу.

истории» (*Histoire philosophique*) Рейналя, а затем восстановить контрабандный маршрут из Безансона. Опыт и возраст дали Фаварже право брать на себя более ответственные поручения. Тем временем «Общество» все глубже увязало в долгах. В 1784 году оно временно приостановило платежи, а затем было реорганизовано под новым руководством, чтобы вести дела пусть и с меньшим размахом, но зато имея возможность распропадать уже изданные книги. К тому времени двое из троих директоров *STN*, Абрам Боссе де Люз и Жан-Эли Бертран, уже умерли. Фредерик-Самюэль Остервальд остался членом совета директоров, но уже не в качестве основного партнера. Ему было семьдесят, а Фаварже, которого он нанял десять лет тому назад, исполнилось тридцать четыре. Продолжая работать на *STN*, Фаварже вложил деньги в бакалейную торговлю, которую его брат Самюэль открыл в 1776 году. Документы не содержат конкретных сведений, но, исходя из имеющейся в них информации, можно предположить, что в конечном счете он присоединился к брату как полноправный партнер и в 1783 году оставил мир книг¹⁵.

Единственный документ, в котором изложены те условия, на которых Фаварже был принят на работу в *STN*, – это контракт, подписанный 18 декабря 1776 года, но и он самым удручающим образом неясен в деталях. Речь там идет всего лишь о том, что он должен отработать три года в качестве *commis* и получить 400 нёвшательских франков (сумма, равная 572 турецким ливрам) за 1777 год, 450 франков (643 ливра 10 су) за 1778-й и 550 франков (786 ливров 10 су) за 1779-й, если *STN* останется доволен его работой¹⁶. Поскольку Фаварже взяли на работу напрямую из деревни – «с поля, которое я пахал», как он сказал Рансону, – и он должен был обучаться ремеслу непосредственно за работой, в контракте не уточнялись его обязанности¹⁷. К счастью, более четкое представление об отношениях между издателем и торговым представителем можно получить из досье человека, который сменил Фаварже в этой должности, Жакоба-Франсуа Борнана.

Борнан впервые связался с *STN* в августе 1769 года, сразу после того, как узнал о существовании издательства. Он прислал из Лозанны письмо, в котором предложил свои услуги в качестве клерка, «способного вести переписку, следить за поставками, вести бухгалтерию и делать необходимую работу в типографии»¹⁸. Сразу нёвшательцы нанять его не смогли, но предложили ему соответствующую должность в 1783 году, скорее всего, подыскивая замену Фаварже. 26 августа Борнан подписал контракт, в котором было оговорено, что он проработает три года в качестве *commis* и будет получать 840 нёвшательских франков (1200 турецких ливров) в год и в конце первого года премию, при условии «взаимного удовлетворения»¹⁹. Плата была существенно выше, чем в случае Фаварже, – возможно, потому, что Борнан был старше и опытнее. Прежде всего, он должен был заниматься «книготорговым делом, получать и отправлять партии книг и вести соответствующий учет, при этом посвящая свободное время таким обычным конторским обязанностям, как переписка и помощь в ведении счетных книг». Дополнительно в контракте было прописано, что ему придется совершать поездки в интересах *STN* и что условия каждой такой поездки будут оговариваться особо, «ко взаимной выгоде сторон».

Что именно под этим имелось в виду, стало ясно через шесть месяцев после того, как Борнан приступил к своим обязанностям: ему были даны формальные инструкции касательно поездки, маршрут которой должен был охватить Германию и Италию, хотя *STN* отказалось от

¹⁵ См. главу 13, где можно найти сведения о дальнейшей жизни Фаварже и ссылки на источники.

¹⁶ Контракт подшит в деле Фаварже сразу вслед за дневником о путешествии 1776 года, ms. 1150.

¹⁷ Фаварже, конечно, мог на каком-то этапе – в юности – оказаться за плугом, но крестьянином он не был. Выше речь уже шла о том, что его отец владел виноградниками и обладал полными гражданскими правами в качестве *bourgeois*, что исключало принадлежность к низшим классам.

¹⁸ От Борнана в *STN*, 20 августа 1769 года.

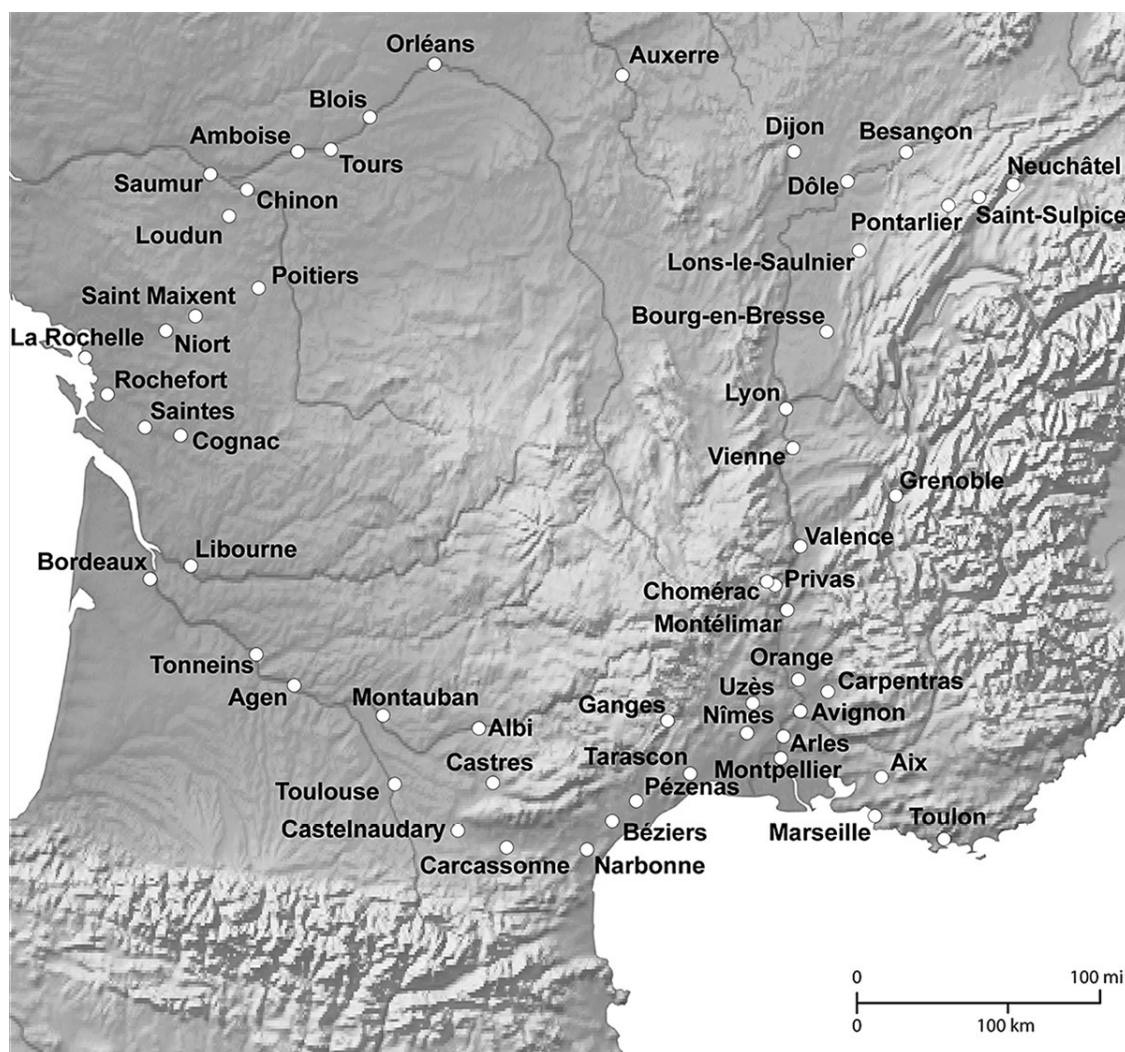
¹⁹ Контракт и другие сопутствующие документы хранятся в досье Борнана в архиве *STN*, ms. 1124.

этого плана – когда он совершил предварительное турне по Французской Швейцарии и Восточной Франции. В те времена «Общество» из всех сил старалось не оказаться на грани банкротства и привести в порядок свои дела, распродавая накопившийся на складах товар. Борнан получил официальные полномочия поверенного и мог свободно действовать от имени издательства: инструктаж как раз и нужен был для того, чтобы обозначить основные задачи и требования. Если покупатель был готов заплатить сразу – векселем на предъявителя, который можно было немедленно обналичить, – то Борнан мог скинуть тридцать процентов с обычной цены, а если клиент упирался, то и все тридцать пять. При прочих сделках ему полагалось принимать векселя сроком от восьми до двенадцати месяцев и предлагать скидку в один процент за каждый месяц, если вексель будет предъявлен к оплате раньше оговоренного срока. Ему следовало возить с собой каталог и сверяться с ним перед сделкой, поскольку после каждого наименования в нем значилась минимальная цена, приемлемая для *STN*, и количество имевшихся в запасе экземпляров. Кроме того, ему доверяли осуществлять бартерные сделки – то есть обменивать книги, которые были в наличии на складе «Общества», на книги, имевшиеся у других издательств и оптовых торговцев, предварительно достигнув максимально выгодного соглашения. Обмен играл важную роль в издательском деле, что и было особо оговорено в инструкциях: «В обменах нет ничего обременительного для нас; напротив, они помогают нам сбывать наш товар, добавляя ему разнообразия, что ведет к прибыли, на которую без подобных сделок мы бы рассчитывать не могли. Но такие сделки требуют всей возможной проницательности и всего благоразумия, на которые способен господин Борнан. Итак, мы оставляем ему полную свободу действий в заключении сделок такого рода».

Вопрос о том, почему именно обмены были настолько важны для издателей, мы обсудим позже. Сейчас достаточно будет сказать, что всякий, кто брался за обменные операции, должен был обладать глубоким знанием книжного дела. Меняя книги, которые имел в избытке, на книги, которые он был в состоянии продать, издатель мог разнообразить предложение и ускорить оборот. Но он мог неверно оценить спрос или не предусмотреть каких-то привходящих обстоятельств: если, например, цену на книги, полученные путем обмена, сбивал выход нового пиратского издания или сами книги оказывались напечатаны плохо и на дешевой бумаге, могла произойти катастрофа. Здесь, как и во всех других аспектах своей деятельности, торговому представителю приходилось быть экспертом в оценке не только рынка, но и людей. В инструкциях, полученных Борнаном от *STN*, говорилось, что он должен присылать характеристику на каждого встреченного им книготорговца, в особенности же на тех, с кем до сей поры ему иметь дело не доводилось. Причем информация должна была касаться не только финансовой достаточности, но и нравственных качеств потенциального клиента. Говоря короче, хороший торговый представитель должен был сочетать в себе качества психолога, экономиста и специалиста по журналистским расследованиям (как мы бы сказали сегодня) вдобавок к мастерскому владению искусством продавать книги.

В случае Фаварже цели путешествия были обозначены в инструкциях, которые директора *STN* записали на первых страницах его дневника. Как и в дневниках других коммивояжеров, такого рода инструкции содержали одновременно и маршрут, и указания, как вести дела «Общества» в каждом месте, где Фаварже останавливался. Однако тот тур де Франс, в который отправили Фаварже, был самым амбициозным из всех путешествий, когда-либо предпринятых в интересах *STN*. Поэтому директивы касательно него дают нам примечательное краткое описание того, как обстояли дела в книжной торговле в 1778 году. Эти инструкции занимают тридцать шесть страниц. В самом начале клерк – юный Шварц, если судить по почерку, – поместил список городов, которые необходимо посетить, и перечислил адреса корреспондентов *STN* в каждом из них. Затем он резюмировал наиболее важные сведения из досье на каждого из этих людей и передал дневник Остервальду, который вписал собственные замечания в пробелах между отдельными пунктами. Эти заметки касались более сложных вопросов и оказались

настолько развернутыми, что Остервальду пришлось добавить еще один список инструкций, в который, видимо, он вставил и то, что ему сказали Боссе и Бертран на темы, особенно занимавшие их, такие как получение векселей и заказ материалов для типографии. Таким образом, инструкции превратились в конечном счете в своеобразный палимпсест: вставленные и вычеркнутые фразы, заметка, наползающая на заметку, отсылки и напоминания, втиснутые разным почерком между строк и вынесенные на поля.

Основные остановки на пути Фаварже по Франции. Скотт Уокер. Картографический отдел Гарвардской библиотеки

Задачи Фаварже были ясно очерчены. По большей части они обладали каждая своей спецификой – улаживать вопрос об оплате счета в одном городе, обхаживать члена *chambre syndicale* в другом. Речь шла о тех же заданиях, что и в его предыдущих, более коротких поездках, – нужно было договориться с контрабандистами, найти партию бумаги, разведать финансовые обстоятельства очередного клиента, не говоря уже о главном, о продаже книг. Но появилась и новая тема. *STN* расширило типографию и получило возможность самостоятельно печатать огромные, *in quarto*, тома «Энциклопедии» и спешно подыскивало новые рынки сбыта. Спрос на книги, казалось, начал расти, особенно в таких жанрах, как путевая проза, роман, труды по истории и по некоторым естественно-научным дисциплинам, а также на *livres philosophiques*, как книгопродавцы называли любые строжайше запрещенные книги. У *STN* уже были свои устоявшиеся отношения с торговцами во всех крупных французских горо-

дах, но издательство намеревалось расширить сеть сбыта и увеличить то, что сейчас именуется «долей рынка». На последних страницах инструкций директора подытожили задачи, которые ставились перед Фаварже в этой поездке, и сделали особый акцент на его обязанности «собирать сведения обо всех книгопродавцах, в особенности о тех, с которыми вы ранее не были знакомы, и заключать четко оговоренные соглашения об условиях продаж».

Сам маршрут, проложенный *STN* для Фаварже, уже свидетельствовал о желании завоевать новые позиции. Ему предстояло пересечь Юрские горы, через ущелье, именуемое местными жителями «Бургундской дырой», подняться по крутой дороге в Валь-де-Травер, пересечь французскую границу недалеко от Понтарлье, уладить кое-какие дела в Бурк-ан-Брес, а затем выполнить ряд особых поручений во время пребывания в Лионе. После остановок во Вьене и Гренобле он должен спуститься по долине Роны и обойти все магазины на юге. Далее ему надлежало следовать по главному торговому пути, пролегающему вдоль Каналь-дю-Миди из Марселя в Бордо, потом направиться на север в Ла-Рошель и продолжить путешествие по Западной Франции через Пуатье и долину Луары. После чего он должен был добраться до богатых книжных рынков Лотарингии через Монтаржи, Санс и Труа (в итоге случилось так, что эту, последнюю, часть поездки «Общество» решило отменить). Ожидалось, что он сможет собрать богатый урожай заказов в Бар-ле-Дюк, Вердене, Меце, Нанси и Люневиле. Затем он вернулся бы через Эльзас по Рейну в Базель. Используя свою стратегическую позицию в Нёвшателе между Рейном и Роной, совет директоров *STN* с воодушевлением смотрел на огромный рынок сбыта вдоль обеих великих рек и прозревал безграничное расширение своего предприятия.

Глава 2

Понтарлье. Пересечение границы и контрабанда

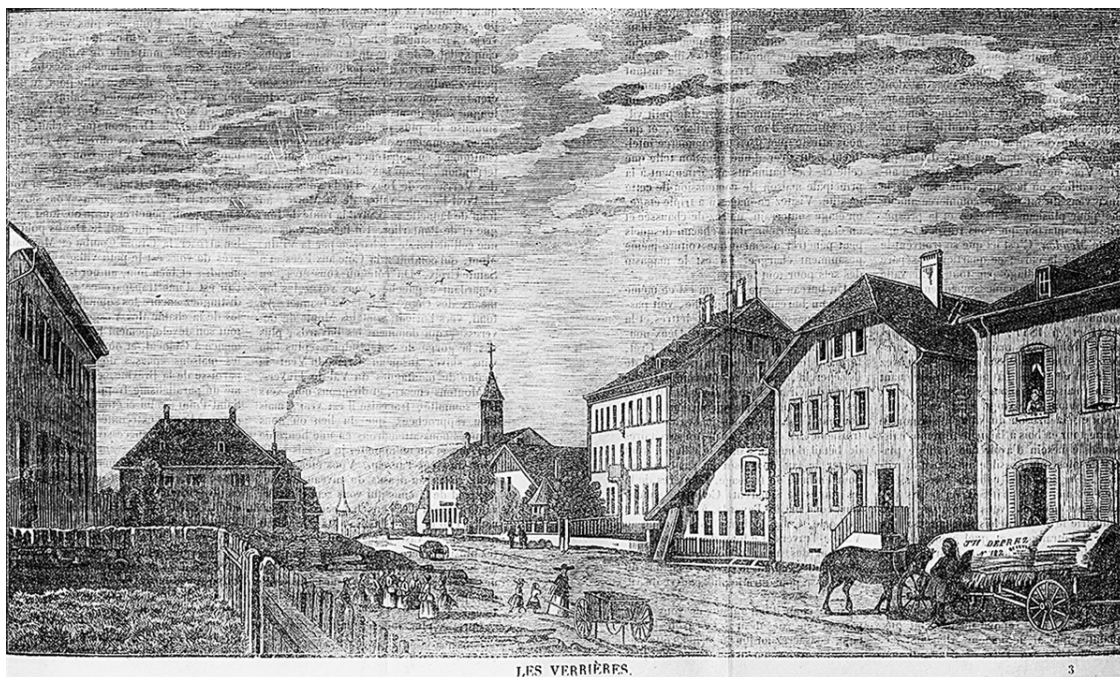
Прибыв в Понтарлье, первый город по ту сторону франко-швейцарской границы, Фаварже отправил срочное письмо в нёвшательскую головную контору. Он не собирался писать так скоро, едва уехав из дому, но на самом рубеже Франции совершил важное открытие. Он остановился в Сен-Сюльписе, на швейцарской стороне границы, для того чтобы провести деловые переговоры с братьями Мёрон, фирмой *commissionnaires* – перевозчиков или агентов по доставке. Их *STN* часто нанимало для того, чтобы переправить свой груз на первом этапе пути из Швейцарии во Францию. Впрочем, на тот момент «Общество» гораздо чаще поручало эту задачу Жану-Франсуа Пиону, конкурировавшему с братьями Мёрон агенту, который вел дела из Понтарлье. В ходе переговоров с Фаварже один из братьев случайно проговорился об одном весьма значительном обстоятельстве: они только что переправили через границу пять пятисотфунтовых тюков с томами «Энциклопедии», изданными *in octavo*.

Для того чтобы понять, почему Фаварже поспешил тут же поделиться этими сведениями с Нёвшателем, – а также для того, чтобы представить себе природу контрабанды как основную сферу профессиональной деятельности, – необходимо знать, как в XVIII веке клиенту доставляли книги. Иногда издатели использовали в качестве тары для них бочки или небольшие ящики (*ballots*), но гораздо чаще книги перевозились в несброшюрованном виде, в листах, которые складывались вместе и соединялись в большие связки, или тюки (*balles*). Лист представлял собой базовую счетную единицу для издателей, когда те определяли стоимость набора и печати, а иногда и при назначении окончательной цены на книгу. (Один лист для тома *in octavo*, покрытый печатью с обеих сторон, содержал шестнадцать страниц текста, которые следовало затем сложить в тетрадь и сшить с другими тетрадями, в результате чего и получалась книга, которую затем переплетал розничный торговец или же сам клиент.) Чтобы сократить транспортные расходы, следовало собирать тюки весом никак не менее пятидесяти фунтов, а зачастую их делали и по сотне фунтов и больше²⁰. В качестве защитного слоя использовалось сено, которое, в свою очередь, оборачивалось грубыми макулатурными листами (*maculature*). Упаковав каждый тюк, его обвязывали толстым шнуром, помечали надписанными поверх упаковки метками (*marques*)²¹ и грузили в фургоны, каждый из которых тянула целая упряжка лошадей. Погрузка требовала определенных навыков: возчик должен был так укладывать тюки, чтобы минимизировать эффект трения от упаковочных веревок, а также со всем возможным тщанием укрыть весь груз просмоленной парусиной для защиты от дождя и снега. Книготорговцы часто жаловались на ущерб, причиненный при небрежной доставке, и требовали от

²⁰ Королевские эдикты, регулировавшие грузовые перевозки, требовали, чтобы при гужевой перевозке (*roulage*) вес каждого места составлял как минимум 50 фунтов. Обычный французский фунт (*livre, poids de marc*) в те времена равнялся 489,5 грамма, то есть составлял приблизительно половину килограмма. Перевозчики считали сотнями фунтов, или квинталами, каждый примерно по 45,4 кг. Фургоны, как правило, представляли собой очень прочные четырехколесные сооружения, в которые впрягали минимум по две лошади в каждый, и общий вес груза на одном возу зачастую доходил до 5000 фунтов. См.: J. Letacounoux. Les transports en France au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine (1899–1914), p. 11; (1908–1909), p. 97–114. Данные, приведенные Летаконну, подтверждаются сотнями писем, отправленных в адрес *STN* агентами по доставке, которые на свои деньги нанимали возчиков и отчаянно торговались за каждый истраченный грош.

²¹ Метка представляла собой не адрес доставки, но скорее аббревиатуру с общей информацией, которая не только проставлялась на упаковке тюка, но и обозначалась в *lettres d'avis* и *lettres de voiture*, а также использовалась в бухгалтерских книгах. Так, например, тюк, маркированный «RP 85», был отправлен *STN* 29 марта 1779 года на адрес Риго и Пона, книготорговцев из Монпелье; тюк весил 200 фунтов и был 85-м по счету, отгруженным *STN* в том году. См.: Livre de commission // *STN* archives, ms. 1019. Фотографии счетов и сопроводительных документов я уже публиковал ранее в статье, посвященной архивам *STN*. См.: Entre l'éditeur et le libraire: Les étapes des ventes // La Société typographique de Neuchâtel 1769–1789. Actes du colloque Neuchâtel 31 octobre au 2 novembre 2002 / Ed. Robert Darnton and Michel Schlup. Neuchâtel: Éditions Attinger, 2005. P. 365–369.

поставщиков, чтобы те заменили поврежденные листы (*défets*) другими, которые специально печатали про запас²². Без потерь переправить пять пятисотфунтовых тюков *Encyclopédies* через границу было делом весьма непростым, и не только в силу трудностей, связанных с необходимостью провести тяжелые фургоны, запряженные когда парой, когда четверкой лошадей, вверх по Валь-де-Травер, по утопавшим в грязи горным дорогам, где стоило одной из лошадей поскользнуться, и беды не избежать, – но и в силу того, что сами книги были вне закона.

Городок Ле-Веррьер. Гравюра на дереве. «Нёвшательский истинный Хромой вестник» («*Le véritable Messager boiteux de Neuchâtel*»). 1856

Их нелегальность не имела ничего общего с крамольными идеями, рассеянными по тексту. В 1778 году «Энциклопедия» пугала французские власти далеко не так сильно, как это было в 1750-х. Фактически Управление книготорговли (*Direction de la librairie*) уже разрешило парижскому издателю по имени Шарль-Жозеф Панкук выпустить ее новое издание, и он сформировал консорциум, в который вошло и STN, для того чтобы подготовить к печати текст, включающий четырехтомное Приложение, в относительно дорогом формате *in quarto*: в общей сложности было издано тридцать шесть томов плюс три тома иллюстраций. Его конкуренты, консорциум, в который вошли издательские дома Лозанны и Берна, тут же воспроизвели этот текст в более дешевом формате *in octavo*. Конкуренция на французском рынке между издателями *in quarto* и издателями *in octavo* спровоцировала яростную торговую войну, которая началась именно на франко-швейцарской границе, под Понтарлье. Обнаружив, что братья Мёрон контрабандой перевезли через границу груз «Энциклопедий» *in octavo*, Фаварже тем самым подал сигнал к контратаке. Но как же Мёронам удалось провернуть этот трюк?²³

²² Печатники заранее учитывали возможную замену *défets* и прикладывали к тиражу дополнительные листы, известные как *chaperon*. Размер этого запаса бывал разным, но в руководствах по типографскому делу говорится, что обычная практика предполагала добавку в процессе печати одной дести (*main de passe*) бумаги (двадцать пять листов) на каждую стопу или на две стопы (пятьсот и тысяча листов соответственно): S. Boulard. *Le manuel de l'imprimeur*. Paris: Boulard, 1791. P. 72. Добавочные листы прежде всего должны были выполнять роль подстраховки на случай типографского брака, но одновременно служили и для того, чтобы удовлетворять жалобы клиентов на *défets*, возникшие по вине поставщика.

²³ Полный отчет об этой афере можно найти в моей монографии: *The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie, 1775–1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979; краткое изложение того же сюжета см. в статье: *The Encyclopédie Wars of Prerevolutionary France* на сайте robertdarnton.org.

Фаварже сделал все, что было в его силах, чтобы выведать ответ на этот вопрос у самих встреченных им в Сен-Сюльписе братьев Мёрон, но единственный ответ, которого он от них добился, звучал так: «Мы знаем, как подставить друзьям плечо в трудную минуту, – если это настоящие друзья». Звучало довольно уклончиво, но сам ответ сулил, в перспективе, нечто более важное, чем возможность натравить полицию на след крупной партии вражеских «Энциклопедий». Он предполагал наличие на французской границе лазейки, дорога через которую могла бы вести прямо в Париж и в другие города в центре Франции. До того как Фаварже оказался в Понтарлье, регулярные досмотры на границе и на французских дорогах вынуждали *STN* отправлять большую часть своих книг через Лион и далее по окружному южному пути, вместо того чтобы везти их напрямую в Безансон, Дижон и города Северной Франции. Несмотря на все интриги и на бесконечный поток писем, издательству так и не удалось достичь своей главной логистической цели: открыть северо-западный проход к неисчерпаемым рынкам Парижского бассейна.

В распоряжении *STN* было множество возможных путей – вниз по Рейну и Роне или различные сухопутные маршруты, а отрезок пути между Лионом и Парижем был относительно недорогим и безопасным. И тем не менее нёвшательцам был нужен северо-западный проход, не только для того, чтобы сократить время и стоимость поставок, но и для большего удобства контрабандных операций. Все попытки провезти товар мимо лионских инспекторов рано или поздно заканчивались провалом. Подпольный маршрут через Понтарлье и Дижон мог не только разгрузить лионское направление; в перспективе на него можно было рассчитывать как на главный канал, по которому страждущие нелегальной литературы читатели центральной и северной Франции смогут получать желаемое.

Хотя Фаварже едва ли нуждался в том, чтобы ему лишний раз об этом напоминали, Остервальд счел необходимым оставить нужное указание в его дневнике, на первой же странице инструкций: по прибытии в Понтарлье ему надлежало расспросить Жана-Франсуа Пиона о том, насколько реальна возможность провозить тюки с книгами через Безансон, не раздражая тамошние власти, и вообще «собирать всю возможную информацию на границе и далее в пути следования». Обронив – как бы между делом – в разговоре с Фаварже приведенные выше слова, Мёрон дал понять, что его фирме удалось отыскать некую щель в барьере, созданном вдоль франко-швейцарской границы на пути нелегальной литературы. Он подчеркнул профессионализм братьев Мёрон и уколол *STN* за то, что оно предпочло отдавать заказы их соперникам по ту сторону границы. Искушение похвастаться удачной операцией перед Фаварже оказалось непреодолимым – с возможным расчетом на то, что это заставит *STN* отказаться от услуг Пиона и вернуться к прежнему партнерству. Понятно, что изъяснялся Мёрон исключительно недомолвками. Ни о маршруте следования, ни о том, как им удалось миновать границу, он не сказал ни полслова.

Сразу по прибытии в Понтарлье Фаварже отправился в штаб-квартиру Пиона. Там он застал только сына хозяина, который остался за старшего, тогда как отец отправился по делам в Безансон. Молодой Пион поведал, что он не может ничего сказать наверняка о незаконных поставках *Encyclopédie*, но что он обратил внимание на несколько таможенных закладных (*acquits à caution*), которые недавно были погашены (*déchargés*) в Дижоне и вернулись через Понтарлье на таможенную в приграничной деревушке под названием Фрамбур. *Acquits à caution* представляли собой ключевой инструмент, которым пользовался Генеральный откуп (*Ferme générale*) – могущественная финансовая организация, сосредоточившая в своих руках таможенные сборы и косвенное налогообложение некоторых товаров в пользу короны и располагавшая даже собственными вооруженными силами. Когда возчик приезжал на таможенный пункт (формально это учреждение именовалось бюро прибытия, *bureau d'entrée*), чиновник из *Ferme* выписывал ему таможенную квитанцию (*acquit à caution*). Этот сопроводительный документ затем гасился другим чиновником в палате синдиков (*chambre syndicale*), то есть в головной

конторе книготорговой гильдии, по прибытии груза в заранее обозначенную столицу провинции (город прибытия, *ville d'entrée*) – и после того, как чиновник досматривал груз. Потом груз можно было направлять в конечный пункт назначения, а возчик возвращал квитанцию вместе с приложенным к нему свидетельством о разгрузке (*certificat de décharge*) на тот таможенный пункт, где документ был выписан²⁴.

С первого взгляда может показаться, что во все более бюрократизировавшейся французской монархии эти процедуры были всего лишь бумажной волокитой, но от того, как исполнялись такого рода формальности, зачастую зависело очень многое. Каким-то образом братья Мёрон умудрились заполучить таможенную квитанцию на нелегальную партию «Энциклопедий» *in octavo*, а издатели этой книги, в свою очередь, сумели убедить Жана-Батиста Капеля, синдика дижонской *chambre syndicale*, придать этим документам официальный статус, выписав свидетельство о разгрузке, – и таким образом открыли своим книгам дорогу к подписчикам, причем дорогу вполне законную. Фаварже обо всем этом доложил в *STN*; *STN* уведомило Панкука; Панкук сообщил тревожную новость в правительственную службу, отвечающую за книжную торговлю; и в скором времени вся партия была конфискована. Это была величайшая победа в «энциклопедических войнах» 1770-х годов: цена вопроса составляла сотни тысяч ливров. Кроме того, она, пусть на время, открыла брешь в системе контроля за распространением книг, поскольку прежде дижонская палата синдиков не обладала правом гасить квитанции. Капель сделал это тайком, и в результате *STN*, желая достичь достигнутый успех, в скором времени связалось с ним, надеясь, что «за деньги он сможет и нам оказать такую же любезность».

Этот эпизод с «Энциклопедией» может послужить примером более широкого явления – бурной деятельности различных посредников, которые брали на себя доставку книг из одной страны в другую. Такие *passeurs* – контрабандисты и разношерстная компания их соучастников – населяли приграничные зоны: пространства, которые нуждаются в специальном исследовании, причем не только в силу их важности для международных отношений, но и в силу того, что там сложились весьма специфические культуры²⁵.

Когда Фаварже проехал через Фрамбур, крохотный пограничный пункт между Швейцарией и Францией, затерянный в Юрских горах, он в очередной раз очутился на чужой территории, оказавшись под властью французского короля, а также всех тех законов, обычаев и религиозных практик, которые и делали эту страну чужой. Но на вид пейзаж был точно таким же – гранитные утесы поверх заросших елью склонов и глубокие зеленые долины. Деревни тоже казались знакомыми – разбросанные вдоль разбитых горных дорог толстостенные дома с крутыми, крытыми дранкой крышами. Да и люди говорили на том же самом французском диалекте, медленном и певучем. Все было привычно *jurassien*, «юрским» – и все же было другим.

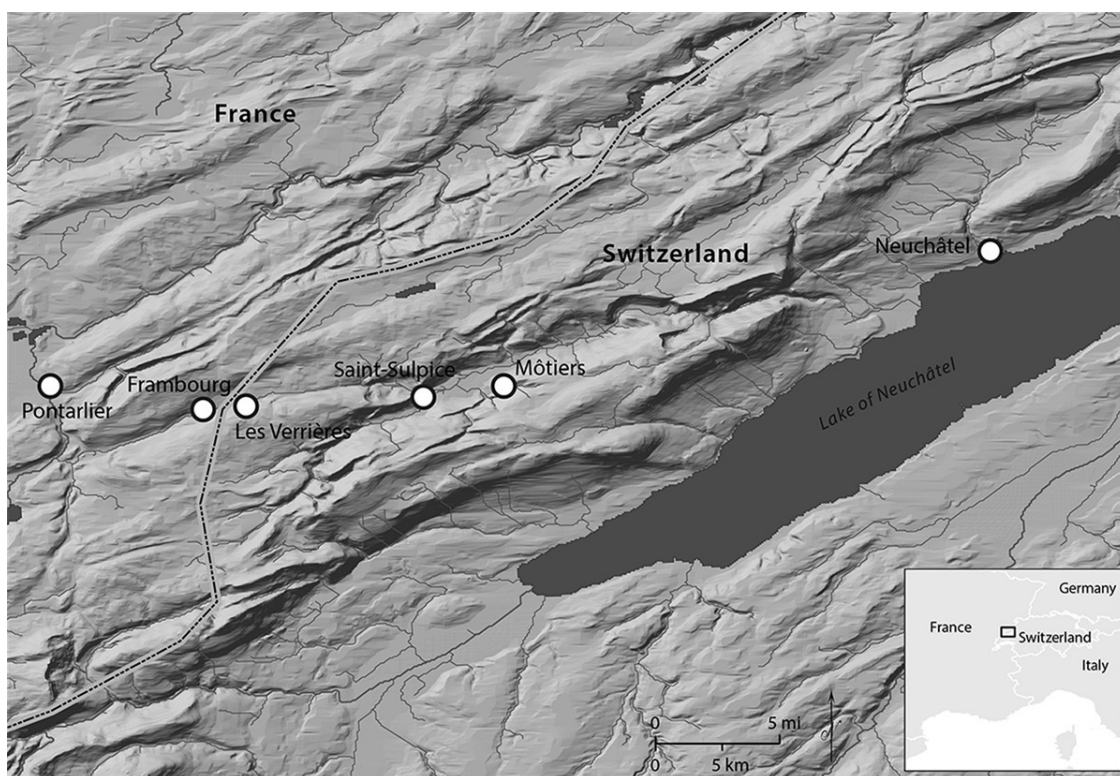
Границы – явление неоднозначное, какими бы четкими они ни выглядели на карте. Для путешественника, который их пересекает, пограничная линия оказывается размытой, и различия между соседними странами обретают множество плавно перетекающих друг в друга оттенков, геологических, политических, экономических и культурных. Государственные власти часто пытались отгородиться от соседей, но в местах пересечения границы путешественники все равно оказываются в переходных зонах, как бывает в международных аэропортах. Эти

²⁴ Процедура, в которой были задействованы *acquits à caution*, упоминается в нескольких документах, связанных с книжной торговлей из собрания Национальной библиотеки Франции, в особенности: Fonds français 22079, no. 140, Mémoire. Renseignements sur les chambres syndicales et les moyens d'en établir une à Besançon, June 11, 1773; а также: Fonds français 22081, no. 165, Mémoire donné à M. de Sartine le 10 novembre 1763. Впрочем, для того чтобы восстановить саму процедуру, я полагался на письма *commissionnaires* из архива *STN*.

²⁵ Сложная природа приграничных зон, давным-давно ставшая излюбленной темой для антропологов, в последнее время стала привлекать и некоторых историков. См., например: Greg Denning. Islands and Beaches: Discourse on a Silent Land: Marquesas, 1774–1880 (Melbourne: Melbourne University Press, 1980) и Peter Sahlin. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees (Berkeley: University of California Press, 1989).

зоны кажутся удивительно похожими друг на друга, вплоть до униформы служащих, которые проверяют паспорта. Пребывание в переходной зоне предполагает множество проверок, которым вещи подлежат наравне с людьми, потому что после перехода один набор правил сменяется на другой, а между областями действия тех и других правил наступает состояние неопределенности. Здесь можно отступать от большинства правил или даже нарушать их, и поэтому в приграничных районах плодятся различного рода посредники, наживающиеся на пересечении границы. Будь это настоящие *passeurs*, обычные проводники или денежные менялы, все эти посредники составляют человеческое своеобразие местного ландшафта.

В XVIII веке они изобиловали вдоль швейцарской границы и наиболее густо населяли Валь-де-Травер, где Швейцария постепенно переходила во Францию. На пути к французским покупателям через Фрамбур проходили всевозможные товары – не только книги, но также хлопчатобумажные ткани, часы и сыры. Когда в 1778 году через приграничные территории проезжал Ламуаньон де Мальзерб, ему рассказали, что контрабандой так или иначе занимается каждый местный крестьянин, вне зависимости от того, на швейцарской или на французской стороне он живет. Что в принципе неизбежно, заключил для себя Мальзерб²⁶, если принять во внимание обилие лазеек и размер возможной прибыли, особенно в том случае, когда дело касалось книг: «Двести экземпляров запрещенной брошюры составляют не слишком большую пачку. И мне представляется делом совершенно несложным перевезти такую пачку на любой из телег, которые то и дело снуют туда-сюда [через границу] по здешней сельской местности, перевоза грузы самого разного рода»²⁷.

Скотт Уокер. Картографический отдел Гарвардской библиотеки

²⁶ Ламуаньон де Мальзерб, Гийом Кретьен (1721–1794) – директор Управления книготорговли в 1750–1763 годах, неоднократно президент Академии наук, впоследствии министр королевского двора, автор «Мемуаров о книготорговле» (Примеч. ред.).

²⁷ *Lamoignon de Malesherbes. Voyages des montagnes neuchâtelaises en été 1778.* Geneva: Editions Slatkine, 2011. P. 80.

Книги требовали со стороны местных французских властей особого внимания, поскольку под давлением парижской гильдии книготорговцев государство принимало различные меры для того, чтобы помешать поставкам из-за границы пиратских и запрещенных изданий. Чтобы потрафить парижским издателям, оно даже ввело жесткий тариф на любой книжный импорт. Размер его варьировался, но в 1772 году сумма доходила до 28 ливров (строго говоря, 20 ливров плюс добавочный сбор в 8 су на каждый ливр) с каждой сотни фунтов товара, или около 18 процентов его стоимости в большинстве случаев. Контрабандисты брались за переброску книг точно так же, как за переброску хлопчатобумажных тканей, на которые налагались запретительные пошлины, введенные, чтобы поддержать французских производителей шелка. Конечно, книжная контрабанда несла с собой еще и идеологическую угрозу, начиная с религиозных войн XVI столетия. Но в предреволюционный период это был прежде всего бизнес, услуга, которую оказывали потому, что на нее существовал спрос, и способов удовлетворить эту потребность было множество.

Профессиональные контрабандисты именовали свою деятельность «страховкой»²⁸. Соответствующего рода предприниматели заключали с издателями контракты, согласно которым брали на себя обязательства переправить груз через границу за оговоренную плату. Они нанимали носильщиков из местных крестьян, чтобы те переносили пачки отпечатанных листов из городов на швейцарской стороне границы в укромные места на французской стороне, где агенты по доставке собирали пачки в большие тюки и развозили по магазинам, разбросанным по всему королевству. Если носильщиков ловил патруль (*brigade*) Генерального откупа, книги конфисковывали, и в этом случае страховщик компенсировал издателю или его клиенту полную стоимость груза, записанную в грузовой накладной. Носильщики подлежали уголовному наказанию. В самых серьезных случаях каждому из них могли выжечь на плече буквы GAL, то есть каторжник (*galérien*), и отправить на девять лет гребцом на тюремные галеры, в Тулон.

Более распространенная форма контрабанды была иной: нелегальные материалы добавляли к вполне невинным грузам и отправляли по обычным торговым маршрутам. При упаковке тюков служащие *STN* прятали листы запрещенных книг на самом дне пачки, прикрыв их соломой, или же вкладывали между листами других книг – это называлось «поженить» (мне попадались Библии, «женатые» на «Фанни Хилл», и атеистические брошюры, вступившие в брак с псалмами). Тюки на границе, как правило, не досматривали. Когда возчик останавливался на пограничном пропускном пункте вроде Фрамбура, таможенный чиновник – именуемый *buraliste* или *receveur* – выписывал ему квитанцию (*acquit à caution*), а собственно досмотр производился в соответствующей *chambre syndicale*, например в Лионе.

Контрабандная доставка такого рода, как правило, заканчивалась успешно и была куда менее опасной, чем «страховка», просто потому, что проверка груза в большинстве случаев сводилась к беглому осмотру нескольких листов из верхней части тюка. В особенности так бывало в тех случаях, когда инспектор, гильдейский служащий, давно имел дело с *STN* или питал слабость к взяткам (впрочем, его мог сопровождать еще и особый чиновник из местной полиции, *inspecteur de la librairie*). Во избежание каких-либо плутней по дороге таможенный

²⁸ Детальнее см. документы и статьи, размещенные на сайте в разделе «Посредники и контрабандисты». Экономический анализ «страховки» наряду с детальным разбором контрабандных практик на другом пограничном переходе см. в статье о Гийоне под названием «Посредники и контрабандисты», помещенной на сайте. Некоторые из моих ранних статей о книжной контрабанде оказались в конечном счете в научно-популярных изданиях, включая книгу, в которой я сам превратился в одного из контрабандистов: «Этот поток [запрещенных книг], разбегавшийся по многочисленным кафе и читательским кружкам, пополнялся целым сообществом контрабандистов и посредников. Одним из главных распространителей подрывной литературы был некий Роберт Дарнтон, издатель из Тьонвиля. Он сотрудничал с Типографическим обществом Нёвшателя, которое печатало газеты и скандальные памфлеты. В качестве прикрытия для своей незаконной деятельности Дарнтон публиковал и книги вполне невинные: альманахи, благочестивые брошюры и школьные учебники» (*André Besson. Contrebandiers et gabelous. Paris: France-Empire, 1989. P. 207; цит. в: Dominique Varry. Pour de nouvelles approches des archives de la Société typographique de Neuchâtel // The Darnton Debate. Books and Revolution in the Eighteenth Century / Ed. Haydn T. Mason. Oxford: Voltaire Foundation, 1998. P. 235.*

чиновник (*buraliste*) на пограничном пропускном пункте обвязывал тюк веревкой и скреплял веревку свинцовыми печатями. Во Фрамбуре эта операция осуществлялась разными способами. Иногда таможенный служащий ограничивался выдачей квитанции и оставлял возню с веревкой и печатями на долю другому чиновнику – уже в близлежащем городке Понтарлье, где у Генерального откупа тоже была своя контора. Тамошний чиновник, в свою очередь, мог передоверить это агенту по доставке, тоже работавшему в Понтарлье, на *STN* или на какое-нибудь другое иностранное издательство.

Агент по доставке (*commissionnaire*) во всем этом процессе играл ключевую роль. Он получал плату в 30 су за «свинцовые печати, веревки и *acquit à caution*»²⁹ и, помимо прочего, принимал на себя ответственность за доставку груза по назначению. Для этого он, как правило, нанимал возчика, чье имя прописывалось в накладной (*lettre de voiture*), которой сопровождался каждый тюк: возчик же отвечал за учет таможенной квитанции. Если возчик доставлял тюк в палату синдиков для дальнейшего досмотра с нетронутыми печатями, ему выдавали свидетельство о разгрузке, которое крепилось к квитанции, и после его возвращения из поездки он сам или нанявший его агент по доставке передавал эти документы таможенному чиновнику во Фрамбуре. Как только учтенная квитанция регистрировалась фрамбурским служащим, официальная процедура считалась завершенной. Но, как и подразумевали эти бюрократические формальности и бумажная волокита, что-то могло пойти не так. И если в оговоренное время – обычно в течение нескольких месяцев – квитанция не возвращалась в исходную точку, агенту по доставке приходилось выплачивать весьма солидный штраф, иногда доходивший до 2000 ливров.

Так что переправить через границу тюк с книгами было непростой задачей, вне зависимости от того, делалось это официально или нелегально. С формальной точки зрения этот процесс происходил в пространстве между *bureau d'entrée* и *ville d'entrée* – в случае транспортировки из Фрамбура в Лион расстояние составляло примерно 130 миль, – поскольку тюк не мог стать частью французского товарооборота, пока не прошел досмотр в конкретной *chambre syndicale*³⁰. По пути следования он проходил через разные руки, так что *STN* приходилось привлекать к делу самого разного рода посредников, как в приграничных районах, так и во внутренних областях королевства. Одним из таких посредников был Жан-Батист Капель. Фаварже составил о нем мнение еще во время поездки в Дижон в 1776 году. В отчете для *STN* он описал Капель как «солидного» книготорговца, который к тому же еще и служил в своей гильдии инспектором и был только рад не заметить при досмотре тюков очередную партию запрещенной к ввозу литературы.

В 1778 году, сделав остановку в Понтарлье, первую на пути, Фаварже отправил в головную контору письмо, где охарактеризовал Дижон как более, чем когда-либо, привлекательную лазейку к северным рынкам. Он порекомендовал *STN* немедленно написать туда и попросить Капель о тех же услугах, которые он оказывал конкурирующим издательствам из Лозанны и Берна. Из конторы тут же ответили – судя по всему, сделал это Остервальд, – проинструктиввав Фаварже, как с наибольшей выгодой использовать «ваше открытие». Пока *STN* будет обхаживать Капель из своей нёвшательской штаб-квартиры, Фаварже надлежит заниматься тем же самым в Лионе. О Капеле в разговорах с Жаком Револем, новым лионским агентом, упоминать не стоит, поскольку «чем больше жил будет в нашем смычке, тем смычок будет лучше».

Все эти интриги в результате принесли только разочарование. Покрывать по просьбе *STN* возможные поставки ее продукции через Дижон Капель отказался. Он был не прочь время

²⁹ От братьев Мёрон, Филлипена и Февра, в *STN*, 13 февраля 1781 года (архив *STN*). Процесс анализируется на основе обширных досье братьев Мёрон, Жана-Франсуа Пиона, Франсуа Мишо, Анри Росселе и Иньяса Февра из архива *STN*. Письма Февра выложены на сайте.

³⁰ Из множества французских *chambres syndicales* погашать *acquits à caution* до 1777 года имели право только в нижеследующих городах: в Париже, Лионе, Руане, Страсбуре, Нанте, Марселе, Бордо, Меце, Реймсе, Амьене, Лилле и Кале.

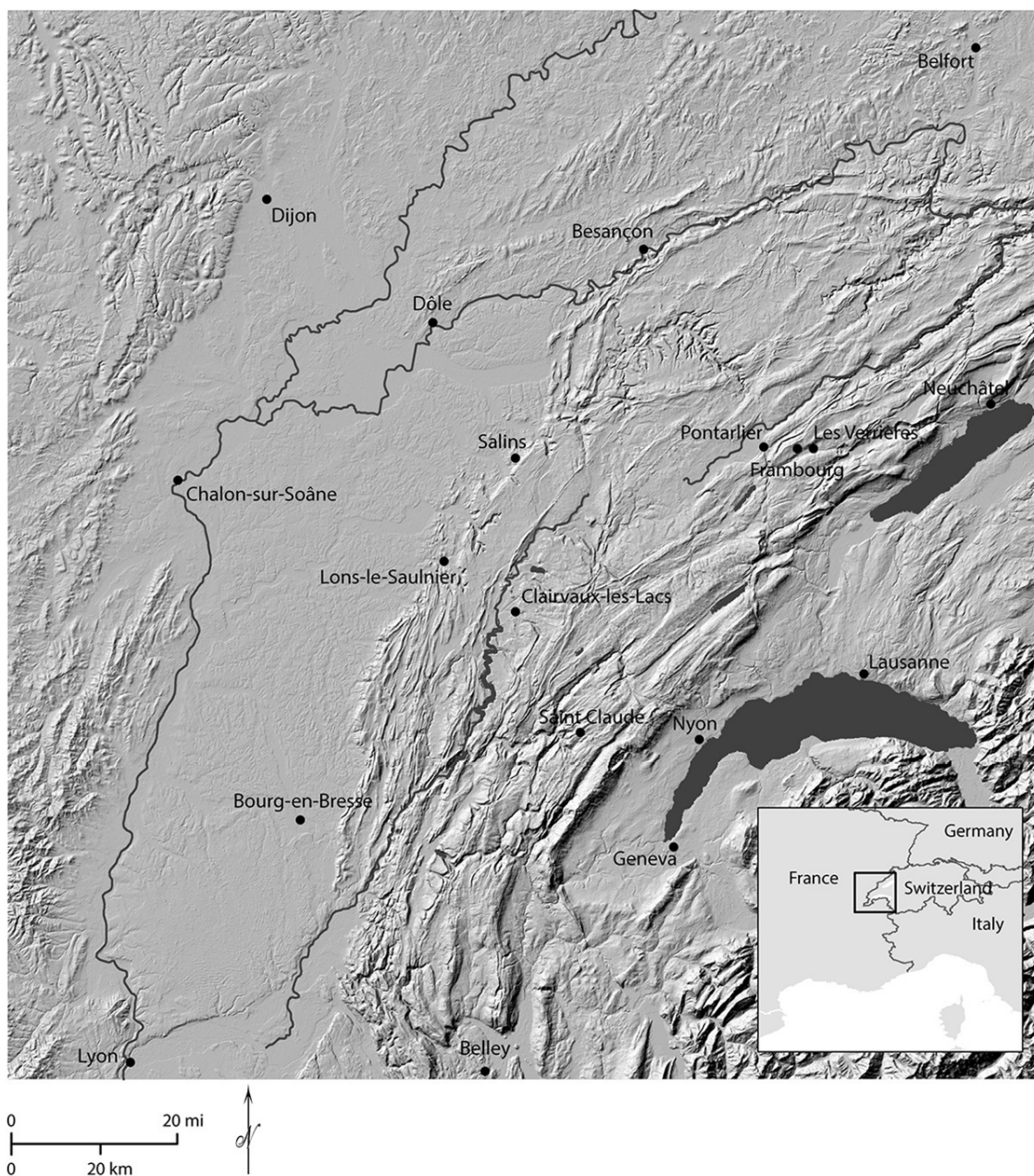
от времени оказывать услуги швейцарским издателям, но не хотел идти на серьезный риск и открывать брешь во французской обороне от пиратской и запрещенной литературы. В конце концов властям Франции удалось перехватить такое большое количество напечатанных в одну восьмую листа «Энциклопедий», что лозаннским и бернским издателям пришлось пойти на мировую и покинуть французский рынок. Но *STN* так никогда и не удалось открыть вожаделенный северо-западный проход, на поиски которого ушло так много сил.

Если воспринимать этот маленький эпизод на франко-швейцарской границе в июле 1778 года как самостоятельную главу в истории контрабанды, то с точки зрения увлекательности и авантюристичности сюжета она явно окажется не самой интересной. Однако у нее есть другие достоинства: она открывает нам весьма значимые аспекты контрабанды как вполне обычного, повседневного вида деятельности. Об этой стороне контрабанды историкам, как правило, узнать удастся не слишком много, поскольку они вынуждены опираться на официальные документы, где речь по преимуществу идет о карательных мерах; сами же контрабандисты имели обыкновение хорошо замечать следы – так что и следы в архивах найти трудно. Но в бумагах *STN* эти *passeurs* появляются в своих обиходных заботах, как деловые люди, а не как искатели приключений. Итак, остановка Фаварже в Понтарлье дает нам возможность попристальнее приглядеться – в полевых условиях – к разным способам переброски книг через границу. Для того чтобы научиться воспринимать их именно в контексте специфической предпринимательской деятельности, прежде всего нам придется рассмотреть те условия, в которых эта деятельность осуществлялась, а из них главными были географические характеристики приграничных зон и особенности тех людей, которых здесь можно было нанять.

Юрский хребет представляет собой 224-мильную дугу, достигающую 38 миль в ширину и протянувшуюся от немецких земель в долине Рейна до французских, в долине Роны. Он не настолько живописен, как Альпы, которые лежат далее к востоку, но тем не менее образует мощную горную преграду между Францией и Швейцарией. Двойная вершина Шассераль и Шассерон возносится над озером Нёвшатель на высоту в 5272 фута, а Кре-де-ла-Неж, самая высокая точка Юры, смотрит на Женеву с высоты в 5643 фута. В солнечный летний день восхождение на них может доставить немалое удовольствие, но для того, чтобы перевалить через них зимой с тяжелым грузом книг за спиной, носильщикам XVIII столетия, полуголодным и вынужденным работать за гроши, приходилось напрягать все свои силы. Сам хребет состоит из глубоких, похожих на меха аккордеона известняково-мергелевых складок, поднятых ввысь напором Альп, возникших 66 миллионов лет назад. Эти складки идут с северо-востока к юго-западу и разделены долинами. Для того чтобы пересечь их, направляясь с востока на запад, нужно воспользоваться поперечными расселинами, клюзами, которые открывают проход из одной долины в другую. Однако связь между этими клюзами затруднена, а самые удобные из таких проходов активнее всего патрулировали отряды Генерального откупа.

Как и другие издатели во франкоязычной части Швейцарии, *STN* постоянно искало новые пути во Францию, перенаправляя поставки и перераспределяя их между разными агентами в зависимости от обстоятельств. Большое количество книг уходило на северные рынки через Базель, где надежный человек, Люк Присверк, переправлял их далее, вниз по Рейну. Но на Рейне приходилось едва ли на не каждом шагу платить очередную пошлину; и ни Базель, ни Страсбург не были удобными воротами во Францию, поскольку Эльзас был отгорожен от внутренних французских рынков прочными таможенными барьерами. Налоги вредили и торговле между Франш-Конте, на восточной границе королевства, и так называемой старой Францией, которая начиналась в Бургундии и включала в себя Париж. Однако пошлины во Франш-Конте были ниже эльзасских, а еще их можно было обойти, если книжные тюки, уже переправленные через границу, замаскировать под грузы, подлежащие внутренней перевозке, и выдать их за

что-нибудь невинное, вроде галантерейных товаров (*mercerie*)³¹. И если *STN* хотело пробиться на основные французские рынки, ему для начала нужно было перебросить книги через Юрские горы.

Скотт Уокер. Картографический отдел Гарвардской библиотеки

Излюбленный маршрут шел вдоль Валь-де-Травер, через таможенный пункт во Фрамбуре, где очередной клюз рассекает горное плато Французской Юры, открывая дорогу на Понтарлье. Незвизрая на высоты и на дурное качество дорог, именно этим путем *STN* переправляло

³¹ Франш-Конте, как и большая часть Южной Франции, относилось к «провинциям как бы заграничным» (*provinces réputées étrangères*), и, следовательно, для того, чтобы доставить через него товары на центральные и северные рынки, приходилось платить транзитные пошлины. Но Эльзас и Лотарингия как «провинции, в действительности заграничные» (*provinces traitées à l'instar de l'étranger effectif*), облагались пошлинами еще более высокими. В силу особой привилегии Лион не уплачивал сборов с товара, идущего на север, в район, известный как *Cinq Grosses Fermes*. См.: F. Boshier. *The Single Duty Project: A Study of the Movement for a French Customs Union in the Eighteenth Century*. London: Athlone, 1964; а также P. M. Jones. *Reform and Revolution in France: The Politics of Transition, 1774–1791*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

тысячи книг. Будь то безобидные пиратские издания или опасные *livres philosophiques*, их в равной мере необходимо было со всей осторожностью доставить на перевалочные пункты в старой Франции (*vieille France*), прежде всего в Лион, самый важный перекресток для дальнейших перевозок контрабанды к югу и западу от Швейцарии.

Если фрамбурские чиновники Генерального откупа отказывались идти навстречу или снег и грязь делали Валь-де-Травер окончательно непроходимой, *STN* чаще всего доставляло книги на возах, следующих в Лозанну или Женеву. В нескольких точках маршрута возчик имел возможность свернуть с основной дороги и передать груз агентам по доставке, а те, в свою очередь, держали его у себя, пока им не подворачивался возчик, чей путь по извилистой горной дороге лежал на запад, к одному из перевалов через Юру, где уже получил взятку таможенник или «страховщик» нашел очередной способ обойти таможенный пункт. Ключевые бюро прибытия в южной части хребта были в Жуне, по ту сторону границы от Ивердона; Морезе, напротив Лозанны; и Коллонже, напротив Женевы. Лозаннские и женевские издатели предпочитали Коллонж, через который проходила основная дорога на Лион, хотя и они, в свою очередь, прилежно искали северо-западный проход к Парижу. Они нанимали агентов в портах на Женевском озере, от Уши до Роля, Ниона и Версуа; агенты налаживали связи с крестьянами-носильщиками, которые жили в предгорьях и в самих горах, а те время от времени открывали новые тропы на диких склонах Мон-Тандр, Мон-Ронд и Мон-Колоби-де-Жес³².

Выгоду от всего этого получали агенты по доставке, держатели складов и постоянных дворов, возчики, носильщики и «страховщики», которые вдали от сторонних глаз населяли Юрские высокогорья. *STN* работало со множеством людей и заставляло их играть друг против друга, стремясь найти новые пути доставки и добиться более выгодных цен. Успех в издательской сфере зависел от успехов в сфере логистики; а для того, чтобы преуспеть в сфере логистики, вне зависимости от того, шла ли речь об официальных каналах или контрабандных, издательству приходилось налаживать сеть более или менее надежных партнеров – наряду с системой более или менее удобных маршрутов доставки. И человеческий фактор на поверку оказывался определяющим.

Так, возчики должны были уметь не только нахлестывать лошадей на горных подъемах, но и включать – в нужный момент – мозги. Им часто приходилось оставлять нелегальный товар на постоянных дворах, где-нибудь на окраине очередного французского города, прежде чем везти свой основной груз на пункт таможенного досмотра и в городской центр. Этот маневр требовал хороших отношений с хозяевами гостиниц, а кроме того, умения рассчитать время прибытия так, чтобы агенты, отвечавшие за следующий этап доставки, могли забрать товар. На таких мастеров своего дела, как Жан Эби или братья Мартен из Сен-Сюльписа, которые считались самыми надежными расторопными возчиками в Валь-де-Травер, можно было полностью положиться: они выполняют все данные им указания и в нужное время придут в нужную точку. В качестве промежуточной остановки часто использовался Круа-Русс под Лионом, где возчики сгружали книги под внимательным присмотром некоего Тевене, хозяина постоянного двора «У трех склянок». Но сколь бы рьяно *STN* ни побуждало своих агентов подбирать именно таких исполнителей, его грузы зачастую приходили не вовремя и в поврежденном виде из-за людей, подобных Гюзе, возчику, известному своей «непростительной безответственностью»³³.

Даже Жан-Франсуа Пион, переправлявший в районе Понтарлье самое большое количество грузов, был известен тем, что у него регулярно случались какие-то накладки. Однажды он отослал бочку квашеной капусты по ошибочному адресу в Лионе, и капусту съели прежде, чем ошибку удалось отследить и исправить. В другой раз он отправил короб книг в Нант вме-

³² См. мою статью о «страховой» операции в Клерво-ле-Лак: *Books and Border Crossings in the Age of Enlightenment*, которая вскоре должна выйти в юбилейном сборнике в честь Ролана Мортье и Раймона Труссона и которую уже можно посмотреть на моем сайте robertdarnton.org.

³³ От Мёрона в *STN*, 26 июня 1783 года.

сто Ренна, промахнувшись на шестьдесят две мили. И тем не менее у него была самая лучшая конюшня во всей Верхней Юре. Он мог предоставить своих собственных возчиков и упряжки в три или в пять лошадей, которые в зимний период запрягались в сани. Его конкурентам, братьям Мёрон и Жонасу Филлипену из Сен-Сюльписа, приходилось нанимать в качестве возчиков местных крестьян с их лошадьми и подводами – горцев с ветхозаветными именами вроде Жонас Луи Матей, Исаак Бове или Абрам Жанреветель, – но весной этот источник иссякал, потому что лошади были нужны под пахоту. То же самое происходило и в так называемый «сырный сезон» (сентябрь–октябрь), когда книги отходили на второй план, уступая место куда более востребованному местному продукту³⁴. В разгар зимы снежный покров на горных перевалах мог достигать трех футов в глубину, и крестьяне старались держаться поближе к домашнему очагу. Застрыв в снегах где-нибудь посреди Валь-де-Траве, возчик вполне мог бросить телегу на произвол судьбы, отпрячь лошадей и отправиться с ними домой. Условия были настолько трудными и непредсказуемыми, что братья Мёрон были попросту не в состоянии гарантировать доставку груза строго к указанной дате. Временные ограничения, закрепленные в контракте, где оговаривались штрафы за их несоблюдение, для некоторых типов контрабандной доставки были крайне значимы, поскольку агент по доставке должен был знать, когда именно ему надлежит встретиться с возчиком на пригородном постоялом дворе. Пион отправлял воз в Нёвшатель раз в неделю и брался доставить книги из Нёвшателя в Лион за пятнадцать дней, по 4 ливра и 10 су за сто фунтов; позже он поднял цену до 5 ливров, снизив при этом время доставки до двенадцати дней. Может, соображал он и не слишком быстро, но у него были лошади. Мёроны, люди намного умнее него, зачастую проигрывали ему в конкурентной борьбе за контракты с *STN*, поскольку им приходилось организовывать доставку от своей штаб-квартиры в Сен-Сюльписе. Пока фургоны Пиона совершали регулярные рейсы до Лиона и обратно, Мёронам оставалось только стенать из-за отсутствия собственных конюшен и несговорчивости людей, которых им приходилось нанимать: «Возчики диктуют нам свои условия»³⁵.

Подобного рода конкуренция, осложненная личной неприязнью и даже враждой, существовала повсюду. Так, например, на южных отрогах Юры в переправке книг через границу доминировала фирма, которой владели Николь и Гайяр, со штаб-квартирой в Ниоме, на Женевском озере. Николь и Гайяр работали с женевскими издателями вроде Жана-Франсуа Бассомпьера, и когда у *STN* возникли сложности со страховщиками, выразили готовность прийти на помощь. Но сами они контрабандой не занимались, да и условия у них были не лучшие: шесть ливров с сотни фунтов за доставку книг из Нёвшателя в Лион и без каких бы то ни было обязательств по срокам. Однако у них работал один предприимчивый служащий, Жан-Жак Монтандон, который в 1771 году уволился, с тем чтобы основать собственное агентство по доставке. В письме, которое он разослал всем клиентам своих бывших работодателей, говорилось, что за девять лет тяжелой и плохо оплачиваемой – 366 ливров в год – работы он всесторонне овладел этим ремеслом и готов оказывать услуги самого высшего качества. Конечно, бывшие наниматели обвинили его в предательстве. Однако они сами отказались дать ему долю в предприятии, так что он был свободен поступать так, как ему заблагорассудится, поскольку уже приобрел права горожанина (*bourgeois*). «Только монарх обладает властью сказать: „Я желаю воспрепятствовать делу, которое начал такой-то, и пренебречь правами человека, издавая указ о том, что никто не может открыть предприятие, наносящее мне ущерб“». Он писал, что не мог обеспечивать семью, получая 366 ливров в год. Он попросту разорился бы, если бы жена не помогла ему деньгами. Что же касается его бывших нанимателей, то он

³⁴ От Мёрона в *STN*, 28 сентября 1778 года.

³⁵ От Мёрона в *STN*, 22 апреля 1780 года.

«вел тамошние дела как хозяин, а не как служащий... Судите сами, господа, был ли я так уж неправ, уволившись в 40 лет, чтобы начать собственное дело»³⁶.

В этих словах выражает себя предпринимательский дух. Но одной только предприимчивости было недостаточно для того, чтобы одолеть существовавшую на французской границе барочную систему налоговых откупов и политически мотивированных таможенных запретов. В ответ на предложение Монтандона *STN* поинтересовалось, сможет ли он провозить через *bureaux d'entrée* книги таким же образом, как это раньше делал с набивными ситцами. Монтандон прощупал почву, переговорив с морезским таможенником по фамилии Жане, «достойным человеком и моим близким другом. Но все же он контролер, и я не могу давить на него слишком сильно»³⁷. Жане отказался пропускать грузы от *STN* через свою станцию без некоторого – пусть минимального – досмотра. Так что Монтандон обратился к другому своему другу в Морезе, по фамилии Шарбонне, который прекрасно разбирался в таможенных делах и к тому же был на дружеской ноге еще с одним человеком в Оксонне, а тот, в свою очередь, имел возможность переправлять ящики с поддельными таможенными печатями во внутренние районы Франции. Кроме того, в Морез должен вскоре прибыть новый таможенный служащий, и Монтандон немедленно свяжется с ним, «чтобы понять, под какую музыку он пляшет»³⁸. К сожалению, эпидемия конфискаций, постигшая вскоре после этого торговлю тканями, привела французских таможенных чиновников в состояние повышенной бдительности и сорвала дружеские договоренности по переправке книг. Монтандон объехал все пропускные пункты, но так и не сумел обзавестись союзниками среди тамошних *buralistes* и в конце концов оставил идею о дополнительных контрабандных доходах, хотя и продолжал в дальнейшем успешно конкурировать со своими бывшими хозяевами, Николем и Гайяром, в области законной торговли.

Похожую историю можно рассказать и об Оливе, агенте по доставке грузов из Уши, который, благодаря одному из своих местных друзей, на время открыл канал переброски грузов через Пон-де-Бовуазен, а затем сам же этот канал и перекрыл из-за возросшей настороженности таможенных чиновников. Он перебежал дорогу Секретану и Де ла Севру, самым крупным агентам по доставке в Уши, и те нанесли ответный удар, напомнив *STN*, что их фирма только что взяла в дело нового партнера, чья жена была родом из Нёвшателя. Такого рода аргументы имели достаточно серьезный вес (хотя и не настолько серьезный, чтобы начинать говорить о скидках), поскольку торговля держалась на доверии, а на последнее прежде всего имело смысл рассчитывать со стороны друзей и родственников. Отсюда постоянные ссылки на личные отношения в сугубо деловой переписке. У Мёронов есть друг в Дижоне, свечник по фамилии Нюбла, который знает, как можно провезти груз, минуя палату синдикатов. Бертран получает сведения о том, что у Конте, книготорговца из Бурк-ан-Бреса, в Бельфоре живет брат, у которого есть друзья в Безансоне, а те, в свою очередь, могут обеспечить нелегальный ввоз книг в этот город. Еще один маршрут на Безансон открывается благодаря зеленщику по фамилии Мийаво, поскольку тот помогает своему другу, книгопродавцу Шарлю-Антуану Шарме, подделывать таможенные квитанции, тогда как сам Шарме состоит в дружеских отношениях с одним инспектором, который питает слабость к «философским книгам».

Иначе говоря, дружеские связи значили не меньше, чем иные преимущества в конкуренции между главными соперниками, и каждый старался склонить чашу весов в свою сторону, налаживая необходимые контакты. Если от связей зависела даже легальная торговля, то нелегальная требовала связей особо прочных – в каждой из ключевых точек в системе распространения товара. Братья Мёрон, пытаясь продать свои услуги *STN*, сформулировали это следую-

³⁶ От Монтандона в *STN*, 16 июля 1779 года.

³⁷ От Монтандона в *STN*, 28 августа 1771 года.

³⁸ От Монтандона в *STN*, 3 сентября 1771 года.

щим образом: «С надежными друзьями для вас нет ничего невозможного»³⁹. Со своей стороны, уже *STN*, запрашивая своих корреспондентов о тех или иных услугах, ничуть не скрывало того, что «рука руку моет».

Впрочем, для того чтобы поддерживать идущий во Францию непрерывный поток запрещенных книг, издателям приходилось полагаться на что-то более надежное, чем добрая воля и ситуативно возникшие договоренности. «Нам нужен устойчивый вариант», – пояснило *STN* братьям Мёрон в ходе переговоров о доставке книг⁴⁰. Как и было сказано выше, таким вариантом стала «страховка», которая превратилась в один из самых значимых элементов деловой стратегии *STN* после 12 июня 1783 года, когда граф де Вержен, французский министр иностранных дел, издал указ, согласно которому все ввезенные из-за границы книги подлежали проверке в парижской палате синдикатов, прежде чем продолжить свой путь к месту назначения. Эта мера ввергла провинциальную книжную торговлю в полный хаос. И дело было не только в том, что расходы на доставку выросли до величин совершенно непредставимых, если только речь не шла о книгах, которые и так везлись в Париж. Отныне гильдия парижских книготорговцев получала возможность тщательно выискивать пиратские издания в каждой партии товара, поступавшего от ее исконных врагов – заграничных пиратских издательств.

Столкнувшись с этой ситуацией, *STN* тут же начало интересоваться у своих постоянных корреспондентов из приграничных районов: не видят ли они возможностей для того, чтобы организовать новую страховую операцию. Франсуа Мишо из Ле-Веррьер, человек, время от времени бравшийся за переброску книг через границу, порекомендовал Иньяса Февра, книготорговца из Понтарлье, и Февр тут же вступил с *STN* в настолько активную переписку, что она заслуживает отдельного внимательного изучения, поскольку представляет собой невероятно богатый источник информации и о том, как складывалась карьера контрабандиста, и о контрабанде как «страховом» предприятии. По словам Мишо, Февр недавно нанял носильщика, у которого сложились превосходные отношения с начальником пограничного патруля. Порядочная взятка приведет к тому, что патруль не обнаружит в грузе ничего предосудительного, при том что возчики Февра могут переправлять из Ле-Веррьер в Понтарлье целые подводы книг. К несчастью, цена на эти услуги была запредельно высокой: в три раза больше, чем стоимость нормальной доставки из Швейцарии в Париж. Однако Февр мог помочь еще и с наймом носильщиков, которые по ночам горными тропами станут перебрасывать книги через границу; а когда товар окажется в безопасности, на его складе в Понтарлье, он сможет отправлять его дальше под видом обычных внутренних перевозок. Эта дальнейшая отправка требовала еще одной хитрости. Февр должен был собрать стопки в тюки по 150 фунтов и более, пометить их как книги (*libri*) и подписать прилагаемую к ним накладную (*lettre de voiture*), тем самым приняв на себя ответственность за их содержимое и подстраховавшись от внезапных проверок, которые могли устраивать дорожные агенты Генерального откупа. Понятно, что нельзя было избежать досмотра со стороны чиновников из гильдии книготорговцев, расположенной ближе прочих к месту назначения, но у Февра были свои способы решить и эту проблему; к тому же, как в *STN* уже знали по собственному опыту, книготорговцы из провинциальных гильдий зачастую с готовностью шли навстречу иностранным издательствам, только чтобы насолить парижанам.

Самая трудная часть пути была связана с пересечением границы. Носильщики с готовностью брались доставить практически любой груз, за исключением нескольких книг, которые находились под совсем уже строжайшим запретом (вроде антирелигиозного «Трактата о трех самозванцах»⁴¹ или пасквиля под названием *Anecdotes sur Mme la comtesse du Barry*⁴², содер-

³⁹ От братьев Мёрон в *STN*, 25 июня 1770 года.

⁴⁰ От *STN* братьям Мёрон, 9 апреля 1776 года.

⁴¹ «Traité des trois imposteurs» – скандальная антирелигиозная работа, называвшая Моисея, Иисуса и Мухаммеда «тремя

жавшего острые нападки на королевский двор) и которые они считали настолько опасными, что оплата оправдывала риск. Если *STN* давало гарантию, что груз не содержит ничего, кроме пиратских изданий безобидных книг, носильщики брались доставить его в Понтарлье из расчета 12 ливров за сотню фунтов – и, важнейшая деталь, бесплатную выпивку на постоялом дворе в Ле-Веррьер, прежде чем они отправятся в сторону границы. Мишо был бы рад помочь, но он мог выступить исключительно в роли агента по доставке. Для того чтобы обустроить это дело, «Обществу» нужно было достичь соглашения непосредственно с Февром. Фактически речь шла об отправке к нему в магазин одного из своих клерков, чтобы тот, выдавая себя за работника магазина, мог координировать контрабандную доставку⁴³.

Рекомендательных писем к Февру нёвшательцам не требовалось. Они имели с ним дело уже не первый год. В январе 1771 года они следующим образом охарактеризовали его в письме к своим парижским корреспондентам: «Человек очень пронырливый и предприимчивый, у которого, впрочем, ничего нет, кроме его познаний и хитростей»⁴⁴. Февр провел некоторое время в Нёвшателе в качестве наемного работника в одном из книготорговых предприятий – возможно, у семейства Фош, с которым, судя по всему, он оставался в близких дружеских отношениях, – и затем открыл собственное дело: книжный магазин в Понтарлье. Его первые заказы у *STN* свидетельствуют о желании нажиться на *livres philosophiques*, в особенности на атеистической *Système de la nature*⁴⁵ д'Ольбаша, которую он заказывал несколько раз. Помимо д'Ольбаша, в число его неподцензурных любимчиков входили вольтеровские *Questions sur l'Encyclopédie*⁴⁶, *L'An deux mille quatre cent quarante* Мерсье⁴⁷ и «Девушка для утех» (*La Fille de joie*), перевод написанного в 1749 году эротического романа Джона Клееланда «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех». Есть серьезные сомнения в том, что все эти книги он продавал в Понтарлье. Насколько можно судить по обрывочным замечаниям в письмах самого Февра, его местная клиентура предпочитала благочестивые трактаты⁴⁸. Население Понтарлье составляло около трех тысяч человек, и там не было сколько-нибудь значимых культурных институций. Городок жил доходами от франко-швейцарской торговли и не слишком разнообразного местного производства: бумага, древесина, сыр, железо плюс продажа лошадей-тяжеловозов местной франш-контийской породы. Письма Февра свидетельствуют о том, что он продавал книги другим книготорговцам – в Дижоне, Безансоне и Нанси, – вероятнее всего, просто потому, что у него была возможность снабжать их запрещенной литературой. Понтарлье он должен был прежде всего рассматривать как базу, которая позволяла ему выступать в роли посредника между швейцарскими издателями и розничными торговцами в Восточной Франции. И дело он вел отнюдь не на широкую ногу. Он часто навещался на сельские ярмарки и постоянно был в пути, хватаясь за любую подвернувшуюся возможность, а с магазином в это время управлялась жена. Она же вела корреспонденцию, пока его не было дома, и, судя по всему, неплохо разбиралась в бухгалтерии и, шире, в том, как вести дела.

самозванцами» (Примеч. ред.).

⁴² «Анекдоты о госпоже графине Дюбарри» (1775) – памфлет оппозиционного журналиста Матье Пиданса де Миробера, направленный на дискредитацию королевского семейства и, прежде всего, покойного Людовика XV (Примеч. пер.).

⁴³ От Мишо в *STN*, 30 октября 1783 года и 22 декабря 1783 года.

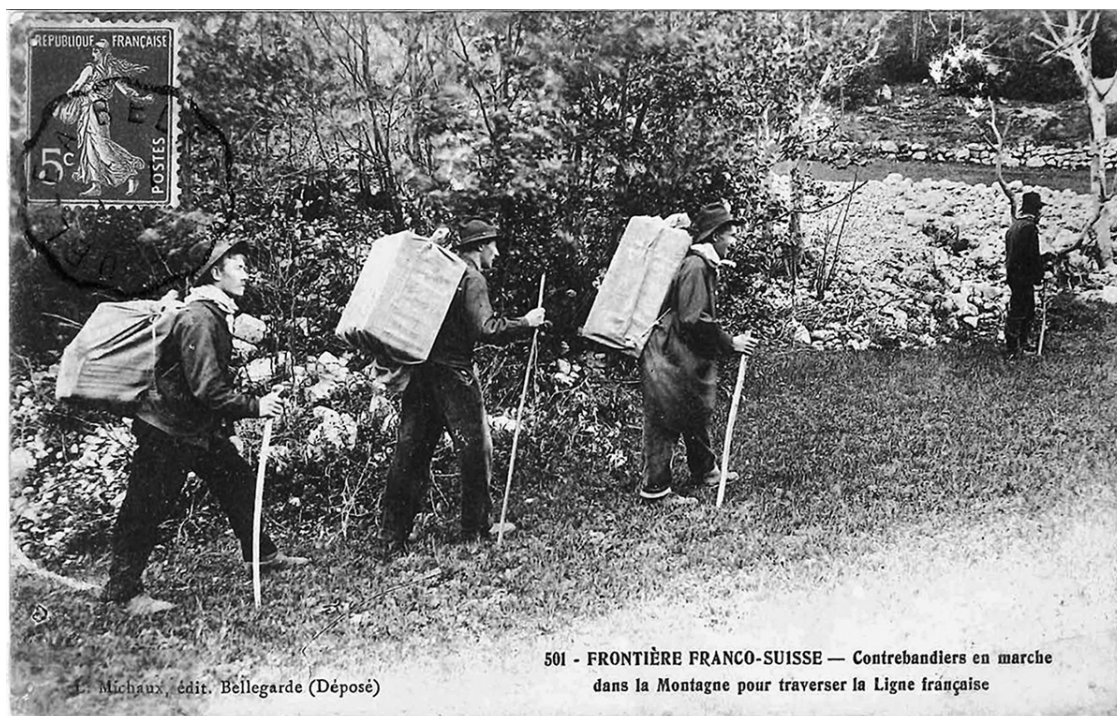
⁴⁴ От *STN* к Сейяну и Ниону, 17 января 1771 года.

⁴⁵ «Система природы, или Законы мира физического и нравственного» (1770), одно из ключевых материалистических и атеистических сочинений французского Просвещения (Примеч. пер.).

⁴⁶ Многотомные «Вопросы к „Энциклопедии“», выходившие в первой половине 1770-х годов. Самое объемное и во многом итоговое сочинение Вольтера (Примеч. пер.).

⁴⁷ «Две тысячи четыреста сороковой год, Сон, которого, возможно, и не было» (1771), утопический роман Луи Себастьяна Мерсье: путешествие по Парижу будущего, сконструированному согласно социально-философским представлениям просветителей.

⁴⁸ От Февра в *STN*, 27 июля 1772 года. Большая часть дальнейшего изложения основана на письмах Февра из архива *STN*, свериться с которыми можно на вышеуказанном сайте.

На этой почтовой открытке, вероятно, 1930-х годов запечатлены контрабандисты, переносящие поклажу через франко-швейцарскую границу. Хотя фото почти наверняка постановочное, оно свидетельствует о том, что этот промысел не был задушен на протяжении двух столетий с того времени, как STN использовало швейцарских крестьян, чтобы переносить книги «Общества» на тайные склады во Франции

Контрабандные схемы Февра прекрасно работали на протяжении 1770-х годов. Владелец постоялого двора в Ле-Веррьер по фамилии Жанне держал на швейцарской стороне границы склад, а Мишо помогал нанимать носильщиков и подкупать таможенных чиновников. Семейные связи существенно облегчали дело в Безансоне и особенно в Понтарлье, где заместитель инспектора (*subdélégué*) согласился не обращать внимания на то, что Февр привозил в город. В сентябре 1771 года Февр начал осуществлять разовые перевозки контрабанды для STN. Документально закрепленных страховых услуг он не предоставлял, но обещал безопасную доставку товара: «Не беспокойтесь за судьбу этих книг... Вообще ни о чем не беспокойтесь». Брал он не так уж много – 12 ливров за сотню фунтов, а носильщикам платил и того меньше. Они забирали пачки книг на постоялом дворе у Жанне и перебрасывали их на тайный склад Февра в Понтарлье за 25 су в день – обычная дневная плата неквалифицированного рабочего в Париже, а кроме того, получали обязательную крепкую выпивку. Один из первых тюков весил 109 фунтов, и они возражали: ноша в расчете на одного человека была слишком велика. В конечном счете им удалось заставить Февра снизить вес поклажи до 60 фунтов – и до 50, если на тропе лежал снег. По словам Февра, это были завсегдатаи кабаков в верхних долинах Юры и в большинстве своем особого доверия не заслуживали. Он жаловался на то, что ему приходится иметь дело с «жалкими пропойцами», которые требуют слишком много денег и слишком громко говорят о своей работе, когда приходят за выпивкой на постоялый двор Жанне⁴⁹. Ходили слухи, что Генеральный откуп подсылает шпионов в распивочные заведения на швейцарской стороне, так что в конце концов Февр перенес базу предприятия в Ле-Веррьер, в дом некоего Монтодона. Его так ни разу и не поймали.

⁴⁹ От Февра в STN, 4 октября 1783 года.

Впрочем, больших денег он тоже не заработал. Контрабанда была для него побочным источником дохода, а основное предприятие, легальная книготорговля, все глубже вязло в долгах. Не будучи в состоянии платить по векселям, которыми расплачивался с агентами своих поставщиков, таких как *STN*, он торговался и ссорился с кредиторами. В 1771 году у него началась судебная тяжба с Шарлем-Антуаном Шарме, хозяином самого значительного книжного магазина в Безансоне, а в переписке с «Обществом» он то и дело вступал в пререкания относительно той суммы, которую задолжал издательству. Угроза судебного преследования возникла и здесь, и для того, чтобы хоть как-то заставить его выплатить недостающее, издательство отказалось отправить ему последние два из девяти томов «Вопросов к „Энциклопедии“», за которые он уже заплатил и которые были очень ему нужны, поскольку без них он сам не мог получить деньги с клиента.

В январе 1772 года Февр объявил себя банкротом – то есть отнес сведенный бухгалтерский баланс к судебному приставу и приостановил платежи по долгам, тем временем пытаясь договориться с кредиторами и продолжая вести дела, насколько это было в подобных условиях возможно. Владельцы *STN* наняли адвоката в Понтарлье, пытаясь довести дело до суда, но Февр прислал им письмо, в котором нахально заявил, что взыскать с него не получится даже суммы на покрытие судебных издержек, даже если *STN* выиграет процесс. Ведь в этом случае он будет писать апелляцию за апелляцией и подвесит дело на веки вечные. Как он заметил в более позднем письме: «Не стоит слушать адвокатов и судебных чиновников, у которых главная забота – вытянуть деньги и втравить обе стороны в запутанные процессуальные действия, конца которым вы не увидите никогда».

Но главным было другое обстоятельство: «Обществу» нечего было у него конфисковать. Как и некоторые другие полуподпольные дельцы, которые не сумели рассчитать возможные риски, он заранее устроил своего рода развод, известный как «раздел телесный и имущественный», для того чтобы сохранить ту собственность, которой жена владела до вступления в брак. «Решение, которого она добилась, защитило меня от всех претензий со стороны кредиторов, – написал он в *STN*, – поскольку ни мебели в достаточном количестве, ни товаров, которые можно было бы взять в счет уплаты долга, у меня теперь нет. Вам следует принять это во внимание и не идти на риск потерять всю ту сумму, которую вам должны». Тем временем жена Февра продолжала заниматься торговлей и даже ездила – самостоятельно – с продажами по другим городам. Проиграв процесс в суде низшей инстанции, Февр и в самом деле подал апелляцию, а *STN*, как он и предупреждал, вынуждено было платить серьезные судебные издержки; в конце концов, по прошествии десяти лет, стороны согласились на мировую.

К середине 1783 года, через пять лет после путешествия Фаварже, «Общество» выразило готовность возобновить отношения с Февром, поскольку нуждалось в услугах опытного контрабандиста. Указ Вержена от 12 июня 1783 года породил такой жестокий кризис в книжной торговле, что *STN* больше не имело возможности рассчитывать только на случайные договоренности с теми или иными агентами по доставке, чтобы отправлять товар на французский рынок. Ему требовался профессиональный страховщик, пусть даже и прошедший через процедуру банкротства, так что осенью 1783 года «Общество» снова стало работать с Февром. После нескольких пробных доставок он выстроил надежную систему контрабанды и 23 января 1784 года подписал официальный договор со служащим *STN*, который проезжал через Понтарлье в качестве агента по продажам, представлявшего интересы своей фирмы. Ключевой пункт договора гласил: «Я, нижеподписавшийся [Иньяс Февр], гарантирую Типографическому обществу Нёвшателя в Швейцарии, что буду забирать все тюки с книгами, посылаемые г-ну Франсуа Мишо в Ле-Веррьер, а затем в течение двух месяцев доставлять их в Понтарлье за собственный счет и на свой страх и риск, получая по 15 французских ливров с сотни фунтов».

Февр должен был снять складское помещение в Понтарлье специально для того, чтобы хранить тюки с книгами, пока не подвернется возможность отправить их дальше, а в накладной

ставить собственную подпись, чтобы в том случае, если груз столкнется во время этого, внутреннего, этапа перевозки с какими-то трудностями, вся ответственность лежала на нем самом. Впрочем, *STN* обязывалось не пересылать этим маршрутом книги, запрещенные строжайшим образом, за исключением пиратского (и расширенного) издания *Description des arts et métiers*⁵⁰, за которым французские власти охотились особенно рьяно (к чему их побуждал законный парижский правообладатель, Никола-Леже Мутар). Февр согласился заниматься доставкой «Описания» по особой таксе в 18 ливров за сотню фунтов. Издательство нанимало его же и для всех своих обычных перевозок, происходивших с получением таможенных квитанций, так что при случае он мог использовать легальные поставки в качестве прикрытия для поставок нелегальных. Если какие-то книги конфисковались, он должен был выплатить их полную стоимость в течение года. Страховые услуги, о которых издательство договорилось с Февром, в точности соответствовали соглашению, подписанному между *STN* и еще одним «страховщиком» по фамилии Гийон в 1772 году в отношении контрабандных перевозок в районе Клерво-ле-Лак. Судя по деловому тону, в котором выдержаны оба договора, они дают нам типичную картину контрабандной деятельности, по крайней мере в ее наиболее профессиональной форме, в качестве долговременного, тщательно продуманного предприятия.

Впрочем, в одном отношении страховка 1783 года отличалась от страховки 1773 года, поскольку указ Вержена от 1783 года более не позволял считать дело сделанным, если книги пересекали франко-швейцарскую границу. Февру предстояло принять меры еще и для обеспечения второй части маршрута, той, что вела от его склада в Понтарлье до конечных пунктов назначения в различных французских провинциях. Как уже было сказано, он вкладывал пачки книг, доставленные через границу носильщиками, в тюки, помеченные словом *libri*, после чего заполнял и подписывал накладную, так чтобы они проходили по ведомству внутренних перевозок и, следовательно, не было необходимости отправлять их в Париж в сопровождении с приложением квитанции (*acquit à caution*). Груз подлежал проверке в лионской или безансонской палате синдикатов, однако Февр с помощью *STN* нашел в обоих городах надежных людей, способных решить вопрос с этой формальностью. К концу 1783 года он свел воедино все этапы такой страховой операции. Вопрос теперь был только в том, как созданная Февром сеть станет работать на практике.

Первым делом, оказалось непросто отыскать непьющих и заслуживающих доверия носильщиков и убедить их в том, что *STN* будет поставлять пиратские издания и никакой запрещенной литературы. (На самом деле, невзирая на оговоренные в контракте условия, *STN* использовало Февра для переброски своих самых опасных книг.) В конце концов он заверил *STN*, что подобрал надежную команду. Он знал несколько троп в обход пограничного пункта во Фрамбуре и во время первой, пробной переправки лично сопровождал носильщиков. Затем он стал смягчать суровость местных чиновников из Генерального откупа. Переговоры длились месяц, но в итоге Февр добился их согласия – за немалые деньги. Фиксированная такса в 8 луидоров (192 ливра) должна была выплачиваться им за то, что они не будут замечать его носильщиков, при условии, что те за раз будут доставлять не более 60 тюков. К несчастью для Февра, носильщики тоже оказались людьми достаточно ушлыми. Вместо поденной платы в 25 су они требовали теперь по 15 ливров с сотни фунтов плюс выпивка. «Можете отправлять мне все, что сочтете достойным срочной доставки, пока не пошли снега», – писал Февр в *STN* осенью 1783 года, которая выдалась долгой и теплой. Все эти договоренности стоили денег: «Мне придется выставить этим носильщикам вина и отдать 8 луидоров тем, с кем я договорился на той стороне, – пояснил он, имея в виду взятки людям из Генерального откупа. – Но за эти 8 луи я смогу проносить по 50–60 тюков и даже больше».

⁵⁰ «Описание искусств и ремесел, исполненное под руководством господ из Королевской академии наук» – 113-томное серийное иллюстрированное издание *in folio*, публиковавшееся Французской академией наук с 1761 по 1788 год (*Примеч. пер.*).

Тем самым Февр настаивал на увеличении собственных расценок, что вызвало очередные прения между ним и *STN*, пока наконец в феврале 1784 года не был достигнут компромисс. К тому времени Февр уже занимался контрабандной доставкой товара для других издателей, включая несколько издательских домов из Лозанны и Берна. Наполнив во Фрамбуре не один карман, он получил контроль над несколькими пограничными переходами, а затем еще и разработал новую технику сокрытия груза, предназначенного для провинциальных городов: прятал его в тюках, отправляемых в Париж.

К апрелю сколько-нибудь глубокого снега на перевалах почти не осталось. Носильщикам эти переходы по-прежнему давались нелегко, но однажды ночью они перебросили через границу целых шесть партий, еще шесть следующей ночью – и до конца месяца еще полдюжины. Тропы оставались настолько труднопроходимыми, что они передали вниз просьбу еще раз уменьшить вес поклажи – до сорока, максимум до шестидесяти фунтов на человека. К концу мая снег исчез совсем, а вместе с ним и некоторые из носильщиков, поскольку настало время весенней пахоты. Но Февр по-прежнему нанимал достаточно рабочей силы для того, чтобы обеспечить непрерывный поток поставок в Безансон, Лион, Труа и Реймс. Трудности, конечно, возникали на каждом шагу, но система работала. Работала до тех пор, пока не пришла беда. В начале августа 1784 года чиновники с фрамбурской пограничной станции перехватили пять тюков *livres philosophiques*, в которых среди прочего оказались бунтарские и порнографические книги Оноре Габриэля Рикети, графа де Мирабо. Шли они от «Фош-сын старший и Витель» (*Fauché fils aîné et Witel*), фирмы, основанной в Нёвшателе зятем Самюэля Фоша, Жереми Витем, и его же старшим сыном, Жонасом. Рассорившись с Фошем-старшим, они открыли собственный книжный магазин и, последовав его примеру, стали печатать запрещенные книги. Мирабо в этом жанре являлся фигурой ключевой. В 1775 году, будучи заключенным в Шато де Жуа, который высился над границей невдалеке от Фрамбура на Юрской вершине в 3024 фута над уровнем моря, он тайком опубликовал *Essai sur le despotisme*⁵¹ – у Фоша-старшего. В 1782 и 1783-м Фош-младший и Витель соответственно выпустили в свет его *Des lettres de cachet et des prisons d'Etat*⁵² и *Erotika Biblion*⁵³. Но контрабандная доставка у них была налажена плохо, а конфискация груза вызвала такой скандал, что маршрут через Фрамбур функционировать перестал.

Февр ко всей этой истории не имел никакого отношения, и тем не менее, по его собственным словам, «многие люди досадуют даже и на меня, хотя ни в каком возможном отношении я в этом деле не виноват». Он писал, что чиновники Генерального откупа теперь «начеку день и ночь». Единственное, что оставалось, – приостановить все операции. Носильщики не соглашались идти через границу ни на каких условиях, а «в Ле-Веррьер теперь полно шпионов и других негодяев, которые сдают людей за деньги». Книги *STN*, с его точки зрения, не были теперь в безопасности на складе у Мишо, даже в Ле-Веррьер, на швейцарской стороне границы, так что он приказал своим людям перенести их в потайное место на вершине горы. Там они и оставались до конца октября, когда страсти улеглись, и Февр достиг нового соглашения со своими друзьями из Генерального откупа (*Ferme*). Удалось ему договориться и с некоторыми из прежних носильщиков, в основном за счет дополнительной выпивки. Подкрепившись лишней дозой спиртного, носильщики легко справлялись с доставкой груза; агенты *Ferme*, ободренные увеличившимися взятками, старались их не замечать; и к ноябрю система опять работала как часы.

⁵¹ «Опыт о деспотизме» (Примеч. пер.).

⁵² «О королевских ордерах на арест и о государственных тюрьмах» (Примеч. пер.).

⁵³ Эротический трактат, написанный одновременно с порнографическим романом «Мое обращение, или Образцовый либертен» (1783) (Примеч. пер.).

Однако летний простой сказался на финансовых обстоятельствах Февра. Он уже не мог прибегнуть к мошенническим схемам, вроде фиктивного развода с женой. Жена, кстати сказать, тоже работала изо всех сил и даже отправлялась вместе с дочерью в дальние поездки, чтобы уладить дела с книгопродавцами во Франш-Конте. Отвечая на весьма настойчивые требования *STN* уплатить долги, Февр умолял об отсрочке: «Носильщики держат меня в заложниках. Они вынудили меня увеличить оплату до 6 денье за фунт, и прибыли у меня не остается вообще никакой, с учетом тех сумм, что я вынужден платить людям, которые делают мне одолжение». В последнем случае речь, конечно же, шла о представителях Генерального откупа.

Часть взяток шла *receveur*, начальнику таможенной станции во Фрамбуре по фамилии Сент-Андре, и его коллеге, который занимал аналогичную должность на другом пропускном пункте *Ferme*, неподалеку от Понтарлье. Февр был хорошо знаком с ними обоими. Чтобы втереться к ним в доверие, он попросил *STN* выслать им по экземпляру переводного шеститомного романа Фанни Берни «Сесилия, или Мемуары наследницы»⁵⁴. Вдобавок к этому *STN* расщедрилось на две бесплатные подписки на свой *Journal helvétique*⁵⁵. Обе предназначались самому Сент-Андре, и в сопроводительном письме Остервальд особо указал, что это – подарок в знак благодарности за оказанные услуги: «Мы шлем Вам, сударь, тысячу благодарностей за ту любезность, которую Вы изволили выказать в отношении книг, что следуют от нас и проходят через вверенную Вам таможню». Несколько месяцев спустя, когда заново налаженная система контрабандной доставки заработала с прежней эффективностью, Февр запросил два экземпляра *De l'administration des finances*⁵⁶ Жака Неккера, швейцарского банкира, который исполнял обязанности министра финансов Франции при Людовике XVI с 1776 по 1781 год. Ему вскоре предстоит обедать с Сент-Андре, пояснил Февр, а потому необходим соответствующий подарок. В крохотном мирке между Понтарлье и Фрамбуром все люди, принадлежавшие к образованной элите, прекрасно знали друг друга и читали одни и те же книги, вне зависимости от того, занимались они продажей этих книг или их конфискацией.

Для того чтобы обезопасить себя от тайных агентов Генерального откупа и одновременно успокоить носильщиков, успевших рассориться с Мишо, Февр перенес швейцарскую часть операции из Ле-Веррьер в Сен-Сюльпис, задействовав в качестве своих новых агентов старых конкурентов Мишо, братьев Мёрон. Параллельно с усовершенствованием прежней системы он разработал еще одну, построенную на другом маршруте. Маршрут был «безопасным, надежным» и пригодным для больших возов, хотя лошадей следовало подбирать сильных, поскольку дорога шла через высокогорье. И значит, вместо того чтобы складывать книжные листы в пачки по 50–60 фунтов, *STN* могло высылать их в тюках весом от 200 до 400 фунтов. (При случае издательство «забывало» о необходимости ограничивать вес груза, и Февр протестовал в ноябре 1784 года: «Один человек не в состоянии нести поклажу в 110 фунтов».) Теперь *STN* могло вернуться к упаковке в более привычные тюки, а Февр – обойтись без носильщиков. Единственной головной болью был снег, который в феврале 1785 года лежал слоем более трех футов, что делало дороги непроезжими. «Ни один возчик не осмелится ехать по ним на санях», – писал Февр. Горные дороги вышли из строя до конца апреля, и все это время *STN* отправляло во Францию как вполне легальные, так и пиратские книги (спрятанные в тюках между легальными) через таможенные пункты в долинах, получая там квитанции.

Значительная доля этих грузов шла через Пиона, который брал за доставку меньше, хотя по-прежнему отказывался братья за промысел страховщика-контрабандиста. Февр планиро-

⁵⁴ Второй роман популярной английской писательницы Френсис Бёрни (1752–1840), опубликованный в 1782 году (Примеч. пер.).

⁵⁵ Литературно-художественный журнал, выходил в Нёвшателе с 1738 по 1769 год (Примеч. пер.).

⁵⁶ «Об управлении финансами Франции» (1874) – революционный для своего времени трактат Неккера, написанный им после выхода в отставку. Пользовался популярностью, необычайной для книг в таком жанре, было продано восемьдесят тысяч экземпляров.

вал зарезервировать за собой весь грузопоток *STN*, играя двойственную роль агента по доставке через таможеню и «страховщика» (*commissionnaire assureur*), и снял складское помещение, в котором можно было размещать большое количество книг перед их переправкой через границу. Его контракт с *STN* и в самом деле закреплял за ним преимущественное право на перевозки во Францию. Особенно он нуждался в таможенных квитанциях, поскольку благодаря им он скрывал нелегальную литературу, которую перевозил для других издателей. Из его писем следует, что он, как и другие агенты по доставке, вроде лионца Жака Револя, вкладывал стопки запрещенных книг в большие тюки с книгами, которые власти не считали для себя опасными. Благодаря своим связям с таможенными чиновниками, Февр мог перепаковать тюки в Понтарлье, прямо перед тем как они запечатывались; владельцам книжных магазинов, заказавшим через него доставку, оставалось придумать, как изъять нелегальные книги в нужный момент из тюков – или как сделать так, чтобы палаты синдиков не обращали на них внимания.

В ответ на все более и более резкие жалобы Февра на то, что издательство не выполняет условий соглашения, «Общество» предъявляло претензии в несоблюдении сроков поставок. Он отвечал, что старательно следовал графику на протяжении всего 1774 года, а в начале 1775-го вынужден был задержать несколько операций по переброске только из-за сильных снегопадов. Если объемы поставок будут недостаточно большими, настаивал он, его страховая операция лишится всякого смысла. Ему больше нет никакого проку от склада, который он снял за 33 ливра в год. Если *STN* не заплатит оставшуюся часть аренды, написал он 15 августа 1775 года, ему придется разорвать контракт, и они перестанут сотрудничать между собой.

Тогда *STN* полностью прекратило отправлять Февру книги. Само столкнувшись с финансовыми трудностями, оно вынуждено было резко сократить издательскую деятельность. Его счет был закрыт в январе 1776 года, издательству досталась скромная сумма в 300 ливров. Насколько можно судить из последних писем, хранящихся в его досье, книготорговое предприятие Февра продолжало существовать и после того, как он перестал возить контрабанду для *STN*. Фиктивная процедура развода не мешала его жене активно сотрудничать с ним вплоть до конца 1780-х годов – как и дочери, успевшей к этому времени повзрослеть. Есть основания полагать, что контрабандой в интересах других издательств он занимался вплоть до 1789 года, сочетая «страховые» операции с обычной ловкостью рук при таможенном досмотре на пропускных пунктах.

Точно так же как Фаварже дает нам представление о типичных функциях торгового представителя, Февра можно рассматривать как образец контрабандиста. По его истории видно, как работавший в сфере книжной торговли мелкий предприниматель из маленького городка мог сводить концы с концами, если городок этот находился в серой зоне возле восточной французской границы. В ходе своего тур де Франс Фаварже всего на несколько дней в 1778 году, проверяя на месте, как функционируют каналы *STN* на французской границе, соприкоснулся с обстоятельствами этой истории и еще нескольких других, также имевших место в Верхней Юре. Перед ним стояло множество иных задач на следующих этапах его пути, и эти задачи имели отношение к огромному количеству других историй, каждая из которых была глубоко индивидуальной, при том что все они сплетались воедино как части общего предприятия по доставке книг читателям в этот весьма непростой период французской истории.

Глава 3

Лон-ле-Сонье. Как составить мнение о магазинах

Лон-ле-Сонье, первая остановка Фаварже после отъезда из Понтарлье, с деловой точки зрения оказалась совершенно бессмысленной. После утомительной поездки через Юрское плато, он остановился на постоялом дворе – вероятно, одном из обычных кишаших вшами заведений, которое завлекало путников вывеской: «Размещение для пеших и конных» (*On loge à pied et à cheval*). Лон представлял собой маленький город с рыночной площадью, куда съезжались за покупками немногочисленные обитатели этой бедной части Франш-Конте. В дневнике Фаварже записал следующее: «В Лон-ле-Сонье всего два книжных магазина. Один Делорма [печатника и книгопродавца], который торгует только теми книгами, которые выпускает сам. Габриэль – человек достойный, но бедный. В магазине нет ничего, кроме молитвенников и т. д., и все это не стоит и 500 ливров. Но я все-таки оставил у него каталог и проспект *Description des arts*. Если нам и стоит с ним работать, то исключительно за наличный расчет».

Перед нами типичная запись из дневника Фаварже: лаконичная и крайне емкая фиксация фактов, и во главу угла автор ставит тот аспект книжной торговли, который зачастую ускользает от внимания, – важную роль локальных рынков, где спрос определяли богослужebные и душеспасительные книги, школьные учебники, альманахи и издания-однодневки, вроде публичных объявлений⁵⁷. С подобной продукцией *STN* дела не имело, а потому Фаварже смело характеризовал многие встреченные им по пути книжные магазины как не стоящие того, чтобы с ними возиться. Описывая товар, продававшийся в таких магазинах, он, как правило, пользовался определением *usages*, «для широкой публики»: имелись в виду молитвенники и разного рода благочестивые трактаты, но не книги по богословию. Он обычно ограничивался одной-двумя фразами относительно лавок подобного рода:

Гренобль: Фор – королевский печатник и выпускает только публичные объявления [*placards*]. Весь свой товар продал Бретту, который порядочными книгами [*articles de librairie*] не торгует.

Оранж: В Оранже нет никого, кроме человека по фамилии Жуи, по профессии он парикмахер, продает книги для широкой публики [*livres d'usage*] и ничего сверх этого.

Тараскон: Кордоннеси и вдова Тасси объединились в один дом, с очень ограниченным предложением. Продают исключительно религиозные книги.

Ним: Бом, здешний печатник, очень хорош, но выпускает и продает только религиозные книги.

⁵⁷ У нас, конечно, есть несколько прекрасных исследований печатного дела и книжной торговли в конкретных городах и регионах; некоторые из них вышли уже очень давно, однако актуальности ничуть не потеряли. См., к примеру: *Quénart Jean*. L'imprimerie et la librairie à Rouen au XVIIIe siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 1969; *Moulinas René*. L'imprimerie, la librairie et la presse à Avignon au XVIIIe siècle. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1974. Из более современных работ см. прежде всего: *Mellot Jean-Dominique*. L'édition rouennaise et ses marchés (vers 1600 – vers 1730). Paris: École des chartes, 1998; *Adam Claudine*. Les imprimeurs-libraires Toulousains et leur production au XVIIIe siècle. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2015. Прочие вспомогательные источники перечислены на сайте robertdarnton.org. Исследования в области так называемой популярной литературы, вроде альманахов и дешевых сборников сказок и баллад, буквально расцвели после публикации книги Робера Мандру: *Robert Mandrou*. De la culture populaire aux 17e et 18e siècles. La bibliothèque bleue de Troyes. Paris: Stock, 1964. Из относительно недавних публикаций на эту тему см.: *Andries Lise et Bollème Geneviève*. La Bibliothèque bleue: Littérature de colportage. Paris: Robert Laffont, 2003. Касательно торговли религиозными книгами в целом см.: *Martin Philippe*. Une religion des livres (1640–1850). Paris: Éditions du Cerf, 2003.

Кастр: Я виделся с мсье Робером, доктором богословия, печатником и книготорговцем. Но книги он продает только религиозные, которые сам же и печатает, так что вести с ним дела смысла нет.

Либурн: Моррен... хорош, но делом почти не занимается. Торгует религиозными книгами и почти ничего, кроме них, не продает.

Блуа: Шарль и Ф. Массоны, печатники, ведут дела вместе и работают только с религиозной литературой.

Орлеан: Вдова Рузо очень хороша; но торгует только религиозными книгами. Пердру – средних достоинств, нашел в нашем каталоге несколько товаров, которые пришлось ему по вкусу, но он хочет получить их в обмен и предлагает религиозную литературу, поскольку больше у него почти ничего нет.

Наблюдения Фаварже подтверждаются обзором, охватывавшим всех печатников и книготорговцев королевства и произведенным интендантами и их помощниками (*subdélégués*) в 1764 году, за десять с лишним лет до его путешествия. Отвечая на стандартный вопрос о том, какие книги издатели печатают, а торговцы продают, большинство указало некоторое количество художественной и научной литературы, но указало на преобладание литературы религиозной и книг, представлявших интерес для местных жителей. В луарском городе Блуа, например, та оценка, которую они вынесли в отношении Пьера-Поля Шарля и Жана-Филибера Массона, практически совпадает с оценкой Фаварже. Они сообщали, что оба, будучи как печатниками, так и книготорговцами, предлагают «разного рода книги для школ, служебные книги для епархии, учебники, конторскую продукцию, плакаты, объявления, извещения о похоронах и время от времени книги, которые печатаются с высочайшего соизволения». Интендант в Орлеане писал: «Книготорговцы предлагают только товар, обычный для их ремесла, состоящий из литературы, душевспасительных книг и молитвенников»⁵⁸.

То, что продавало *STN*, было *литературой*. Под этот всеобъемлющий термин подпадало множество жанров, которое в целом не имело ничего общего с тем, что стояло на полках в большинстве маленьких книжных лавок⁵⁹. В городах, соразмерных Лон-ле-Сонье (6700 жителей), как правило, типографов было один или два. Они в изобилии печатали литургические книги для церковных нужд, объявления по заказам провинциальных властей, «фактумы» (резюме юридических документов) для судебных чиновников, векселя для торговцев и всякую другую продукцию на случай. Напечатанное они зачастую продавали в собственных лавках, существовавших при типографии, в особенности в тех случаях, когда могли похвастаться официальным двойным статусом книгопродавцев-печатников (*libraires-imprimeurs*). Владельцы местных магазинов торговали тем же товаром: в основном благочестивыми сочинениями и брошюрами на местные темы. Оборот у них были такой, что они вряд ли могли заинтересовать *STN*,

⁵⁸ С результатами опроса 1764 года можно ознакомиться в Национальной библиотеке Франции, *fond français* 22184–85. Отрывки из этого и других имеющих отношение к делу документов воспроизведены на сайте *robertdarnton.org* в разделах, посвященных тем городам, в которых побывал Фаварже. Общую характеристику надзора и администрирования в сфере книжной торговли см. в: *Rigogne Thierry. Between State and Market: Printing and Bookselling in Eighteenth-century France*. Oxford: Voltaire Foundation, 2007. Сходная работа, посвященная типографиям: *McLeod Jane. Licensing Loyalty: Printers, Patrons, and the State in Early Modern France*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2011.

⁵⁹ Слово «литература» в современном смысле только-только начало входить в обиход во времена предпринятого Фаварже *tour de France*. *Dictionnaire de l'Académie française* в стандартном издании 1762 года определяет *littérature* как «начитанность, ученость» и в качестве примера приводит фразу: «Это человек весьма литературный (большой учености)». Впрочем, здесь же оговорено: «В более узком смысле слова имеется в виду изящная словесность». О различии между традиционным пониманием словесности (*lettres*) и романтическим термином «литература» см.: *Kernan Alvin. Printing Technology, Letters and Samuel Johnson*. Princeton: Princeton University Press, 1987. Р. 7. Еще один случай использования того же термина применительно к торговле книгами находим в характеристике Бессона из Бурк-ан-Бреса, которую Фаварже направил в *STN* 4 сентября 1776 года: «Бессон торгует исключительно молитвенниками [*des usages*], которые сам же и печатает. Когда я предложил ему каталог, он сказал, что литературных книг [*livres de littérature*] не держит».

да и книг, которые лучше всего расходились среди традиционной клиентуры *STN*, они не держали. Поставки *STN* шли по основным французским торговым путям, разбегаясь не слишком большим количеством ручейков по местным рынкам. Они были частью культурного движения, которое достигало самых отдаленных уголков страны, но не могло связать между собой локальные пространства книжной торговли так, чтобы *литература* и впрямь начала обращаться повсеместно. Несмотря на то что книгоноши распределяли тиражи серьезных изданий по капиллярной системе мелочной торговли, о чем пойдет речь в главе 10, единый книжный рынок полностью сложился во Франции только в самом конце XIX века⁶⁰.

Фаварже не очень-то вдавался в сожаления по поводу отсутствия спроса на книги *STN* в таких городишках, как Лон-ле-Сонье. Он считал это чем-то само собой разумеющимся и спешил сосредоточить внимание на городах, где были книжные магазины, хозяева которых торговали книгами общего спроса (*articles de librairie*). Однако ему требовалась некая шкала, в соответствии с которой он мог бы оценивать эти магазины. Как следует из приведенных выше замечаний, он делил их на три основные категории: «хорошие» (Бом, Моррен), «посредственные» (Пердру) и «недостойные» – то есть те, кого рассматривать как возможных клиентов не стоит (Делорм, Бретт, Жуи)⁶¹. Само *STN* также пользовалось этим принципом классификации в отчетах и в деловой переписке, хотя время от времени там попадаются другие термины, такие как «солидный», «посредственный» и «несолидный»⁶². Складывается впечатление, что и другие европейские купцы XVIII века активно пользовались этой трехступенчатой шкалой оценки платежеспособности клиентов – едва ли не повсеместно. (К 1850-м годам торговые представители, работавшие на британских издателей, делили розничных книготорговцев на четыре категории, весьма похожие на те, которыми пользовался Фаварже: «хорошие», «порядочные», «сомнительные» и «плохие»⁶³.) Эта система оценок была весьма приблизительной и субъективной и едва ли могла всерьез помочь Фаварже, когда он приезжал в незнакомый город. Что именно должны были означать эти «хороший» и «посредственный», когда дело доходило до налаживания деловых отношений?

Едва успев прибыть в очередной пункт своего назначения, Фаварже сверялся с «Альманахом книготорговли» (*Almanach de la librairie*), торговым справочником, опубликованным в 1777 году, а затем переизданном, в расширенном и дополненном виде, в 1778-м: там были перечислены все типографы и книготорговцы Франции, от города к городу⁶⁴. «Альманах» помогал планировать дальнейшие действия и заодно служил чем-то вроде оценочной ведомо-

⁶⁰ Нам еще предстоит проделать колоссальный объем работы, прежде чем мы получим более или менее ясное представление о книжных рынках во Франции и во всей остальной Европе со времен Гутенберга до наших дней. Самой лучшей из общих работ по французской книготорговле остается: *Martin Henri-Jean et Chartier Roger (Eds). Histoire de l'édition française (4 vols). Paris: Promodis, 1983–1986.*

⁶¹ Фаварже постоянно оперирует этими категориями как в дневнике, так и в письмах. Например, в отчете о Безье он пишет: «Барбю умер. Бусске ничего не стоит. Л'Аллеман перебрался в Марсель. Итого остаются вдова Одозан с сыном и Морбийон, о которых говорят как о торговцах относительно хороших. Впрочем, с моей точки зрения, их надлежит поместить в категорию посредственных».

⁶² В письме от 11 августа 1776 года *STN* инструктирует Фаварже, находившегося тогда в Лионе, соизмерять степень доверия, которого, с его точки зрения, заслуживают потенциальные покупатели, со степенью их «солидности». «Солидным» (*solides*) он мог предлагать выплату по счетам в срок до двенадцати месяцев, «посредственным» (*médiocres*) – до шести месяцев, а вот «недостаточно солидные» (*peu solides*) должны были расплачиваться на месте, либо наличными, либо каким-либо эквивалентом суммы. В сводных балансовых отчетах (*bilans*) (ms. 1042) *STN* делила «должников» на три категории: «с хорошей репутацией» (*débiteurs réputés bons*), «с сомнительной репутацией» (*débiteurs réputés douteux*) и «с дурной репутацией» (*débiteurs réputés mauvais*). В личной записной книжке от 1774 года (ms. 1056) Остервальда приводятся сведения о восьмидесяти книготорговцах, поделенных на эти три категории; цифра 1 означает высшую степень кредитоспособности. Вот, к примеру: «3 Лефрансуа... Аржантан; 1 Леруа... Кан; 2 Лемайлене... Брюссель». Именно этой системой ранжирования пользовался при оценке деловой репутации книготорговцев и Фаварже.

⁶³ *Bell Bill. «Pioneers of Literature»: The Commercial Traveller in the Early Nineteenth Century // The Reach of Print / Ed. Peter Isaac and Barry McKay. New Castle, Del.: Oak Knoll, 1998. P. 125–126.*

⁶⁴ См. репринт издания 1781 года с характеристикой изданий более ранних в предисловии, написанном Жеромом Ферк-рюссом, в кн.: *Perrin Antoine. Almanach de la librairie. Aubel: P. ft. Gason, 1984.*

сти, в соответствии с которой можно было записывать полученную информацию. Так, приехав в Пуатье и сверившись с «Альманахом», Фаварже первым делом отправился к Фелису Фокону, типографу и книготорговцу, который получил статус «хорошего» партнера, хотя тот, будучи синдиком местной гильдии, возмнил о себе невесть что и не стал заказывать пиратские издания. Второй печатник, Бро, также получил в дневнике у Фаварже характеристику «хорошего», но и он никаких книг заказывать не собирался. Четыре книготорговца – Бобен, Гийемино, Жиро и Жоре – попали в дневник как «посредственные», все же прочие значившиеся в альманахе прошли по разряду «плохих».

Но «Альманах» зачастую давал неверные сведения⁶⁵, и в любом случае Фаварже, перед тем как зайти к кому-то в магазин, нуждался в информации куда более содержательной. По возможности он опирался на инструкции, вписанные в начале путевого журнала. В Бурк-ан-Бресе, например, он, согласно этим инструкциям, должен был «повидаться с месье Вернарелем и получить более подробную информацию относительно его платежеспособности». А в Шалон-сюр-Марн ему надлежало опасаться Сомбера: «До нас во множестве доходили дурные вести как о его характере, так и о финансовом его положении». Однако инструкции были весьма скудными, поскольку *STN* мало что знало о том, насколько надежными были его клиенты, обитавшие за сотни миль от Нёвшателя. Основная цель той поездки, в которую отправился Фаварже, как раз и состояла в получении этой информации, и поэтому ему прежде всего приходилось опираться на сведения, полученные прямо в пути. Полезнее всех оказался Жак-Франсуа д'Арналь, зять управляющего *STN* Абрама Боссе де Люза и партнер в лионском банке «Помаре, Рийе, д'Арналь и компания», через который *STN* вела свои тамошние финансовые расчеты. Д'Арналь был предан Боссе и интересам *STN*. Его банк, весьма значимый узел в сети протестантских финансовых учреждений в Швейцарии и Франции, вел дела по всему королевству, в особенности в его южной части. Фаварже навестил д'Арналя сразу, как только приехал в Лион; и прежде чем он покинул этот город, д'Арналь помог ему улучшить рабочие условия поездки, снабдив контактами лиц по пути следования и рекомендательными письмами к ним – по большей части речь шла о купцах, чьим сведениям о «солидности» местных книготорговцев можно было доверять. Относительно надежную информацию Фаварже получал также от перечисленных у него в дневнике протестантских священников и агентов по доставке (*commissionnaires*), которые, как правило, обладали исчерпывающими знаниями о состоянии местной торговли.

Итак, перемещаясь по Франции из города в город и от одного рекомендованного ему лица к другому, Фаварже следовал линиям человеческой географии. Для него Франция представляла собой решетку пересекающихся личных связей. Кроме того, конечно же, это была вереница сменявшихся пейзажей, соединенных долгими и утомительными переездами по плохим дорогам. Через некоторое время он понял, что Остервальд, несмотря на свои глубокие познания в географии, неверно рассчитал степень доступности некоторых городов в Центральном массиве и ошибся на шестьдесят, если не на все восемьдесят лье, так что Фаварже попросту исключил из своего маршрута Ле Пюи и Манд. Однако представления о маршруте и личные контакты, выступавшие в роли соединительных звеньев, все же имели большее значение, чем физическое пространство. Тогда, как и сейчас, страны существовали как воображаемые, сконструированные сообщества, а не просто в качестве топографических реалий, разделенных четко прочерченными границами.

Благодаря «Альманаху», полученным в Нёвшателе инструкциям, рекомендациям и доверительным беседам, Фаварже, приезжая в очередной незнакомый город, знал, как ему действовать в интересах *STN*. Только однажды за все путешествие, в 1778 году, он пожаловался на

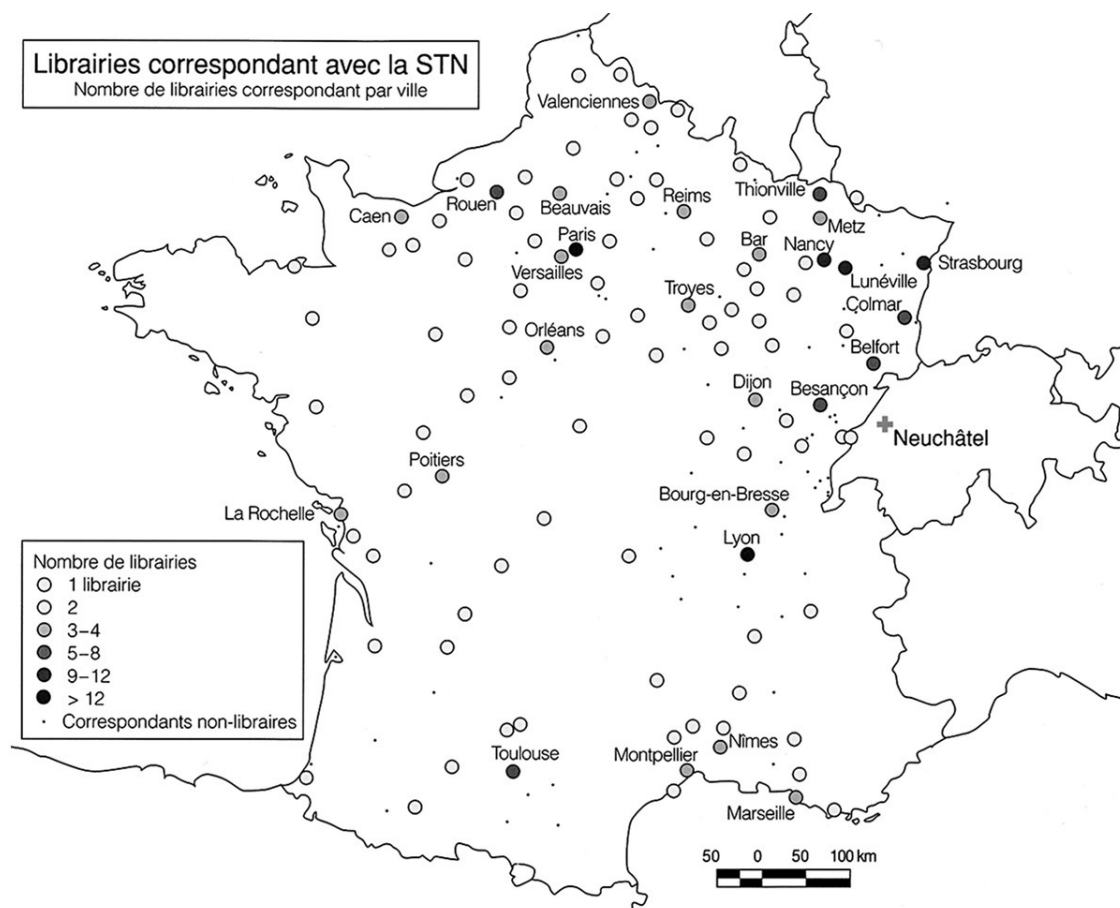
⁶⁵ Так, например, в отчете о пребывании в Кастельнодари Фаварже написал: «В Кастельнодари я встретился с предполагаемыми книготорговцами Аннатом и Серье, которые попусту названы в альманахе, поскольку Аннат ювелир и за всю свою жизнь не продал ни единой книги, а Серье торгует тканями: время от времени они продает молитвенник-другой, и более ничего».

отсутствие контактов среди местных жителей – в Рошфоре, где ему пришлось полагаться на информацию, полученную от хозяина постоянного двора. А еще у него были хорошее зрение и прекрасный слух, и он не давал им оставаться без дела. Он собирал слухи о характере и достатке каждого книгопродавца и знал, как оценить положение дел по внешнему виду магазина: это была способность, приобретенная в ходе предыдущих поездок. К примеру, в 1776-м, то есть за два года до своего полномасштабного тур де Франс, он отправил в головную контору отчет о книготорговцах из Шалон-сюр-Сон, и этот отчет многое может сказать о его деловом подходе: «Лоран безнадежно плох. Месье Руайе [местный агент по доставке] сказал мне, что не одолжил бы ему и двенадцати су, пусть даже на час... Леспина по большей части торгует старыми книгами, но, во всяком случае, таковыми его магазин снабжен весьма неплохо. Репутация у него человека не вполне солидного... Модидье дома не оказалось. Я вручил каталог и проспект его сыну, который сообщил мне, что продажи у них случаются нечасто. И сам он, и магазин выглядели несколько не привлекательнее, чем то было у Леспина, и о них также говорят, что люди они несолидные. Ливани солиден, по словам месье Руайе; по крайней мере, магазин его на вид производит хорошее впечатление и вполне обеспечен товаром. У него собирается читательское общество [*cabinet littéraire*], а сам он кажется человеком умеренным и хорошо разбирается в своем деле»⁶⁶.

Умение оценить магазин было ключевым качеством для торговых представителей подобных Фаварже. Они должны были знать, как вытянуть нужные сведения из хозяина постоянного двора, как заставить одного книгопродавца посплетничать о других и как выяснить компетентность владельца магазина, завязав с ним разговор о книгах. Прежде всего торговые представители обращали внимание на ассортимент и состояние выставленных книг. Ухоженный магазин со свежими изданиями на полках выдавал потенциально значимого клиента, тогда как общая неряшливость была знаком возможных проблем с оплатой векселей в должный срок. Так, например, некоему Сюру, хозяину книжного магазина в Экс-ан-Провансе, хотя и пользовавшемуся репутацией вполне надежного коммерсанта, Фаварже не выставил высшей оценки, поскольку в его ассортименте было очень мало недавно вышедших книг, что говорило о малых продажах. И наоборот, Ле Пуатье из Кастра без колебаний был отнесен к категории «хороших»: «Торговля у него, судя по всему, идет весьма оживленно, так как полки заполнены хорошо. На вид он вполне приличный человек [*brave homme*]... И ничего, кроме хорошего, я про него не слышал».

Финансовое благополучие как таковое, конечно же, играло не последнюю роль, поскольку *STN* хотело быть уверенным в том, что его покупатели смогут платить по счетам. И тем не менее в тех характеристиках, которые Фаварже давал людям и магазинам, немалый вес имели и соображения совсем иного порядка. Книгопродавец должен быть *actif* – то есть трудягой, энергичным и предприимчивым. Вот запись о Делье, владельце книжного магазина в городе Коньяк: «хорошая подборка на полках, производит впечатление весьма энергичного [*très actif*] молодого человека». Сходное мнение Фаварже высказывает в отчете о семействе Буше из Авиньона: «Предприимчивые люди, весьма солидный дом». Слишком большое количество детей в семье не приветствовалось. Орель получил наивысшую оценку из всех книготорговцев Валанса, однако Фаварже счел необходимым заметить: «Он обременен большим семейством и зарабатывает немного. Таким способом далеко не пойдешь». Боннар из Осера показался ему куда более многообещающим клиентом, поскольку лишних ртов у него в семье не было: «Он холостяк, выставляет хорошую подборку книг и кажется мне человеком порядочным [*honnête homme*]».

⁶⁶ От Фаварже в *STN* из Дижона, 4 сентября 1776 года.

Карта показывает плотность распределения корреспондентов STN, как частных лиц, так и книготорговцев, по всей территории Франции. У STN были контакты почти повсюду, но при работе с книготорговцами «Общество» должно было знать, кому из них можно доверять как «солидным». Одной из задач Фаварже в его путешествии было добыть такую информацию. ВРУН: Карта распределения корреспондентов STN по Франции

Как в своем дневнике, так и в письмах Фаварже охотно прибегает к этому определению, *honnête homme*, желая подчеркнуть, что речь идет о человеке честном, порядочном и заслуживающем доверия. Пользуется он им нечасто, поскольку книжная торговля кишмя кишит откровенными проходимцами, особенно в таких крупных городах, как Лион или Бордо, где бал, по его мнению, правили недобросовестность и двуличие. Только двое из множества авиньонских печатников и владельцев книжных магазинов – Фабр и Бонне – были удостоены эпитета *honnête*, а в городишках поменьше, вроде Апта, *honnêteté* не водилась и вовсе: «Я встретил одного купца из Апта, который рассказал, что книгами в городе торгует один-единственный человек, некий Сорре, которому он не доверил бы и шести ливров без опасения потерять половину, потому что тот либо обманет, либо будет не в состоянии вернуть деньги». Если не считать нескольких *honnêtes gens*, Марсель был еще хуже. Книжные магазины в городе имелись во множестве, но Фаварже сразу счел необходимым отметить, что троим из книгопродавцев он не доверил бы в долг и пяти су, а остальные, за исключением пятерых, «не заслуживают ни малейшего доверия».

В оценках, которые давал Фаварже, слово «доверие» (*confiance*) играло ключевую роль. Прежде всего, за ним стояло понятие допустимого коммерческого риска, однако помимо этого оно покрывало еще и довольно широкий спектр качеств сугубо этического порядка: честность, надежность, порядочность и прилежание. Доверием STN одаривало своих клиентов в тщательно рассчитанных дозах, поскольку всякий раз необходимо было точно знать, книги на

какую сумму можно доверить тому или иному покупателю и сколько времени придется ждать платежа. В большинстве своем платежи приходили в форме векселей или других долговых обязательств, которые, как правило, подлежали погашению через двенадцать месяцев после получения товара. Но торговцы зачастую задерживали отправку платежных документов под самыми разными предлогами: в тюке оказались поврежденные листы, цена доставки оказалась непомерно высокой, задержки с получением товара привели к падению продаж, на рынке появилось другое, более дешевое издание и так далее. Для того чтобы не платить по обязательствам в срок, владельцы магазинов могли придумать еще больше причин. Однако и слухи об их манере вести себя с кредиторами распространялись быстро, а потому Фаварже добывал информацию не только об уровне материального благосостояния книготорговцев, но и о том, насколько своевременно они прежде платили по счетам. Так, он предупредил *STN*, чтобы в Осере оно осторожнее вело дела с двумя хозяевами местных книжных магазинов (включая Боннара, несмотря на общую положительную характеристику), поскольку ему удалось узнать, что «весьма неохотно расстаются с деньгами».

Доверие как форма кредитоспособности то росло, то падало – за исключением наиболее солидных книготорговцев, которые никогда не позволяли себе просрочить выплату по векселям. Если сроки платежей подходили одновременно по слишком большому числу векселей, торговец, которому не доставало солидности, мог попросту не найти нужных денег. В таком случае ему приходилось приостанавливать выплаты по всем платежам – специфическая форма банкротства (*faillite* в противоположность *banqueroute*, то есть полному краху). Из-за этого он мог разориться и угодить в тюрьму: участь, которой можно было избежать, договорившись с кредиторами о реструктурировании долга – иногда речь шла о доле в предприятии, иногда о списании части долга. Если владельцу магазина удавалось достичь соглашения, он мог продолжать заниматься своим делом и одновременно выплачивать долги – со всем возможным тщанием, дабы вернуть хотя бы некоторую часть доверия со стороны других игроков на этом рынке. Фаварже приходилось выяснять и такого рода обстоятельства. В Тулузе, например, Николя-Этьен Сан, небогатый, но пользующийся хорошей репутацией книготорговец, судя по всему, понемногу оправлялся после *faillite*, случившегося четыре года назад. Однако инструкции предупреждали Фаварже о том, что отправлять ему книги можно только в том случае, если он будет платить наличными, иначе риск будет слишком высок. Казамеа, хозяин книжной лавки в Монтобане, также объявивший о банкротстве, производил более выигрышное впечатление. Местные купцы отзывались о нем благосклонно, а другие издатели уже успели возобновить книжные поставки ему. Фаварже предоставил нёвшательскому начальству решать, стоит ли «распространять на него наше доверие». Лэр из Блуа пропустил так много платежей, что *STN* «лишило его своего доверия, и, по его собственным словам, вполне заслуженно». Впрочем, он пообещал платить наличными и вперед, если издательство пришлет ему недостающие тома нёвшательского издания «Энциклопедии» и «Описания искусств и ремесел», поскольку покупатели будут брать только полные комплекты.

Конечно, в идеале оптовый поставщик с готовностью ограничился бы только теми секторами торговли, где тон задавала порядочность (*honnêteté*) и все клиенты заслуживали *confiance*. Но подобных секторов не существовало; а потому, невзирая на все несовершенство человеческой природы – излюбленный предмет тех разговоров, к которым Фаварже прислушивался, – *STN* нуждалось в расширении продаж. «Обществу» тоже надо было платить по счетам. Больше всего денег уходило на бумагу – по меньшей мере половина всей стоимости производства для большинства изданий, – а бумагу приходилось покупать задолго до того, как книга будет напечатана, как ее продадут и получают за нее деньги. Каждую субботу мастер выдавал наборщикам и печатникам деньги, звонкой монетой. Время от времени приходилось покупать новые шрифты, и стоили они весьма недешево, а еще были бесконечные незапланированные траты,

которые затем вносились в счета под рубрикой мелких расходов (*menus frais*). Денег отчаянно не хватало, и единственным их источником были продажи – или, точнее, платежи по продажам.

На первый взгляд может показаться, что пиратская издательская деятельность представляла собой легкий путь к обогащению. В конце концов, издатель печатает книги, которые уже доказали свою востребованность на рынке, так что ему остается только развезти их по розничным торговцам. Но как мы уже имели возможность убедиться, сама природа тогдашней книжной торговли – большие риски, нехватка в отдельных местах солидных клиентов, трудности с должниками, проблемы с доставкой и бдительность французских властей – постоянно грозила свести балансовые ведомости *STN* к самой грани финансового краха. К 1778 году, когда пришло время отправляться в большое путешествие, Фаварже уже научился на глаз определять степень надежности каждого книжного магазина. Однако успех его миссии в конечном счете зависел от того, насколько успешно пойдут у него дела с продажей книг и сбором долгов, а именно эти две задачи как раз и оказались почти невыполнимыми после того, как он оставил Лон-ле-Сонье и направился к следующему месту назначения, Бурк-ан-Бресу.

Глава 4

Бурк-ан-Брес. Продавая книги, собирая долги

Когда в июле 1778 года Фаварже спустился с Юрских гор на зеленые луга Бреса, он понимал, что ничего хорошего впереди его не ждет. Главное во всей провинции книготорговое предприятие, принадлежавшее Роберу и Готье из Бурк-ан-Бреса, недавно объявило о банкротстве – в том смысле, что оба партнера, Жак Робер и Пьер Готье, приостановили любые выплаты, в том числе и по векселю, выписанному за последнюю поставку от *STN*. Перед Фаварже стояла задача получить долг и отстаивать интересы *STN* при любом соглашении, которое Робер и Готье попытаются заключить с кредиторами. И как он должен был продавать выпущенные *STN* книги в Бурк-ан-Бресе, если самый значительный здешний клиент только что выбыл из игры?

Местный рынок отнюдь не выглядел многообещающим. Согласно правительственному обзору 1764 года, Бурк-ан-Брес был лишь маленькой точкой на культурной карте страны. Здесь было двое книгопродавцев, оба считались «порядочными людьми» (*honnêtes gens*) и торговали по преимуществу юридической и религиозной литературой. Они никогда не нарушали правил книжной торговли. Запрещенных книг они не держали, а никаких других книжных лавок во всей провинции не было. Торговый альманах 1777 года подтверждает эту оценку, что ничуть не удивительно. Даже сегодня первое, что приходит на ум большинству людей при упоминании о Бурк-ан-Брес, – это домашняя птица, откормленные куры и каплуны, основа здешней кухни. В XVIII столетии важнейшим продуктом местной экономики были все те же куры наряду с хлебом, лошадьми и коровами. Брес представлял собой сельскохозяйственную местность, приятную для глаз, холмистую, кое-где заболоченную, что, впрочем, никак не сказывалось на общем очаровании. В Бурке, здешней столице, насчитывалось всего семь тысяч жителей. Местная буржуазия, по большей части состоявшая из юристов и чиновников, прикрепленных к окружному суду, посещала концерты, театральные постановки и, начиная с 1783 года, посвященные наукам и искусствам заседания маленькой академии. В городе была своя культурная жизнь, причем довольно активная, но вот чего здесь явно не было, так это сколько-нибудь благоприятных условий для продажи книг, и в особенности таких, которые только что вышли из-под печатных станков в Швейцарии.

Бурк-ан-Брес – единственный город на пути Фаварже, относительно которого в документах содержатся хоть какие-то сведения о людях, имевших привычку заглядывать в книжные магазины. Конечно же, напрямую Фаварже дела с ними не имел. Он продавал книги владельцам магазинов, и поскольку те были специалистами в своем деле, то и разговор о продажах он вел в сугубо профессиональном ключе. Вооружившись проспектами и последним каталогом *STN*, где значилось три сотни названий, он заходил в магазин и спрашивал, нельзя ли ему переговорить с хозяином. Иногда прием его ждал весьма холодный, как в Арле, где Годьон, единственный на весь город книготорговец, наотрез отказался иметь дело со швейцарскими издателями и с той нелегальной литературой, которую они печатают. В больших городах вроде Лиона или Бордо патриции от книготорговли порою вели себя с Фаварже весьма надменно. По их манерам он сделал вывод: они слишком чванливы и самодовольны, чтобы найти время для разговора не только с ним, но и с агентами других издательств. Если ему все-таки удавалось сунуть им в руки каталог, они, случалось, откладывали книжку в сторону и предлагали ему зайти еще раз, когда у них будет немного свободного времени, – но не раньше, чем они отобедят, на что у них обычно уходила едва ли не вся вторая половина дня.

Обычные владельцы книжных магазинов, как правило, вели себя вежливо, но въедливы были до крайности. Они тщательно изучали принесенные Фаварже образцы книг и проспекты

на предмет качества бумаги и печати⁶⁷. Особое внимание уделялось ценам. Стандартная оптовая цена, которую *STN* установило практически для всех своих изданий, равнялась 1 су за лист. Соответственно, владелец магазина платил 20 су, или один турецкий ливр, за том *in octavo*, состоящий из 20 листов, которые, будучи сложены и разрезаны, превращались в 320 страниц. Изучив каталоги разных издательств, прижимистый книготорговец знал цены на все ходовые книги. Как мы увидим позже, оптовые торговцы зачастую конкурировали между собой, продавая одни и те же книги; так что незначительные расхождения в ценах могли привести к очень существенной разнице в отношении со стороны розничных продавцов. Если хозяину магазина казалось, что ту же самую книгу он может купить дешевле у другого поставщика, он вполне мог начать торговаться с Фаварже, пытаясь сбить цену, – а то и просто указывал ему на дверь.

Несмотря на унифицированный порядок цен на книги *STN*, пространство для маневра было, и весьма существенное, поскольку те условия, на которых осуществлялась продажа, значили едва ли не столько же, сколько и сами цены. Заказав дюжину экземпляров по обычной цене, торговцы часто требовали тринадцатый в подарок. Некоторые настаивали даже на бесплатном седьмом экземпляре. Другие пытались оплатить часть счета натурой (то есть отдать *STN* какое-то количество книг из собственных запасов), а третьи – долговыми обязательствами, отодвинув дату предъявления к оплате на срок как можно более долгий. Многие хотели, чтобы *STN* взяло на себя не только расходы по доставке до самого Лиона, но даже и все риски, связанные с тем, чтобы книги благополучно прошли через лионскую палату синдиков. Слова *franco Lyon* – то есть бесплатная доставка до Лиона – рефреном звучали в отчетах Фаварже, а также в письмах, которые приходили в *STN* от книготорговцев Южной Франции. На западе и в долине Луары речь примерно с той же периодичностью шла о *franco Orléans*, бесплатная доставка до Орлеана. Наиболее «солидные» книготорговцы – то есть наиболее платежеспособные – были самыми неуступчивыми. Труднее всего Фаварже пришлось с Годом в Ниме, Павье в Ла-Рошели, Бержере в Бордо и Летурми в Орлеане. Что же касается Фелина, солидного предпринимателя из Юзеса, то в конце концов Фаварже удалось выжать из него заказ – но не получилось изменить ни на йоту тех условий, которые тот поставил с самого начала: «Переговоры я провел до крайности неудачно. Полный тупик. Он ничего нам не уступит».

Чего же в таком случае можно было ожидать в Бурк-ан-Бресе? С тамошними книгопродавцами Фаварже познакомился во время своей предыдущей поездки, в 1776 году. Двое из них, Конт и Бессон, продавали слишком мало «книг, которые можно назвать литературой», чтобы на них вообще имело смысл тратить время. Третий, Вернагель, казался вполне солидным: «книги хорошо подобраны, говорят, что человек он вполне обязательный [*rangé*] и платит в срок». В конце концов *STN* отправило Вернагелю несколько партий товара, но основным его партнером в Бурке была фирма Робера и Готье, которая, как уже было сказано выше, представляла собой самое важное книготорговое предприятие города, хотя в официальных документах не упоминалась ни разу и даже отсутствовала в «Альманахе книготорговли». Чтобы оценить положение дел, Фаварже обратился к местным источникам информации и выяснил, что репутация у обоих партнеров не слишком надежная: «Говорят, что они не слишком хороши. Денег они зарабатывают предостаточно, однако по долговым обязательствам платят неохотно. Говорят, что первый [Робер] – человек необязательный»⁶⁸.

Историю Робера и Готье трудно сложить воедино, хотя по разным углам архивов и можно собрать достаточно отдельных фрагментов, чтобы составить картину того, как работала их фирма. Помимо прочего, эта история свидетельствует о том, что книжный мир в тихом провинциальном центре в отдаленной части страны был куда менее консервативным, чем можно

⁶⁷ Фаварже докладывал, что отец и сын Год из Нима были «очарованы тем вкусом, той правильностью печати и вообще тем стилем, которые присущи нашим изданиям».

⁶⁸ От Фаварже в *STN*, 4 сентября 1776 года. В опросе 1764 года ни Вернагель, ни Робер и Готье не упомянуты.

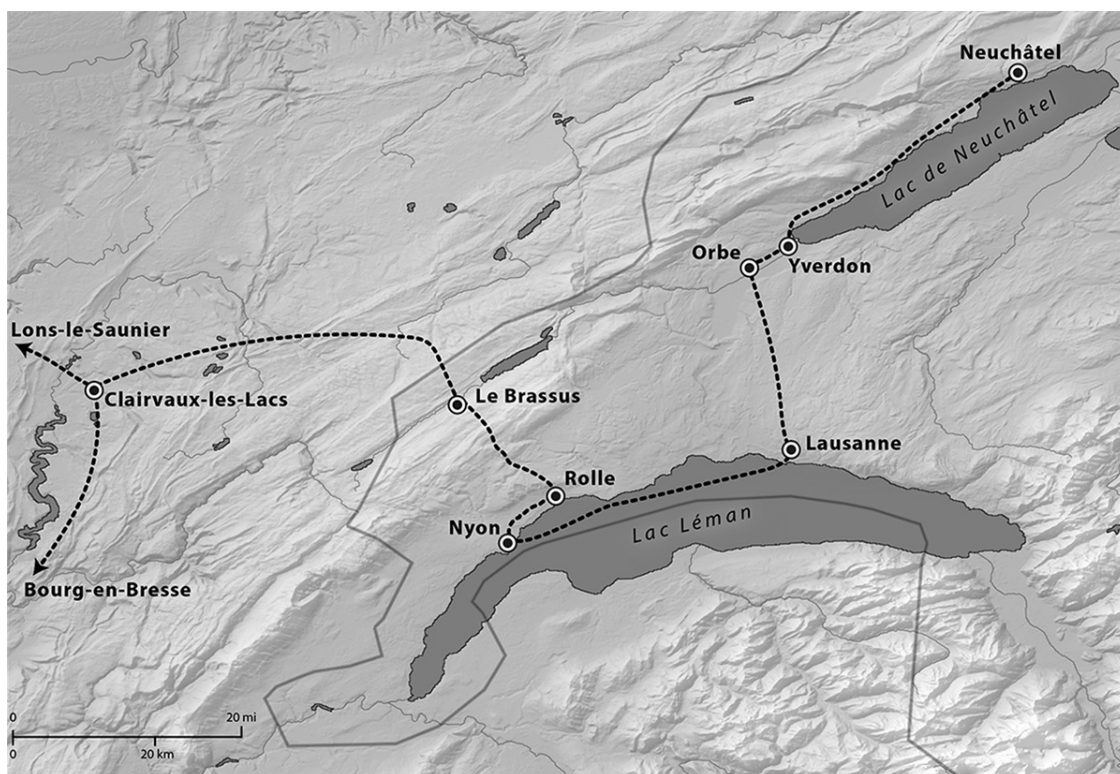
было бы ожидать. В различные моменты периода с 1772 по 1785 год компаньоны сошлись, потом рассорились и заново наладили отношения. Штаб-квартира у них располагалась в Бурк-ан-Бресе, но торговые операции фирма проводила в самых разных городах и городках, от Белле, расположенного в сорока пяти милях к юго-востоку от Бурка, до Бельфора, до которого было сто шестьдесят пять миль и который притулился в самом дальнем северо-восточном углу Франш-Конте⁶⁹. Книготорговые предприятия с целой сетью локальных представительств при Старом режиме были вне закона. Владельцам магазинов дозволялось вести дела только в одном конкретном городе, подпадающем под юрисдикцию ближайшей палаты синдикатов (*chambre syndicale*). Робер и Готье открывали лавки везде, где могли отыскать читающую публику, и выяснили, что читателей интересует широкий ассортимент современной литературы, причем в значительной мере нелегальной.

К сожалению, из писем Робера и Готье мало что можно узнать об их повседневной деятельности. Судя по всему, они использовали Бурк-ан-Брес как базу своего предприятия (с буркскими буржуа у них были крепкие связи, включая некоего «Робера», который – весьма кстати – занимал какую-то должность в Генеральном откупе) и продавали книги в других городах, разъезжая с ярмарки на ярмарку подобно странствующим торговцам (*marchands forains*), но с элитным товаром. В дороге они были постоянно. Франш-Конте они изъездили вдоль и поперек и добирались иногда даже до самого Пломбьер-ле-Бэна (возможно, для того, чтобы отвезти книги модным врачам, которые работали там на водных курортах) и до Страсбурга (ради сделок на тамошней книжной ярмарке, одной из крупнейших во всей Восточной Франции). В письме, которое Жак Робер прислал из Салена, говорится, что он везет тюки с книгами на повозке по сельским дорогам. Однако, в отличие от обычных разносчиков, Робер и Готье вели дела с большим размахом – с гораздо большим, чем позволяли их средства. Они обанкротились в 1778 году, незадолго до приезда Фаварже, и в бумагах, относящихся к процедуре банкротства, указано, что имевшиеся у них книги были оценены в 55 230 ливров и что получены эти книги были от девятнадцати разных оптовых поставщиков в Париже, а также от издателей из Лиона, Женевы и Нёвшателя.

О характере их деятельности можно судить по их переписке с *STN*. Первое письмо, написанное Робером из Сен-Клода 6 июня 1772 года, касалось локального прецедента проишествия, иска против аббатства Сен-Клод, поданного крестьянами, которые жаловались на непомерные феодальные повинности, наложенные на них монахами. Нанятый крестьянами адвокат, Шарль-Габриэль-Фредерик Кристен, превратил процесс в масштабную кампанию против пережитков феодализма и обратился к общественному мнению с помощью брошюры, напечатанной им в *STN*, с громоздким названием «Рассуждение об основании аббатства Сен-Клод, его хрониках, легендах, уставах, незаконных захватах земель и о правах обитателей тамошних мест» (*Dissertation sur l'établissement de l'Abbaye de Saint-Claude, ses chroniques, ses légendes, ses chartes, ses usurpations, et sur les droits des habitants de cette terre*). Робер, лично знакомый с Кристеном, хотел получить сто экземпляров и выразил надежду, что эта первая

⁶⁹ Письма этой фирмы разбросаны по пяти разным папкам в архиве *STN*. Партнеров трудно идентифицировать, поскольку имена в письмах почти не упоминаются; однако в разные периоды времени совладельцами фирмы были Жак Робер (и, возможно, один из его братьев), Пьер Готье и один из его братьев и даже Вернарьель, который вышел из числа пайщиков в 1773 году, чтобы открыть собственное дело. В письме от 3 июля 1773 года Вернарьель ставит *STN* в известность о «конце моего сотрудничества с господами Робером и Готье... Господа Робер и Готье в Бурке больше не живут. Месье Робер теперь в Лон-ле-Сонье, а месье Готье в Белле-ан-Бюже». В *Almanach de la librairie* от 1781 года имя Вернарьеля помещено в разделе, посвященном Бурку, а фирма «Робер и Готье» в разделе Белле, без указания каких бы то ни было иных географических привязок. Фактически большая часть деловой активности Робера и Готье по-прежнему приходилась на Бурк-ан-Брес, при том что книги они заказывали в самых разных местах. Их бельфорский филиал был вовлечен еще и в торговлю бумагой. В 1784 году компания продала весь свой запас книг, оцененный в 3000 ливров, некоему Андре Фору, который значился одновременно как служащий и как один из пайщиков; тот продержался в Бельфоре в качестве независимого книготорговца по крайней мере до 1788 года (на него в архиве *STN* была заведена отдельная папка). Детальный анализ случая Робера и Готье, а также подборку документов из архива *STN* см. в разделе, посвященном Бурк-ан-Бресу, на сайте robertdarnnton.org.

сделка может стать началом устойчивых коммерческих связей, особенно в том случае, если *STN* сможет найти надежный маршрут для переправки книг через границу. Он очень хотел бы заказать «потаенные книги, такие как *L'Espion chinois*⁷⁰, *L'Académie des dames*⁷¹, *Dom B...*⁷², *Messaline*⁷³, *La Religieuse en chemise*⁷⁴ и прочие в подобном жанре». Жанр можно обозначить как порнографический. (Сам термин «порнография» не имел широкого распространения вплоть до XIX века. Книготорговцы XVIII столетия использовали в данном случае такие определения, как *scabreux* или *libre*.) Само *STN* таких книг не печатало, но получало от других издательств в обмен на собственные книги. Вскоре «Общество» уже обменивалось письмами с Робером – относительно того, как доставить ему те или иные книги.

Путь «страховочной» доставки, осуществлявшейся на франко-швейцарской границе Гийоном-старшим. Скотт Уокер. Картографический отдел Гарвардской библиотеки

Робер порекомендовал систему «страховки», которую *STN* освоило несколько позднее с помощью Февра из Понтарлье, и даже подыскал подходящего исполнителя: Гийона-старшего, который действовал из Клерво-ле-Лак, высокогорной юрской деревушки недалеко от Женевы, но уже по французскую сторону от границы⁷⁵. У Гийона была возможность нанимать целые

⁷⁰ «Китайский шпион, или Тайный посланник Пекинского двора, прибывший в Европу, чтобы изучить ее нравы. Перевод с китайского» – шеститомный роман писателя и авантюриста Анжа Гудара (1708–1791), вышедший в Кёльне в 1765 году (Примеч. пер.).

⁷¹ «Дамская академия, или Непристойные разговоры Алоизи» (1660) – сборник порнографических диалогов, написанный французским историком, юристом и литератором Николя Шорье (1612–1692). Впервые был издан на латыни и приписан перу Луизы Сигеа Веласко, испанской гуманистки XVI века (Примеч. пер.).

⁷² «История отца Б..., картезианского привратника» (1741) – анонимный порнографический роман, автором которого, вероятнее всего, являлся Жан-Шарль Жервез де Латуш (1715–1782) (Примеч. пер.).

⁷³ «Французская Мессалина, или Ночи герц... де Пол...» – анонимный порнографический роман (Примеч. пер.).

⁷⁴ «Венера в монастыре, или Монахиня в рубашке» – анонимный сборник порнографических диалогов, впервые изданный в полном виде (6 диалогов) в 1719 году.

⁷⁵ Подробный анализ того, как именно работал Гийон, а также связанные с этим документы см. в разделе «Посредники

команды из местных крестьян для того, чтобы те на своих плечах переносили пачки книг на его склады в Клерво; затем он переупаковывал товар как груз для внутренних перевозок и отправлял по нужным адресам во Франции. Как только будут налажены безопасные маршруты, писал Робер, дела быстро пойдут в гору. Он уже успел послать в *STN* второй заказ, попросив прислать ему еще одну партию «философских трудов и непристойных романов». Заказ включал дюжину экземпляров атеистического трактата «Система природы» д'Ольбаша, дюжину – утопического романа «Две тысячи четыреста сороковой год» Луи Себастьяна Мерсье и полдюжины – скандального пасквиля *Le Gazetier cuirassé*⁷⁶.

Первый груз прибыл благополучно. Робер заказал еще, сосредоточив теперь внимание не на *livres philosophiques*, а на книгах легальных, но изданных пиратским образом. Он отправил платеж и даже предложил доставлять грузы *STN* другим книготорговцам из своего форпоста в Лон-ле-Сонье до Шалон-сюр-Сон. Но в 1773 году контрабандное предприятие Гийона прекратило существование. Начались сложности со взаимопониманием (письма без ответа, грузы, доставленные не туда и не вовремя), пограничный патруль арестовал группу носильщиков, а епископ Сен-Клода пригрозил, что начнет отправлять контрабандистов на галеры. Робер не заказывал книг до сентября 1774 года. К тому времени *STN* открыло маршрут через Лион, а Робер нашел способ получать небольшие упаковки из Мейрена, деревни на окраине Женевы, через тех самых агентов Генерального откупа, которые должны были патрулировать границу. Из великого множества книг, в которых нуждались его клиенты, он особо выделил апокрифические «Мемуары Людовика XV», скандальное описание французской придворной жизни в эпоху короля, умершего всего четыре месяца назад: «Пришлите как можно быстрее шесть таких книг».

Заказы и поставки шли сплошной чередой на протяжении трех следующих лет, время от времени перемежаясь обычными в тогдашней книжной торговле претензиями сторон друг к другу – касательно задержек с доставкой тюков, испорченных листов, несогласия с выписками по счетам и договоренностей об оплате. Несмотря на все эти мелкие шероховатости, отношения выглядели вполне дружескими. Робер и Готье, которые, как правило, предпочитали действовать из Бельфора, в ходе своих поездок останавливались в Нёвшателе, а *STN* продолжало отправлять в Бельфор, в Лон-ле-Сонье и в Бурк-ан-Брес партию за партией книг, пока в 1778 году, незадолго до того, как Фаварже тронулся в путь, предприятие Робера и Готье не обанкротилось.

В первый раз *STN* выказало серьезную озабоченность происходящим в письме от 27 ноября 1777 года: беспокойство было вызвано отсутствием ответа на несколько предыдущих писем и неоплаченным счетом. Затем последовали несколько месяцев полного молчания. Потом, уже в марте 1778 года, в *STN* узнали о том, что Робер и Готье приостановили все платежи. Робер представил балансый отчет в парижский коммерческий трибунал (*Juges et consuls*) 23 июля 1778 года. Это было совершенно неправильно, с точки зрения нанятого издательством в Бурк-ан-Бресе юриста, поскольку сама компания была расположена в Бурке⁷⁷. После того как юрист пригрозил подать на компанию в суд округа (*bailliage*), Робер и Готье попытались договориться с *STN*, предложив выплатить все свои долги, но только с отсрочкой на четыре года и без процентов. Это неприемлемо, ответили из *STN*: беспроцентная выплата была эквивалентна списанию пятой части долга (четыре года по пять процентов). Под постоянным давлением со стороны буркского адвоката Робер и Готье в конце концов заплатили по счетам. Сумма долга составила всего 311 ливров, и буркское соглашение сторон стало предисловием к основному событию – судебному постановлению, принятому в Париже.

и контрабандисты» на сайте robertdarnton.org.

⁷⁶ «Газетчик в доспехах, или Скандальные анекдоты из жизни французского двора» (1771) – анонимно опубликованный пасквиль, принадлежащий перу Шарля Тевено де Моранда, журналиста, либертена, вымогателя и дуэлянта (*Примеч. пер.*).

⁷⁷ От Рейделе, *procureur au bailliage de Bourg-en-Bresse*, в *STN*, 31 июля 1778 года.

Парижский суд рассмотрел дело по обвинению, выдвинутому против Робера и Готье их кредиторами, 29 июля 1778 года. Хотя среди дошедших до нас документов не сохранилось судебное заключение по этому делу, оно, вероятно, походило на большинство других решений по делам о банкротстве – то есть кредиторы, видимо, согласились на списание некоторой части долга и постепенную выплату оставшихся денег в течение долгого срока, что позволяло Роберу и Готье продолжить ведение дел. К счастью, среди документов есть балансовый отчет компании, дающий необычайно подробное представление о коммерческой деятельности провинциального книготорговца⁷⁸. Он свидетельствует о том, что Робер и Готье проводили весьма масштабные операции. Долги составили 58 618 ливров, активы 70 905 ливров. Очевидно, баланс внушал кредиторам достаточную уверенность, чтобы пойти на отсрочку выплат по векселям вместо того, чтобы вынуждать Робера и Готье продать все и закрыть дело. Активы включали в себя книги, оцененные в 55 230 ливров, и долги клиентов перед фирмой, 15 675 ливров, – актив не очень надежный, поскольку задолженности зачастую оставались непокрытыми.

Дебет показывает, что Робер и Готье получали книги от девятнадцати парижских поставщиков, включая самые престижные издательские дома: Десен, Эстьен, Сейян, Мутар, Кнапен, Панкук и Дидо. Кроме того, поставки шли от трех оптовых компаний в Лионе и от трех швейцарских издателей: от Габриэля Крамера и Жана-Самюэля Кайе из Женевы и от Самюэля Фоша из Нёвшателя (*STN* среди кредиторов не упомянуто, поскольку с ним вопрос о долгах уже был решен в Бурке). Большим количеством парижан можно объяснить то обстоятельство, что разбирательство велось именно в Париже, где, по слухам, у Жака Робера была собственная квартира: на улице Фоссе в квартале Сен-Жермен-де-Пре. Впрочем, самые значительные суммы компания задолжала лионским и швейцарским поставщикам, от которых, вероятнее всего, и получала основной объем книг.

Как следует из списка активов в балансовом отчете, на складах у Робера и Готье хранились книги сорока наименований, причем запрещенные среди них отсутствуют – может быть, потому, что на этом полупубличном процессе ни о чем подобном упоминать было нельзя. Этот список, судя по всему, не является полной описью товара, хранившегося на складах компании, поскольку в нем значатся только те книги, которых на складе было много, как правило, от сотни экземпляров и больше. Вероятно, в него попали разного рода *livres d'assortiment*, равно как и *livres philosophiques*. Однако он дает общую картину товаров, которыми торговали Робер и Готье. Книги здесь были из самых разных тематических областей.

Литература и беллетристика	9 наименований
История	7
Религия	6
Право	3
Естественные науки и математика	3
Медицина	2
Прочие	10

⁷⁸ Archives du Département de la Seine, ныне Département de Paris, Fonds de faillites, D.4B6. Полные статистические выкладки по каждой книге и даже по отдельным заказам можно посмотреть на сайте robertdarnton.org.

По большей части это были такие солидные многотомные издания, как «Максимы французского права» (*Maximes du droit français*, в шести томах, оцененных в 12 ливров за полный комплект), «Краткое изложение древней истории месье Роллена» (*Abrégé de l'histoire ancienne de Monsieur Rollin*⁷⁹, пять томов, оцененные в 10 ливров) и «Французский театр» (*Théâtre français*, антология в четырнадцать томах, оцененная в 48 ливров). Легкой литературы было совсем немного, и даже в разделе изящной словесности значатся несколько многотомников: сочинения Мольера в шести томах, Руссо в двенадцати и популярного драматурга Алексиса Перона – в семи.

Список людей, которые, в свою очередь, задолжали Роберу и Готье, предоставляет редкую возможность бросить взгляд на клиентуру розничного торговца. В списке тридцать три фамилии. В это число входят двенадцать книжных магазинов, в основном таких мелких розничных предприятий, как у Февра в Понтарлье или Консидерана в Сален-ле-Бэне. Остальные покупатели – это те, кто приобретал книги для себя, когда Робер и Готье возили свой товар из города в город. Среди прочих здесь значатся «г-н Рего, юрист в Лон-ле-Сонье», «г-н Жак, поверенный в Треву», «г-н аббат Паэрье в Колиньи», «г-н Воше, врач в Пон-ле-Сонье» и «г-н Моро, городской советник в Маконе». Те, у кого после фамилии не был вписан населенный пункт, скорее всего, покупали книги в Бурке. Профессиональный статус здесь тоже указан, и картина складывается такая:

Юристы	3
Священники	2
Офицеры	3
Врачи	2
Торговцы (<i>marchands</i>)	4
Правительственный чиновник	1
<i>Bourgeois</i>	1

Делать общие выводы на основании такой узкой выборки, конечно, не стоит, но посвоему она небесполезна и достойна размышлений, поскольку дает нам редкую возможность присмотреться к движению книг не только от издателя-оптовика к книготорговцу, но и от книготорговца к отдельным читателям. Большинство покупателей Робера и Готье принадлежало к провинциальному среднему классу. Офицеры, скорее всего, были дворянами, как тот клиент, который остался должен самую большую сумму: «маркиз де Вьен, офицер ... 1120 ливров». Прочие принадлежали к смешанной элите, которую в XIX веке называли бы «именитыми людьми». Ни ремесленников, ни рабочих среди них не было.

Когда Фаварже приехал в Бурк-ан-Брес 11 июля 1778 года, дело уже было урегулировано в Париже. Инструкции, полученные им от STN, требовали внимательно изучить, каково состояние дел у Робера и Готье, однако нужную информацию оказалось не так-то просто собрать. В конторе не оказалось никого, кроме клерка, а тот ничего не хотел говорить о книжных запасах фирмы и даже не дал Фаварже свежий каталог. Единственным, что представителю «Обще-

⁷⁹ Шарль Роллен (1661–1741) – популярный в свою эпоху французский историк и просветитель (Примеч. пер.).

ства» удалось у него получить, был список из десяти наименований книг, которые Робер и Готье готовы были отправить в *STN* в счет оплаты долговых обязательств. От сделки Фаварже отказался. Попытка вывести на откровенный разговор кого-то из местных торговцев также не увенчалась успехом, «поскольку, – писал своему начальству Фаварже, – здесь все стараются держать в тайне». До него, однако, дошли слухи, что, несмотря на приостановку платежей, дела у компании идут не слишком-то плохо. Согласно тем же слухам, Робер, который уехал договариваться с кредиторами в Париж, предложил им полную выплату долга, но без процентов и с отсрочкой на четыре года, – либо компенсацию книгами, которых у компании было вполне достаточно.

В документах суда по банкротству точные условия соглашения не упомянуты, однако Робер и Готье вернулись к привычной деятельности задолго до весны 1781 года, которой датированы их новые письма в архиве *STN*: часть этих писем получены из Бельфора, а часть из Бурка. Похоже, что два основных филиала компании взаимодействовали между собой не слишком тесно. В мае 1781 года Готье написал из Бельфора, что ему нужно пятьдесят экземпляров *Vie privée de Louis XV*⁸⁰. В июне того же года Робер прислал из Бурка претензию, что он заказывал ту же книгу гораздо раньше, а в итоге она поступила слишком поздно для того, чтобы продвигать ее на рынке. Когда очередная партия от *STN* не пришла вовремя, он заказал ту же книгу у другого поставщика и продал почти 150 экземпляров. Корреспонденция того же рода – заказы вперемежку с претензиями и переговорами об условиях доставки – продолжалась на протяжении трех последующих лет. Если речь заходила о спросе на книги, Робер (как правило, из Бурка) и Готье (чаще всего из Бельфора) выказывали особый интерес к «Отчету, поданному королю» (*Compte rendu au roi*), принадлежащей перу Жака де Неккера апологии собственной деятельности на посту министра финансов, опубликованной в 1781 году и вызвавшей волну острополемических памфлетов (см. главу 12), и к трудам Руссо. Готье пояснял, что книги Руссо предназначены для постоянных покупателей из бельфорского гарнизона: «Руссо нужен срочно. Это книги для офицеров, которых переводят [в другой гарнизон] в следующем месяце». Но *STN* так и не возобновило полномасштабных торговых отношений с Робером и Готье. Обжегшись раз, оно предпочло не вносить их снова в число покупателей, заслуживающих доверия. Ответом на запрос о большой партии книг в сентябре 1784 года был отказ, и после этого случая ни единой отправки товара для Робера и Готье не было.

Может быть, остановка Фаварже в Бурк-ан-Бресе и не была успешной с точки зрения продажи книг и получения денег за предшествующие поставки. Но те сведения, которые ему удалось собрать, многое способны прояснить в контексте переписки Робера и Готье с *STN* относительно того, как шла книжная торговля в провинциальном городе. Заказов в письмах из Бурк-ан-Бреса вполне хватает для того, чтобы составить примерный профиль торговых интересов Робера и Готье⁸¹.

Согласно этим записям о заказах, самой востребованной книгой было «Рассуждение об основании аббатства Сен-Клод», поскольку эта книга имела самое прямое отношение к местным делам. Продажи по всей остальной Франции были весьма скромными. Среди книг, чьи названия чаще прочих встречались в заказах, были также «Отчет, поданный королю» Неккера, «Частная жизнь Людовика XV» и труды Руссо. Чего там почти не бывало, по крайней мере в сколько-нибудь заметных количествах, так это фривольных *livres secrets*, о которых шла речь на самой начальной стадии переписки. Может быть, Робер и Готье уже успели создать большие запасы таких книг, но возможно и другое: они могли заказывать их у таких специалистов по запрещенной литературе, как Жан-Самюэль Кайе из Женевы и Самюэль Фош из Нёвша-

⁸⁰ «Частная жизнь Людовика XV, или Основные события, особенности и анекдоты времен его правления», скандальная хроника правления предыдущего французского монарха, написанная адвокатом и литератором Бартельми-Франсуа-Жозефом Муфль д' Анжервилем (1728–1795).

⁸¹ Полные статистические данные по каждой книге и каждому заказу можно найти на сайте robertdarnton.org.

теля, напротив имен которых в банкротском списке кредиторов стоят едва ли не самые значительные суммы. Помимо «Частной жизни Людовика XV», Робер и Готье заказывали и другие строжайше запрещенные книги, и прежде всего книги, связанные с Просвещением: «Система природы» д'Ольбаша, философский роман Мармонтеля *Bélisaire*⁸² и *Tableau de Paris*⁸³ Мерсье, пеструю подборку очерков о столичной жизни, целиком пропитанную руссоистскими идеями. Впрочем, запрещенные книги вовсе не были основным товаром у Робера и Готье. Пальму первенства держали травелоги (*Voyages dans les Indes Orientales*⁸⁴ Иоганна Лукаса Никампа, *Lettres d'un voyageur anglais* Мартина Шерлока⁸⁵), беллетристика («Эссе о характере, нравах и духе женщин разных веков», *Essai sur le caractère, les mœurs et l'esprit des femmes dans les différents siècles* Антуана-Леонарда Тома⁸⁶, *Les Jardins* Жака Делиля⁸⁷) и кое-какая детская литература (*Annales de la vertu, ou cours d'histoire à l'usage des jeunes personnes* К. С. Ф. Дюкре, графини де Жанлис⁸⁸). Общая стратегия состояла в том, чтобы заказывать как можно больше книг, но каждую брать буквально в нескольких экземплярах, так чтобы хранившийся на складах ассортимент как можно точнее отвечал возможным потребностям покупателей. «Мы заказываем книги в соответствии с тем, сколько можем продать», – объясняли они.

Эта стратегия, как выяснил в ходе своего путешествия Фаварже, была типичной для провинциальных книготорговцев. Он сделал все, от него зависевшее, чтобы в тех маленьких городках, с которых началось его путешествие, изданные *STN* книги нашли своих покупателей. Следующая его остановка была в Лионе, большом городе и динамично развивавшемся центре издательского дела, где ему предстояло столкнуться с совершенно другими задачами.

⁸² «Велизарий» (1767) – исторический роман Жана-Франсуа Мармонтеля (1723–1799). Причиной запрета были более чем внятные намеки на неблагодарность монархов (и прежде всего Людовика XV) по отношению к подданным, много сделавшим для страны и лично для государя (*Примеч. пер.*).

⁸³ «Картины Парижа» (1781–1789) двенадцатитомный сборник провокативных эссе Луи Себастьяна Мерсье (1740–1814), романиста, драматурга, литературного критика, философа и журналиста. Первое издание книги было осуществлено в Нёвшателе Самюэлем Фошем – без указания имени автора и издателя, но зато с указанием Амстердама в качестве места публикации.

⁸⁴ «Путешествие в Восточную Индию» лютеранского миссионера Иоганна Лукаса Никампа. Книга посвящена истории первой в истории лютеранской миссии (1705), созданной под патронажем датской Ост-Индской компании в Транкебаре (*Примеч. пер.*).

⁸⁵ «Письма английского путешественника» Мартина Шерлока (ок. 1750 – 1797), который служил капелланом при активно путешествовавшем по Европе Фредерике Огастесе Херви, четвертом герцоге Бристольском и епископе Дерри; опубликованы по-французски в 1779 году в Женеве (*Примеч. пер.*).

⁸⁶ «Эссе о характере, нравах и духе женщин разных веков» (1772), Антуан-Леонар Тома (1732–1785) – поэт и литературный критик. «Эссе» вышло в 1772 году.

⁸⁷ «Сады» (1780), описательная буколическая поэма Жака Делиля (1738–1813), масона, поэта и переводчика, вдохновленная «Георгиками» Вергилия, которые он перевел на французский еще в 1769 году.

⁸⁸ Каролин-Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен де Жанлис (1746–1830), воспитательница детей и любовница Филиппа де Бурбона, герцога Шартрского (впоследствии герцога Орлеанского, после Революции – Филиппа Эгалите). Плодовитый автор, работавший в разных жанрах, от сентиментального романа до нравоучительной литературы для детей. Двухтомные «Анналы добродетели, или Курс истории для юных» (1781), понятно, относятся к последним (*Примеч. пер.*).

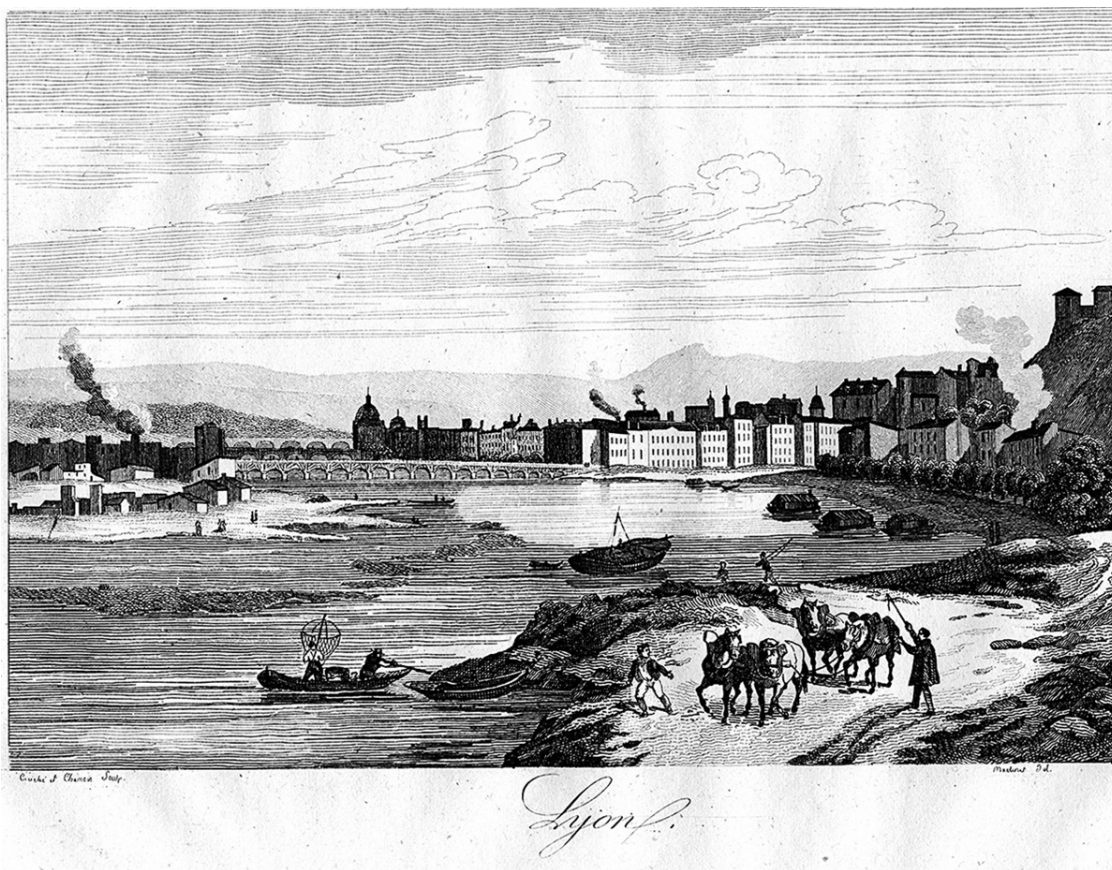
Глава 5

Лион. Предприниматели и пираты

Прежде чем отправиться в поход по лионским книжным магазинам, Фаварже внимательно изучил инструкции, вписанные в его путевой журнал директорами *STN*. Он знал, что ему предстоит иметь дело едва ли не с самой неподатливой клиентурой во всем книжном мире тогдашней Франции. В Лионе, втором по величине городе королевства и мощном книгоиздательском и книготорговом центре еще со времен Средневековья, обитало множество людей, живших доходами от печатного слова, – издателей, типографов, владельцев книжных магазинов, переплетчиков, мелочных торговцев, литейщиков шрифтов, торговцев бумагой, агентов по доставке, контрабандистов и авантюристов разного рода. Среди всех этих ремесленников и предпринимателей вечно затевались большие и малые интриги, и в июле 1778 года некоторые из них угрожали превратиться в серьезную проблему.

Отличительной чертой издательского дела в Лионе был вкус к пиратству⁸⁹. Город служил чем-то вроде литника для тех дешевых пиратских изданий, которые закачивались швейцарскими издателями на самые разные французские рынки. Книги рекой текли по столбовой дороге между Женевой и Лионом еще с начала XVI века; в веке XVIII в этот поток стали вливаться новые полноводные ручьи, с истоками в лозаннских, ивердонских и нёвшательских издательствах. Бернские и базельские издательские дома предпочитали северные пути, а *STN*, как уже было сказано, тоже пыталось, и порой небезуспешно, открыть новый маршрут – прямо в Париж через Безансон и Дижон. И все-таки главными воротами на французский рынок оставался Лион. И дело было не только в том, что здесь сходились прекрасные сухопутные и речные трассы; здесь было множество искусных в своем деле маклеров, которые могли существенно облегчить заключение сделок, в особенности если дело касалось пиратских изданий.

⁸⁹ О пиратстве в целом см.: *Moureau François (Ed.)*. Les presses grises: La contrefaçon du livre, XVIe–XIXe siècles. Paris: Aux Amateurs de Livres, 1988. Правительство было в полной мере информировано о процветавшем в Лионе пиратстве. См., например, письмо Клода Буржела, инспектора книжной торговли в Лионе, к Жозефу д'Эмери, парижскому инспектору, написанное в январе 1760 года (Bibliothèque nationale de France, fonds français, 22080, no. 101). Из исследований, специально посвященных Лиону и тамошним печатникам и книготорговцам, см. в особенности публикации Доминика Варри, который активно пользовался не только лионскими архивами, но и нёвшательским архивом *STN*, например: *Varry Dominique*. La diffusion sous le manteau: La Société typographique de Neuchâtel et les Lyonnais // L'Europe et le livre: Réseaux et pratiques du négoce de librairie XVIe–XIXe siècles / Ed. Frédéric Barbier, Sabine Juratic, and Dominique Varry. Paris: Klincksieck, 1996. P. 309–332; *Varry D.* Les échanges Lyon-Neuchâtel // La Société typographique de Neuchâtel 1769–1789: Actes du colloque organisé par la Bibliothèque publique et universitaire de Neuchâtel et la Faculté des lettres de l'Université de Neuchâtel, Neuchâtel, 31 octobre – 2 novembre 2002 / Ed. Robert Darnton and Michel Schlup. Neuchâtel: Éditions Attinger, 2005. P. 491–518; *Varry D.* Les gens du livre à Lyon au XVIIIe siècle: Quand de «loyaux sujets» sont aussi des «maronneurs» // Le peuple des villes dans l'Europe du Nord-Ouest de la fin du Moyen-Âge à 1945 / Ed. Philippe Guignet. Lille: Centre de recherche sur l'histoire de l'Europe du Nord-Ouest, Université Charles-de-Gaulle, 2003. Vol. 2. P. 229–242; *Varry D.* Pour de nouvelles approches des archives de la Société typographique de Neuchâtel // The Darnton Debate: Books and Revolution in the Eighteenth Century / Ed. Haydn T. Mason. Oxford: Voltaire Foundation, 1988. P. 235–249. См. также: *Trenard Louis*. Commerce et culture: Le livre à Lyon au XVIIIe siècle. Lyon: Imp. réunies, 1953; и *Chartier Roger*. Livre et espace: Circuits commerciaux et géographie culturelle de la librairie // Revue française d'histoire du livre. 1971. № 1. P. 77–103.

Лион. Гравюра из «*Nouveau voyage pittoresque de la France*». Париж. Остервальд. 1817. Библиотека кантона Юра, далее BiSJ

Бурный рост пиратства стал ответом на фактическую монополию в издательском деле, установленную парижской гильдией книготорговцев еще в конце XVII столетия⁹⁰. Опираясь на политику централизации, последовательно проводившуюся в царствование Людовика XIV, парижане скупили большую часть привилегий на издание книг, помогали властям осуществлять полицейский надзор над этой отраслью торговли, оставили на долю провинциальных типографий в основном продукцию местного значения и объявления и господствовали на национальном рынке благодаря сети книготорговцев-перекупщиков, своих клиентов. Неспособные конкурировать с парижанами, провинциальные издатели перешли на торговлю пиратскими изданиями (*contrefaçons*), иногда печатая их сами, но чаще ввозя из-за границы. К 1750 году эти дешевые пиратские издания наводнили все французские провинциальные рынки, а лионские книготорговцы наладили прочную систему сотрудничества со швейцарскими издателями.

Правительство предприняло попытку реформировать правила книготорговли, опубликовав 30 августа 1777 года целую серию эдиктов (ключевые указы отсылали к законам 1618, 1643, 1686 и 1723 годов)⁹¹. Реформы слегка сместили баланс в пользу провинциальных книготор-

⁹⁰ Martin Henri-Jean. Livres, pouvoirs et société à Paris au XVIIe siècle (1598–1701). Geneva: Librairie Droz, 1969, в особенности 3: 678–756; Martin Henri-Jean. L' édition parisienne au XVIIe siècle // Martin H.-J. Le Livre français sous l' Ancien Régime. Paris: Promodis, 1987; а также: Quéniart Jean. L' Anémie provinciale // Histoire de l' édition française / Ed. Henri-Jean Martin and Roger Chartier. Paris: Promodis, 1984. Vol. 2: 282–293.

⁹¹ Относительно эдиктов 30 августа 1777 года см.: Birn Raymond. The Profits of Ideas: Privilèges en librairie in Eighteenth-Century France // Eighteenth-Century Studies. 1971. № 4. P. 131–168; Boës Anne, Dawson Robert L. The Legitimation of Contrefaçons and the Police Stamp of 1777 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1985. № 230. P. 461–484; Veyrin-Forrer Jeanne. Livres arrêtés, livres estampillés: Traces parisiennes de la contrefaçon // Moureau Les presses grises: La contrefaçon

говцев, ограничив монополию парижан на привилегии на издание, но, самое главное, они позволили принимать меры против торговли пиратскими изданиями. Пиратство приобрело такие масштабы, признавало правительство, что в магазинах у некоторых книготорговцев выставлены едва ли не сплошь одни *contrefaçons*. Конфискация всех этих книг – если бы подобная операция и впрямь была осуществима на практике – нанесла бы сокрушительный удар по множеству торговых предприятий, и потому правительство объявило временную амнистию, период, в течение которого владельцы книжных магазинов могли заявить о своих запасах пиратских изданий, проштамповать каждый экземпляр в ближайшей палате синдиков, легализовать их таким образом и затем распродать. Но после указанной даты, которая варьировалась в зависимости от конкретного города, все непроштампованные книги должны были отслеживаться и конфисковываться. Новым палатам синдиков надлежало присоединиться к уже существовавшим в общенациональной кампании по борьбе с пиратством. Будут ли эдикты 1777 года действительно эффективным оружием против пиратских изданий, оставалось неясным, и не только потому, что государство часто не доводило до конца начатые реформы, но и в силу того, что учреждения, отвечавшие за книжную торговлю, оказались завалены протестами, немедленно хлынувшими со всех концов королевства. И одна из целей поездки Фаварже состояла в том, чтобы оценить эффективность новых мер, а об этом следовало судить по положению дел на лионском книжном рынке.

Легальный лионский рынок контролировался несколькими богатыми домами, которые издавали собственные книги, должным образом защищенные привилегиями. Но большинство лионских книгопродавцев жили доходами с пиратских изданий, и значительная часть этой публики торговала среди прочего и *livres philosophiques*. Они яростно конкурировали между собой, заключали и расторгали союзы и постоянно меняли тактику, приспосабливаясь к новым условиям: подвижности в экономике (Лион был важным центром торговли долговыми обязательствами) и публиковавшимся чуть не каждый год указам правительства. Не прекращая внутренних распрей, лионцы часто объединяли усилия для войны с внешним врагом: книготорговой гильдией Парижа, за которой стояли версальские реформаторы⁹². Впрочем, история издательского дела при Старом режиме не сводится ни к противостоянию между парижанами и провинциалами, ни к конкуренции между легальными и пиратскими изданиями. Книготорговцы пытались использовать любую возможность, которая только подворачивалась им под руку. Некоторые парижские оптовики втихомолку заказывали нелегальные книги в Нидерландах и в Швейцарии. А некоторые провинциальные фирмы печатали собственные пиратские версии этих популярных книг и продавали их дешевле, чем полученные от иностранных поставщиков. Альянсы и группировки то и дело распадались и складывались по-новому, меняя расстановку сил. Лионцы славились пронырливостью, и, с точки зрения *STN*, за ними нужно было особенно внимательно наблюдать.

Директора *STN* долгие годы вели дела с лионскими книготорговцами: посылали им книги и сами навещали к ним в магазины. В ходе подготовки к деловому турне 1773 года один из директоров, Жан-Эли Бертран, набросал целую галерею портретов, кратких характеристик в путевом журнале, аналогичном тому, что постоянно имел под рукой Фаварже⁹³. Некоторые из книготорговцев так и остались для него полной загадкой – например, Ж. М. Брюиссе, «человек холодный и хитрый». Кто-то пытался прыгнуть выше головы: «Братья Периссе, умные,

du livre (XVIe–XIXe siècles). P. 101–112.

⁹² Противостояние провинциальных издателей и книготорговцев во главе с лионцами парижской монополии на право распоряжаться привилегиями обрело, возможно, наиболее наглядное выражение в «Памятной записке для книготорговцев и печатников Лиона, Руана, Тулузы, Марселя и Нима касательно привилегий в книжной торговле и продления оных» (*Mémoire à consulter pour les libraires et imprimeurs de Lyon, Rouen, Toulouse, Marseille et Nîmes concernant les privilèges de librairie et continuations d'iceux*) от 15 октября 1776 года (Bibliothèque nationale de France, Fonds français 22073, no. 144).

⁹³ Bertrand Carnet de voyage, 1773, ms. 1058.

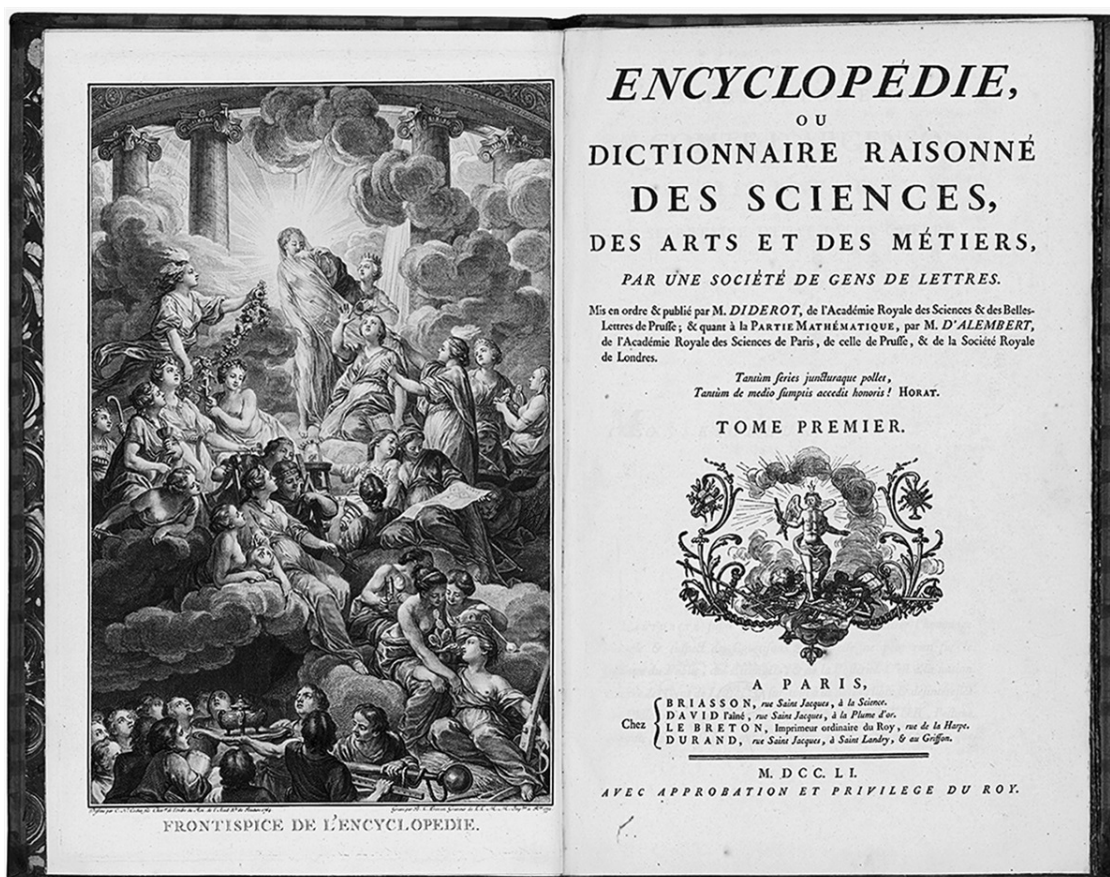
не лишённые литературных амбиций». Кто-то выказал откровенную враждебность: «Брюйсс-Понтио будет иметь с нами дело разве что в самом крайнем случае». Большинство книготорговцев производило впечатление людей ушлых, хотя изредка попадались и такие, кто пренебрегал своими деловыми обязанностями, как в случае с Бернаром Фланденом: «Его нужно постоянно держать в тонусе, поскольку ленив он чрезвычайно». Некоторые манерничали, как Ж. М. Барре: «Разыгрывал передо мной человека пресыщенного», – или пытались выдать себя за персону более значимую, чем являли собой в действительности, вроде Селье: «Он – пустое место, берет книги в долг, но изображает из себя книготорговца». Многие не заслуживали доверия и, соответственно, делиться с ними конфиденциальной информацией не следовало; так, в случае с магазином «Клод-Мари Жакно, отец и сын» Бертран рекомендовал «просто зайти к ним, но не вступать в излишние разговоры». Они нарушали договоренности, скрывали истинное положение своих дел и закрывали долги, разыгрывая ложное банкротство на манер фирмы «Вдова Регийя и сын»: «Не сообщайте им ничего, за исключением того, что порекомендует месье Бой де ла Тур [лионский негодант, представлявший интересы *STN* при урегулировании ситуации с банкротством вдовы Регийя в 1771 году]».

Прежде чем пуститься в странствия по магазинам, Фаварже несколько раз перечитал указания, которыми директора *STN* исписали первые страницы его дневника. В первом же письме, которое он получил в Лионе от руководства, ему настоятельно напомнили о важности предварительной подготовки: «Прежде чем отправиться с визитами, внимательно перечитайте все замечания относительно Лиона, так чтобы никто из них не смог застать вас врасплох, и не торопитесь, сколько бы времени это ни заняло». В инструкциях Фаварже мог найти нужный совет на каждый случай, на каждый свой шаг от магазина к следующему за ним магазину⁹⁴.

Среди множества поручений Фаварже два стояли особняком: переговоры, связанные с участием *STN* в публикации «Энциклопедии» *in quarto* и с прохождением контрабандных книг через лионскую палату синдиков. Самые большие сложности были связаны со спекуляцией «Энциклопедией» и с тем лионским книготорговцем, который отвечал за ее организацию, Жозефом Дюпленом⁹⁵. Как уже упоминалось в главе 2, *STN* заключило партнерское соглашение на перепечатку «Энциклопедии» с Шарлем-Жозефом Панкуком, влиятельным парижским издателем, который приобрел печатные доски – и, следовательно, по его собственным уверениям, полные права на оригинальное издание. К этому времени скандал, вызванный «Энциклопедией» в 1750-х годах, уже успел улечься, и Панкуку удалось убедить французское правительство разрешить новое издание. Но тут в дело вмешался нахальный и беспринципный делец по фамилии Дюплен и обошел Панкука, начав подписку на дешевое пиратское издание, которое в конечном счете вылилось в тридцать шесть томов текста и три тома иллюстраций *in quarto*. Поначалу Панкук решил выдать *in quarto* с французского рынка, прибегнув к помощи покровителей из французского правительства. Однако подписка на издание *in quarto* шла так бойко, что вместо того, чтобы воевать с Дюпленом, Панкук и *STN* решили к нему присоединиться.

⁹⁴ Инструкции и основной текст дневника, по-французски и по-английски, можно найти на сайте robertdarnton.org.

⁹⁵ Далее следует краткое изложение материала, подробно представленного ранее в моей книге: *The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie, 1775–1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.

BPUN: титульный лист «Энциклопедии»

Между 1777 и 1780 годами «Энциклопедия» *in quarto* выдержала три «издания», как называли их сами издатели, хотя с точки зрения современной библиографической традиции, которая привыкла различать издания и допечатки тиража, называться это должно было несколько иначе. Дюплен начал с тиража в 4000 экземпляров (в действительности с 4400, или с восемью пачек, «стоп», и шестнадцати «дестей», двадцатых долей «стопы» на каждый лист текста, включая дополнительные листы (*chaperon*), компенсировавшие типографский брак (*défets*)). По мере того как росло число подписчиков, он увеличил тираж до 6000 экземпляров (в действительности до 6150, но в переписке между собой издатели пользовались округленными цифрами) и допечатал те листы, которых не доставало из-за разницы с исходным тиражом, что и дало, если пользоваться его собственной терминологией, которая нашла отражение в типографских контрактах, два «издания». Но даже и после этого подписка росла не по дням, а по часам. Поэтому Дюплен, Панкук и STN пришли к соглашению о запуске в производство «третьего издания» в 2000 экземпляров (в действительности четыре стопы и пятнадцать дестей на лист, или 2375 экземпляров). В конце концов, за вычетом типографского брака, консорциум, сложившийся вокруг издания *in quarto*, напечатал 8011 полных комплектов издания. И если поначалу история с изданием «Энциклопедии» *in quarto* представляла собой только авантюрную пиратскую спекуляцию, то со временем издание превратилось в солиднейшее предприятие с оборотом в миллион ливров – самое рентабельное, с точки зрения пайщиков, за всю историю книгопечатания.

Спрос на «Энциклопедию» оставался настолько массовым, что два лионских печатника, Жан-Мари Барре и Жозеф-Сюльпис Граби, люди того же пошиба, что и Дюплен, в самом начале 1778 года решили выпустить пиратское издание самого пиратского издания. Чтобы доказать серьезность своих намерений, они напечатали шесть листов (сорок восемь страниц

in quarto) тиражом в 2000 экземпляров и заявили Дюплени, что лишь сумма в 27 000 ливров заставит их прекратить начатое. Это были колоссальные деньги – рядовой типограф зарабатывал примерно столько за всю свою жизнь, – но Дюплен после долгих терзаний согласился ее уплатить. Три пирата подписали официальный пакт о ненападении; Барре и Граби отдали уже напечатанные листы; Дюплен уплатил выкуп. Даже по лионским стандартам это была совершенно невероятная сделка, но как позже заметил Панкук (ему и «Обществу» пришлось одобрить эту сделку в качестве партнеров Дюплена), «если ты не можешь уничтожить пиратов, наилучшая стратегия состоит в том, чтобы с ними договориться».

В это же самое время еще два пиратских издательства, из Берна и из Лозанны, приняли точно такую же атаку. Они попытались совершить набег на французский рынок при помощи дешевой перепечатки текста «Энциклопедии» *in quarto*, но уже в формате *in octavo* – то есть опять же осуществить пиратское издание пиратского издания. Впрочем, следует оговорить еще одно обстоятельство: сам тот факт, что Панкук обладал привилегией на издание оригинала, сообщал его многотомнику некоторую долю легитимности, по крайней мере французские власти очевидным образом его терпели. «Энциклопедическая» война между *in quarto* и *in octavo* разразилась в тот самый момент, когда Фаварже отправился в путешествие по Франции. Он продавал подписки на *in quarto* и, куда бы ни занесла его судьба, старался помешать продажам *in octavo*. Во время первой же своей остановки, в Понтарлье, он выяснил, как противная сторона переправляет свои *in octavo* через границу. Как уже говорилось выше, эта информация оказалась весьма ценной, поскольку, едва получив ее, Панкук известил французские власти, и те конфисковали достаточно тюков с книжными листами, чтобы лишить издателей «Энциклопедии» *in octavo* какой-либо прибыли и чтобы французские читатели утратили интерес к подписке на это издание. Издатели *in octavo* ушли с французского рынка в 1779 году и выжили только за счет того, что удовлетворяли спрос на недорогое издание «Энциклопедии» в остальных странах Европы; в конце концов в январе 1780 года они заключили мир с группой издателей *in quarto*, подписав официальное соглашение.

По мере того как разворачивалась война с внешними врагами, Панкука и *STN* больше всего беспокоила возможность предательства в рядах самого консорциума, поскольку деятельность Дюплена выглядела все более и более подозрительной. Он вел дела всего предприятия, большую часть которых держал в тайне, и не предоставлял полных отчетов о счетах. Его партнеры начали собирать информацию и постепенно пришли к выводу, что их обманывают в каких-то совершенно умопомрачительных масштабах. Проведя немалую детективную работу и распутав множество клубков, они получили доказательства того, что Дюплен присвоил по меньшей мере 48 000 ливров. Эти доказательства они предъявили ему в январе 1780 года в ходе общей встречи в Лионе, которая наконец позволила расставить все точки над *i*. Дюплен отчаянно сопротивлялся, но в итоге вынужден был капитулировать и согласился компенсировать партнерам всю недостачу прибыли – если они не станут выносить сор из избы, в каковом состоянии вся эта история и оставалась два века, пока не всплыла в архивах *STN*.

Впрочем, в июле 1778 года, когда Фаварже заехал к Дюплени, предугадать развязку этой авантюры с *in quarto* было невозможно. Интриги сторон, одни в ответ на другие, еще не привели к кризису, но было ясно, что с каждым новым поворотом в ходе спекуляции «Энциклопедией» на кону оказываются очень большие деньги. Фаварже, будучи клерком в конторе «Общества», с самого начала отслеживал ее ход и прекрасно отдавал себе отчет в том, что с Дюпленим надо держать ухо востро. В то же самое время ему предстояло сосредоточиться на самой насущной для его фирмы заботе: «Общество» стремилось взять на себя в этом деле больше типографской работы, чем прежде. *STN* вдвое увеличило площадь печатной мастерской и наняло двадцать новых работников для того, чтобы приступить к широкомасштабному выпуску «Энциклопедии», однако Дюплен разместил основную часть заказа у других типографов, в Женеве, Гренобле, Треву и Лионе, общая производственная база которых составляла пятьдесят три типо-

графских станка. Согласно контракту с партнерами по изданию *in quarto*, Дюплен должен был использовать доход от подписки для того, чтобы оплачивать типографскую работу по заранее оговоренным расценкам. Он присваивал разницу между установленной платой и тем, что в действительности платил печатникам. Работать по такому существенно заниженному тарифу *STN*, конечно, не согласилось бы, и поэтому-то Дюплен и не стал поручать нёвшательским издателям основную часть подряда. К тому времени, как Фаварже оказался в Лионе, Дюплен заказал *STN* всего лишь три тома, и в Нёвшателе как раз успели закончить работу над третьим. Если бы он отказался доверить «Обществу» печать еще одного тома – что было весьма вероятно, если принять во внимание размеры его собственной прибыли от разницы в ценах на печать, – то *STN* пришлось бы увольнять рабочих и безо всякого применения держать на складах огромное количество дорогостоящей бумаги.

Издательство вложило в покупку этой бумаги собственные средства и рассчитывало покрыть расходы из той прибыли, которую получит, переправив готовые тома в Лион. Однако Дюплен уже несколько раз намекал в письмах, что откажется платить по тем векселям, которые выслал *STN* в обмен на первые два тома и сроки платежей по которым приближались по мере того, как печатался том третий. В качестве предлога он использовал неудовлетворительное, с его точки зрения, качество бумаги и задержки с поставками. Он пререкался и торговался при любой возможности, поскольку каждый том в трех тридцатишеститомных «изданиях» увеличивал для него возможность присвоить разницу в ценах и напрямую торговать готовыми книгами. Фаварже не мог положить конец хищническому поведению Дюплена. Он был всего лишь клерком, а не одним из компаньонов в *STN* или участников консорциума по изданию *in quarto*; но он мог попытаться найти способы уменьшить ущерб и увеличить доходы своих нанимателей.

Его наипервейшая задача, согласно инструкциям, записанным в журнале, состояла в том, чтобы добыть информацию об истинном положении дел с *in quarto*, поскольку Дюплен держал все сведения об этом предприятии в такой строгой тайне, что о реальном ходе событий в *STN* почти ничего не знали: «Зайдите к мсье Дюплени и попытайтесь выяснить, но только так, чтобы интерес ваш не был особо замечен, как обстоят дела с печатью томов „Энциклопедии“; сколько станков задействованы в Лионе и в прочих местах; началась ли работа над третьим изданием и каков его тираж». Инструкции по этой теме были весьма объемными и подробными до крайности. Фаварже должен был внимательнейшим образом вслушиваться в каждое произнесенное Дюплени слово, не выдавая при этом видов *STN* на получение большего количества томов для печати. Но ему надлежало настаивать на том, что качество типографского исполнения и использованной бумаги высокое, работа по корректуре гранок проведена тщательно и притязания *STN* на более существенную часть подряда вполне обоснованны. Ведь издательство было одним из партнеров в предприятии по выпуску «Энциклопедии» и серьезно увеличило свои ресурсы специально под этот проект.

Как следует подготовившись к грядущей схватке, Фаварже пришел в штаб-квартиру Дюплена в сопровождении Жана-Франсуа д' Арналя, который вел финансовые дела *STN* при взаимодействии с Дюплени. Д' Арналь оказал важную поддержку, поскольку был хорошо осведомлен об издании «Энциклопедии». Конечно, и сам Фаварже знал все необходимые тонкости, и не только из полученных в Нёвшателе инструкций, но и благодаря тому что помогал вести коммерческую корреспонденцию *STN*. Через его руки проходили и письма от Дюплена, тон которых был откровенно враждебен и напрочь лишен элементарной вежливости, принятой в деловой переписке. К немалому удивлению Фаварже, ему был оказан радушный прием. Дюплен производил впечатление милейшего человека. Он был в восторге от качества последней напечатанной *STN* книги и безо всяких экивоков пообещал заказать издательству еще один том, увеличенным тиражом в 6000 экземпляров. И даже более того, он сказал, что готов отдать «Обществу» три тома из третьего издания, производство которого только что началось. По сути, он дал понять, что выпустит этот многотомник на рынок с выходными данными *STN*, так,

словно оно и осуществило все издание целиком. (Первые два «издания» вышли под именем женевого печатника Жана-Леонарда Пелле, а сам Дюплен остался в тени, спрятавшись за фальшивым адресом на титульной странице.) Посредством этой уловки Дюплен надеялся резко поднять продажи, поскольку уже пошли слухи, что Пелле печатает книги на плохой бумаге и что издания его полны ошибок.

Поразительная перемена, происшедшая с Дюпленом, имела причины, о которых Фаварже не догадывался. Во-первых, Дюплен совершил весьма неприятную ошибку при расчете необходимого количества томов *in quatro*. Главный типограф уверил его, что семнадцать томов исходного издания *in folio* плюс четырехтомное «Приложение», также изданное *in folio* (отдельное издание, осуществленное в 1776 и 1777 годах), можно втиснуть в двадцать девять томов *in quatro*. В действительности они едва-едва уместились в тридцать шесть. По условиям подписки Дюплен (скрывавшийся за подставной фигурой Пелле) должен был получить всего по 344 ливра за полный комплект – то есть по 10 ливров за каждый из двадцати девяти основных томов и по 18 ливров за каждый из трех томов с иллюстрациями. Если бы за каждый из добавочных семи томов можно было брать по те же 10 ливров, цена поднялась бы до 414 ливров, однако Дюплен был скован условиями контракта с подписчиками и не мог поднимать цену выше определенной суммы. В конце концов он решил эту проблему, взяв с подписчиков дополнительную плату за четыре из семи добавочных томов – без каких бы то ни было объяснений такого шага. Затем, в проспекте к третьему изданию, он объявил, что *STN* выпустит тридцать шесть томов общей стоимостью в 384 ливра, то есть по той же цене, по которой шли два первых «издания». И таким образом снял с себя ответственность за накрутку цены, попросту поменяв подставную фигуру.

Во-вторых, у Дюплена начались серьезные проблемы с наличностью. Он раздал такое количество заказов на печать, что готовые тома приходили быстрее, чем он успевал получать деньги от подписчиков. Подписку по большей части покупали владельцы книжных магазинов, которые затем продавали «Энциклопедии» своим клиентам по розничным ценам. Но книготорговцам требовалось время для того, чтобы собрать причитавшиеся им деньги, и они, конечно же, не слишком торопились отправлять их Дюплению, когда получали. По этой причине ему постоянно не хватало наличных денег на то, чтобы расплатиться по векселям, которые он выдавал печатникам в качестве платы за работу. На адрес *STN* он выслал два обязательства на общую сумму в 2019 ливров – за работу над 6-м и 15-м томами первых двух «изданий», – но заплатить по ним в указанный срок не смог или не захотел. Денег на то, чтобы платить за третий том, заказанный «Обществу», – под номером 24 – у него тоже не было, при том что издательство уже заканчивало работу над книгой. Однако Дюплению удалось найти весомый аргумент для того, чтобы издательство согласилось на отсрочку платежа: он отдаст им на печать больше томов – том 35 первых двух «изданий», а также, в перспективе, еще несколько томов из третьего, которое (и этот момент, вне всякого сомнения, должен был сделать предложение неотразимо привлекательным) должно увидеть свет с выходными данными *STN*.

Дюплен и «Общество» пришли к согласию на этот счет заочно, в письмах, которыми они обменивались, покуда Фаварже трясся на лошади по дороге к Лиону. Так что дело было улажено еще до того, как он появился на пороге принадлежавшего Дюплению магазина. После того как Дюплен рассказал об увеличении участия *STN* в типографских работах и о намерении заменить выходные данные на титуле третьего «издания», Фаварже понял, по каким причинам его встретили здесь так тепло. Дюплен просто не был в состоянии уплатить по векселям, выписанным на необычайно крупные суммы. Дополнительные типографские заказы должны были стать компенсацией за отсрочку по платежам. Это *quid pro quo*, этот обмен казался вполне разумным, поскольку Дюплен честно сказал, какую выгоду получал от печати каждого тома в Лионе: 1500 ливров. Еще он ссылаясь на то обстоятельство, что *STN*, в отличие от других типографий, было партнером в общем предприятии. А партнеры должны справедливо распре-

делять между собой бремя расходов на производство товара. К тому же *STN* всегда может рассчитывать на помощь со стороны д' Арналя, во власти которого было распорядиться хранившимися в его портфеле долговыми обязательствами таким образом, чтобы покрыть увеличившуюся задолженность Дюплена. В конце концов, д' Арналь, будучи зятем Боссе, связан с *STN* и семейными узами.

Вопреки ожиданиям Фаварже, он прекрасно поладил с человеком, который позже окажется во всей этой истории с изданием «Энциклопедии» главным негодяем. Дюплен заверил его, что угроза со стороны пиратского *in quattro* Барре и Граби успешно устранена, а Фаварже поделился с ним своим открытием касательно того, как лозаннские и бернские пираты переправляют тюки изданных ими *in octavo* во Францию. Эта новость, судя по всему, привела Дюплена в восторг. «Здесь нужно будет подсутиться, – воскликнул он. – Я этим займусь, и, честное слово, они очень удивятся, когда власти начнут конфисковывать у них одну партию за другой». В отчете об этой встрече, отправленном домой в Нёвшатель, Фаварже признался, что картина собственной деятельности во главе проекта, которую обрисовал Дюплен, показалась ему убедительной. Однако – и он счел необходимым особо оговорить это обстоятельство – от полученных инструкций он не отклонялся: «Слава Богу, я выполнил все пункты ваших инструкций без исключения, что само по себе непросто, если вы долго находитесь в обществе этого человека».

В течение следующей недели Фаварже каждый день обсуждал с Дюпленом дела, связанные с «Энциклопедией». Дюплен напечатал проспект к третьему изданию и циркулярное письмо, призывающее владельцев книжных магазинов начать сбор подписки. Оба текста Фаварже счел приемлемыми и отправил их в Нёвшатель на утверждение – которое в скором времени и было получено. В проспекте новое издание с грифом *STN* выглядело особенно привлекательным, а сам Фаварже существенно прибавлял солидности в качестве продавца «Энциклопедии». Он взял с собой некоторое количество экземпляров, погрузил их вместе с каталогом *STN*, а также проспектами новых изданий Библии и «Описания искусств и ремесел» в седельную сумку и в течение следующих четырех месяцев раздавал их везде и всюду, куда бы ни приводила его дорога. Однако, прежде чем трогаться в путь, ему предстояло управиться с множеством других дел в самом Лионе.

Одна из самых важных сторон всей миссии Фаварже заключалась в том, что он должен был вовлекать книготорговцев в разговор на профессиональные темы, чтобы понять, какие именно книги следовало бы перепечатать пиратским способом, и сообщить о своих предположениях в *STN*. Какие издания принесут самую большую прибыль? Как и десятки других издательств, существовавших возле французской границы, *STN* каждодневно решало этот вопрос. Окончательные решения члены правления могли принимать, опираясь на сведения, полученные из коммерческой переписки, и на собственную интуицию. Торговый представитель должен был снабжать их первоначальными сведениями, улавливая в досужей с виду болтовне с книгопродавцами малейшие намеки на нужную информацию. Первая из множества рекомендаций, собранных Фаварже за время путешествия, пришла от Вернареля, в Бурк-ан-Бресе. Он посоветовал *STN* перепечатать одно краткое изложение, только что вышедшее в Париже и, судя по всему, могшее вызвать немалый интерес у читателей, очарованных революцией, которая произошла два года назад в Америке: «Законы и установления Пенсильвании, переведенные с английского и посвященные доктору Франклину» (*Les lois et constitutions de Pennsylvanie, traduit de l' anglais et dédié au docteur Franklin*). Вернарель заверил Фаварже, что новое издание этой книги будет хорошо продаваться. Если *STN* возьмется ее печатать, он будет готов сделать большой предварительный заказ и даже поможет «Обществу» получить текст, отправив в Нёвшатель один из тех шести экземпляров, что уже заказал у исходного издательства. Передав информацию домой, Фаварже на протяжении всего оставшегося пути прощупывал мнения книготорговцев насчет этой книги. В Лионе ни один из них о ней даже не слышал и не проявил к ней ни малейшего интереса. Приехав в Гренобль, Фаварже обнаружил, что у Бретта, самого

значительного из здешних книготорговцев, в магазине было несколько экземпляров «Законов и установлений Пенсильвании», но покупать их никто не желал. Сам Бретт был о книге весьма невысокого мнения: «Какая-то мешанина из законов, и больше ничего». Больше Фаварже об этом издании ничего не слышал, пока не добрался до Марселя. Реакция владельцев здешних магазинов также оказалась негативной, так что проект пришлось похоронить.

Лион был наилучшим местом для сбора информации подобного рода, но Фаварже столкнулся с тем, что здешние книгопродавцы предпочитали держать рот на замке. Они сами охотно занимались пиратством, а летом 1778 года основной темой для разговоров были продажи «Энциклопедии» *in quatro*. Тем не менее Фаварже удалось выяснить, что Жан-Мари Барре, один из самых отчаянных лионских пиратов, так и не сумел распродать свое издание шестнадцатитомного «Курса занятий для обучения принца Пармского» (*Cours d'étude pour l'instruction du prince de Parme*)⁹⁶ Кондильяка. В *STN* отправилось письмо с предложением отказаться от идеи репринтного издания этого итогового свода просвещенческой мысли. Гораздо более привлекательной выглядела перспектива еще раз издать произведения мадам Риккони⁹⁷: «Копия парижского издания наверняка пойдет хорошо: на эти книги всегда есть спрос». Фаварже и дальше будет собирать такие, столь необходимые для дела сведения, – до самого окончания своей поездки. Хозяева авиньонских книжных магазинов рекомендовали «Словарь великих людей» (*Dictionnaire des grands hommes*)⁹⁸. В Орлеане Летурми предложил «Письма Евлалии» (*Les Lettres d'Eulalie*), роман Клода-Жозефа Дора⁹⁹; Куре из Вильнёва предпочел бы *Les Jeux et amusements de la petite Thalie*¹⁰⁰, книгу для детей, «которая, по его словам, очень хороша, – то есть хорошо продается». Если говорить о потенциальных бестселлерах, то наибольшее воодушевление у книгопродавцев вызывала «Исповедь» Руссо. Слухи о ее существовании и о том, что среди бумаг Руссо остались другие неопубликованные произведения, пошли сразу после того, как 2 июня 1778 года философ умер. В августе, когда Фаварже приехал в Марсель, его расспрашивал об «Исповеди» едва ли не каждый встречный, о чем он тут же и написал в Нёвшатель. «Налицо твердое убеждение в том, что рукопись существует, если не в Париже, то, может быть, в Голландии. Можно было бы напечатать и 3000 экземпляров такой книги. Если бы нам удалось быстро ее заполучить и оповестить о том всех наших лучших корреспондентов циркулярным письмом, они все ее купят, и даже за наличные». Несмотря на все старания, *STN* так и не удалось заполучить рукописи Руссо, так что в конце концов пришлось ограничиться перепродажей пиратских книг, выпущенных другими издательствами.

Также в Лионе Фаварже было поручено узнать, можно ли заказать там новый шрифт для третьего издания «Энциклопедии» и договориться с полудюжиной поставщиков бумаги, которые могли бы обеспечить ее непрерывную доставку в необходимых объемах. Еще он обошел едва ли не каждого из тридцати восьми лионских книгопродавцев: улаживал вопросы с оплатой и принимал новые заказы. Помногу они у *STN* не заказывали, поскольку, во-первых, комплектовали свой ассортимент в основном за счет книг, выпущенных в Женеве и Лозанне, а во-

⁹⁶ Кондильяк Этьен Бонно (1714–1780) – логик и философ-просветитель, близкий к министру-реформатору А. Р. Тюрго, двоюродный брат одного из главных создателей «Энциклопедии» д'Аламбера, в 1767–1773 годах занимался образованием наследника герцогства Пармского, внука Людовика XIV (*Примеч. ред.*).

⁹⁷ Мари-Жанна Риккони (1713–1792) – французская актриса и беллетристка, писавшая в основном в жанре сентиментального эпистолярного романа.

⁹⁸ Вероятнее всего, имеется в виду «Карманный исторический словарь, содержащий историю патриархов, еврейских царей, императоров, королей и великих полководцев, богов и героев древнего язычества, пап, святых отцов, епископов и т. д.» (*Dictionnaire historique portatif contenant l'Histoire des patriarches, des princes hébreux, des empereurs, des rois et des grands capitaines, des dieux & des heros de l'antiquité payenne, des papes, des saints peres, des eveques etc.*) аббата Жана-Батиста Ладвока (1709–1765) (*Примеч. пер.*).

⁹⁹ Клод-Жозеф Дора (1734–1780), известный также как «шевалье Дора», французский поэт, драматург и романист, активно «продвигавший» собственное творчество и снискавший в итоге пренебрежительное отношение со стороны коллег по писательскому цеху, причем как «философов», так и критиков Просвещения.

¹⁰⁰ «Игры и забавы маленькой Талии» (1769) Александра-Гийома де Муасси (1712–1777).

вторых, и сами активно занимались пиратством. Зато они охотно охотно вступали в обменные операции с швейцарскими издательскими домами. В письмах Фаварже в *STN* то и дело попадаются длинные и подробные описания очередного такого предложения: торговцы были не прочь поменять некоторое количество книг из своих запасов на соответствующее количество книжных листов, отпечатанных в *STN*. Попутно он делал замечания касательно самих торговцев и того, как они ведут дела. Наблюдения подобного рода было особенно важно делать в Лионе, на что указывали инструкции Фаварже: «Приложите все возможные усилия для того, чтобы записывать все, что вы узнаете о книготорговцах, исходя из сведений, которые вам удастся собрать». В характеристиках, данных владельцам лионских книжных магазинов, Фаварже был краток и напроць лишен сентиментальности. Вот его мнение о Жакно: ненадежный, «меч обоюдоострый; я бы поостерегся связываться с ним надолго и всерьез». Фланден: торгуется до последнего и «обладает собачьим нюхом на стоимость каждой книги». О братьях Периссе: крайне скрытные, «карты они привыкли держать ближе к орденам, эти господа, но согласились, что в Лионе не печатается ничего, кроме всяческих безделок и „Энциклопедии“ *in quatro*». У каждого книготорговца имелись свои особенности, и с большинством из них было крайне трудно найти общий язык: «Я пробыл в этом городе достаточно долго, но тут, если ты выражаешь намерение пообщаться с этими господами, у них никогда не находится времени на то, чтобы тебя выслушать. Складывается впечатление, что каждому из них приходится управлять целой империей, тогда как в действительности они почти ничем не заняты».

Резкий спад торговой активности Фаварже отчасти объяснил тем бумом, который возник вокруг «Энциклопедии» и оттянул средства от торговли всеми прочими книгами: «Все, у кого были хоть какие-то свободные деньги и кто готов был вкладывать их ежемесячно или ежегодно в книги, вложили их в „Энциклопедии“ *in quatro*». Но основная проблема заключалась в полной неопределенности относительно того, как будет проходить объявленная правительством кампания по искоренению торговли пиратскими книгами. Простамповка контрафактных изданий еще не началась, и когда Фаварже навестил местную палату синдиков, то не обнаружил там никакого энтузиазма по проведению в жизнь эдиктов 1777 года. «Я провел вторую половину вчерашнего дня в палате синдиков, – пишет он 15 июля. – И не понимаю, как эта несчастная затея с печатями может претвориться в жизнь без жуткой путаницы». Ему довелось стать свидетелем конфискации целой партии (не принадлежавшей *STN*) пиратского издания трудов Анри-Франсуа д'Агессо, французского канцлера времен Людовика XV, но оказанным ему приемом тем не менее он остался доволен: «За то время, которое я провел в этом судилище инквизиции, мне удалось повидаться едва ли не со всеми синдиками, которые держались со мной вполне благопристойно».

Предпринимательство, Просвещение, пиратство, спекуляция – в Лионе все это переплелось между собой настолько туго, что Фаварже продлил свое пребывание в городе. Он не мог уехать, не разрешив еще одной ключевой проблемы, которая также имела прямое отношение к главным целям его визита: нужно было изыскать способ проводить книги через это «судилище инквизиции».

Глава 6

Лион. Внутренняя контрабанда

Итак, визит Фаварже в палату синдиков был связан еще с одной задачей, которую ему необходимо было решить за время пребывания в Лионе, едва ли не столь же важной, как переговоры относительно «Энциклопедии»: он должен был договориться о контрабандных перевозках. Как уже было сказано в главе 2, нёвшательцы отправляли свои тюки через Фрамбур и Понтарлье или через другой какой-нибудь пограничный переход, где таможенные чиновники запечатывали их и выдавали таможенные квитанции (*acquits à caution*). Затем агенты по доставке перевозили их в Лион для досмотра в палате синдиков. Закончив досмотр, степень тщательности которого целиком зависела от самих синдиков, они выписывали свидетельство о разгрузке, а возчик возвращал этот документ вместе с квитанцией на тот таможенный пункт, где документ был выписан, в качестве доказательства, что в тюке не было ни пиратских, ни запрещенных изданий. Агент по доставке, а им чаще прочих оказывался Жан-Франсуа Пион из Понтарлье, выступал в роли страховщика, гарантировавшего возвращение учтенной *acquit*, и должен был выплатить весьма существенный штраф в том случае, если этот возврат не происходил до оговоренной даты. Несмотря на большое количество бумажной работы, эта система в целом функционировала более или менее эффективно как сдерживающий фактор на пути книжного пиратства – конечно, при условии что инспекторы из палаты синдиков, которых время от времени сопровождал полицейский чиновник, исполняли свою работу с должным рвением. Понятно, что рвение убывало в той мере, в какой они вступили в сделки с представителями зарубежных производителей. Однако преступный сговор и соучастие в нелегальных поставках никогда не были делом простым и безопасным. Владельцы книжных магазинов, которые одновременно служили синдиками, а также их коллеги часто ссорились со швейцарскими издателями, или оказывали одним из них предпочтение перед другими, или защищали собственные пиратские издания от конкуренции из-за рубежа, или продвигали на рынке оригинальные издания в противовес пиратским, или пугались, что их накажут за соучастие в преступной деятельности, или (хотя и очень редко) просто испытывали отвращение к противозаконным махинациям. Несмотря на то что *STN* старательно заводило друзей среди провинциальных книготорговцев, оно не могло рассчитывать на автоматическое прохождение своих грузов через палаты синдиков, полагаясь только на их добрую волю или даже на взятки, которые те время от времени получали. Здесь была нужна помощь профессионала в подобных делах.

Вскоре после того, как Фаварже приехал в Лион, *STN* наняло Жака Револя, чтобы он проводил тюки с книгами через палату синдиков, а затем рассылал их по конечным адресам по всей территории Франции. Один из постоянных покупателей намекнул, что у Револя есть способы вовсе избежать досмотра. Издательство заинтересовалось этой возможностью и постаралось прощупать Револя на предмет его истинных талантов в сфере контрабанды, облачив расспросы в дипломатичные формулировки, и в то же время завлекало его грядущей возможностью начать работать по-крупному¹⁰¹. Как и в случае с Февром и другими приграничными контрабандистами, оно хотело, чтобы Револь принял на себя обязанности «страховщика», то есть согласился компенсировать полную стоимость груза в случае его изъятия. В письме, подписанном «Револь и Компания», тот ответил, что в последнее время палата синдиков закрутила гайки во всем, что касается книжной торговли, поскольку правительство потребовало усилен-

¹⁰¹ Переписку Револя с *STN*, а также сопутствующие материалы можно найти на сайте robertdarnton.org под тегами «Лион» и «Посредники и контрабандисты».

ного проведения в жизнь новых эдиктов по искоренению пиратства. Револю и в самом деле удалось найти «надежные способы» избегать досмотра, но это вызывало много хлопот и расходов, а потому, «при всей возможной экономии, вам это обойдется в сумму от 4 до 5 ливров за сотню фунтов». У него были связи с Дюплем, и он мог использовать поставки «Энциклопедии» *in quatto*, против которых правительство не возражало, и прятать в тюках листы запрещенной литературы. Ключевой труд эпохи Просвещения, книга, которая вызвала колоссальный скандал в 1750-х, после чего была строжайше запрещена, теперь, в 1770-х, использовалась в качестве прикрытия для того, чтобы распространять новую волну нелегальной литературы.

Предложение Револю звучит интересно, ответили из *STN*, но в состоянии ли он гарантировать, что книги попадут к французским покупателям, где бы те ни жили? Если дело обстоит именно так, то издательство согласно платить 4 ливра за доставку сотни фунтов путем «страховки». В своем ответе Револю предпочел избежать слова «страховка», хотя пообещал в целостности и сохранности доставлять грузы *STN* тем книготорговцам, которых издательство упомянуло и которые жили в Марселе, Бордо, Лудёне и Осерре. Несколько первых партий *STN* отправило в июне 1778 года. С ними тут же случилась задержка, поскольку они не были вложены в тюки с «Энциклопедией», как того требовал Револю. Тем не менее он пообещал позаботиться обо всех застрявших на полпути грузах и провести гораздо большее их количество через палату синдиков посредством поставок, что шли от *STN* Дюплему: «Мы можем заверить вас, что располагаем надежными складскими помещениями; и если вы намерены задействовать возможности, связанные с „Энциклопедией“, вы можете использовать всего один тюк для того, чтобы замаскировать четыре других, обложив их нужными листами по краям и сверху». Револю заверял, что сможет «легко» проводить товары через палату, если *STN* будет поставлять их в тюках с томами этого издания. Дюплен нанял его для того, чтобы заниматься всеми прибывавшими грузами свежотпечатанных томов «Энциклопедии», которые «чрезвычайно редко подвергаются досмотру в палате синдиков, а если и подвергаются, никто не заглядывает внутрь тюков, а просто осматривает их по бокам».

Сомневаться в том, что Револю обладал соответствующими возможностями и был хорошо информирован, не приходилось – но вот насколько ему можно было доверять? Мог ли он взять на себя страховку и был ли способен управиться со всем объемом поставок после того, как *STN* закончит печатать свои тома «Энциклопедии»? Ответ на эти вопросы должен был найти именно Фаварже.

Первое, на что Фаварже не мог не обратить внимание, когда поближе познакомился с «Револем и Компанией», так это на то, что «Компания», собственно, состояла из самого Револю и его жены. «Месье Револю, у которого нет других сотрудников, кроме его же собственной жены, здесь никому не известен. Он еще молодой человек, совсем небогатый и очень самонадеянный. Конечно, он умен, но на него не стоит во всем полагаться».

Самозванные *commissionnaires* зачастую открывали собственное дело, не имея ничего, кроме сообразительности и связей. Револю, судя по всему, овладел начатками ремесла, пока работал в качестве экспедитора на Дюплена, у которого были тысячи заказов на «Энциклопедию» и которому требовались надежные люди, чтобы со всем этим справиться. Они были одноклассниками, с ними же учился Амабль Леруа, еще один из подручных Дюплена. Приобретенные в этой должности связи Револю как раз и намеревался использовать для того, чтобы заменить того агента по доставке, с которым обычно работало *STN*, – фирму «Клоде, отец и сын».

Клоде были солидными и ответственными *commissionnaires* и прекрасно справлялись с поставками от *STN* в Лион на протяжении двух предыдущих лет, но после того, как французские власти объявили о новых мерах против книжного пиратства, они сочли риск чересчур высоким. В инструкциях, записанных в дневнике Фаварже, подчеркивалась необходимость сохранять с Клоде самые сердечные отношения, но «Револю и компания» именовались

«нашими новыми *commissionnaires*». Фаварже надлежало вытянуть из Револя информацию о том, как избегать конфискации в любых французских палатах синдиков, а не только в лионской, и все детали он должен был тщательно записывать – даже, если то будет необходимо, «под их диктовку, слово в слово, после чего отправить нам».

Когда Фаварже удалось-таки вывести Револя на разговор о тонкостях контрабанды, он многое сумел узнать об этом непростом ремесле. Револь наотрез отказался принимать на себя формальные обязанности «страховщика» и продолжал настаивать на том, чтобы основная часть тюков с «Энциклопедией» использовалась в качестве прикрытия для нелегальных поставок. Но у него был вариант доставки нелегальной литературы и на тот случай, если таких тюков под рукой не находилось. Возчикам следовало оставлять груз, следовавший в Париж и на север, по указанному адресу в лионском пригороде Круа-Русс, а те грузы, которые нужно было везти на юг, находилось по другому адресу, за воротами Сен-Клер. После этого Револь должен будет снимать печати, открывать тюки, вынимать нелегальные книги, вкладывать вместо них что-нибудь невинное, вновь запаковывать тюки и снабжать их поддельной печатью. Запас легальных книг всегда лежал у него на складе, и он обещал подбирать их точно по весу вынутых из тюков книг. В накладных указывался точный вес груза – поскольку, в качестве дополнительной меры по борьбе с пиратством, тюки в палате синдиков взвешивались. Благодаря этой уловке, перебранные тюки должны были проходить через палату без затруднений, а Револь затем мог переправлять запрещенную литературу заказчику под видом внутренних перевозок, которые редко досматривались по пути следования, особенно если в накладных значились галантерейные товары. Поскольку проверкой могли заняться еще и местные палаты синдиков неподалеку от конечного места назначения, Револь обещал задействовать связи среди тамошних *commissionnaires*, которые должны были гарантировать безопасную доставку напечатанных *STN* книг покупателям. У Револя даже была возможность достать несколько учтенных таможенных квитанций прямо в Лионе, не прибегая к трюкам с переупаковкой тюков, – конечно, если получится подкупить одного из инспекторов. В этом случае груз мог спокойно дожидаться в Понтарлье нужного времени, после чего отправляться прямо по назначению. Всю эту операцию Револь мог повернуть обычной почтой. Впрочем, такой план ни разу не был успешно реализован. Зато противозаконная манипуляция с тюками стала основным из его мошеннических средств.

У Револя ушло некоторое время на то, чтобы выстроить всю систему, и детали операции выяснялись в процессе, в ходе переписки с *STN*, которая в итоге составила досье объемом в 125 писем. Если исходить из романтического представления о контрабанде как о деятельности, требующей отчаянной смелости, то от этих писем может пробежать холодок по коже, но на фоне той корреспонденции, которую *STN* получало от других контрабандистов и посредников, они не выглядят чем-то исключительным. Для издателей и книготорговцев XVIII столетия определенная доля противоправной деятельности была неременной составной частью профессии. Поиск «страховщиков» *STN* начало сразу, как только стало поставлять книги во Францию, и с некоторыми из них поддерживало непрерывную переписку. Когда Жан-Эли Бертран записывал у себя в путевом журнале инструкции, которым должен был следовать во время деловой поездки в 1773 году, он отметил, что «страховщиков в наши дни много, и они сидят без работы», и обозначил намерение отыскать «солидного страховщика» в Сен-Сюльписе и еще одного в Ле-Веррьерере, чтобы наладить надежный канал переброски выпущенных *STN* книг через границу в Понтарлье. Но пересечение границы было всего лишь первым шагом на долгом и извилистом пути, который мог привести в любой уголок королевства. Если придумать способ, позволяющий обходить досмотры в палатах синдиков, то пиратские и даже запрещенные издания можно будет вкладывать в грузы с обычными книгами, и эта подпольная система доставки будет встроена в систему обычных торговых путей. Именно по этой причине Лион

превратился в ключевое звено, связывавшее между собой издательскую и книготорговую индустрию Швейцарии и Франции.

В силу особой важности этого звена *STN* уделяло тамошним своим агентам ничуть не меньше внимания, чем приграничным контрабандистам. Револь был лишь самым последним в длинной цепочке лионских *commissionnaires* «Общества», которая уходила в прошлое, от отца и сына Клоде через Андре Шоделли к Жану Шаубу и нескольким другим. У каждого из них были свои выигрышные стороны. Шауб знал, как можно раздобыть поддельные таможенные квитанции и обойти палату синдикатов, перегружая тюки на постоялом дворе под названием «У трех склянок» в Ла Гильотьер, неподалеку от Лиона. Шоделли обзавелся покровителями среди синдикатов. То же самое сделал и Клоде, и даже выступал какое-то время в роли страховщика; он брал по 6 ливров с сотни фунтов, его чистая прибыль из этих денег составляла от 30 до 40 су. Но в каждом из этих случаев услуги агента по доставке однажды прекращались: из-за того, что сменился состав синдикатов, из-за того, что во время проверки какая-нибудь несчастливая случайность привела к обнаружению запрещенных книг, или из-за того, что в одной из ключевых точек маршрута резко возростала бдительность властей. Револь преуспел больше других и продержался дольше, чем остальные агенты *STN*, а кроме того, в его досье содержится самое большое количество важных сведений о контрабанде как о самой значительной части в системе распространения книг. Перечислив Фаварже те услуги, которые он сможет оказывать *STN*, Револь перешел к переговорам об условиях. Во-первых, он ясно дал понять, что не станет браться за дело до тех пор, пока *STN* не предоставит в его распоряжение все свои грузы, а не только те, в которых содержится нелегальная литература. Это значило, что с Клоде придется расстаться. Во-вторых, ему были нужны возчики, которые в точности станут выполнять его указания. Они должны будут сгружать тюки на постоялом дворе Бутари, в полулье от лионского пригорода Сен-Клер, а затем доставлять таможенную квитанцию и документ о погрузке лично Револю, с тем чтобы тот мог заняться подделкой бумаг. С его точки зрения, главная опасность заключалась в некомпетентности Пиона, который нанимал возчиков в Понтарлье и зачастую не давал им точных инструкций или забывал известить Револя почтой (в данном случае использовался технический термин *lettre d'avis*, письмо с оповещением).

На все эти условия *STN* согласилось, и к концу апреля Револь уже успел доставить клиентам несколько тюков, после того как груз какое-то время отлеживался на его секретном складе неподалеку от Лиона. Он попросил «Общество» прислать ему 300–400 фунтов обычных книг, чтобы у него всегда был под рукой их запас для маскировки тюков с неподцензурной литературой. Он предупредил, что Пион завышает транспортные расходы: доставка от Понтарлье до Лиона стоила 3 ливра и 15 су за сотню фунтов, а не 4 ливра и 10 су, как запрашивал Пион. Труды самого Револы потребовали больше времени и денег, нежели он сам рассчитывал, поскольку ему приходилось перебрасывать книги со склада на другой берег Соны. «Нам пришлось разобрать тюк S66 и перепаковать его в три отдельных пачки подходящего веса для того, чтобы один человек пронес каждую дорожке, по которой не может пройти телега, на другой берег реки Соны, к дорожке на Роан или на Париж». Если все его требования будут соблюдены, заверил он *STN*, грузы далее будут идти безо всяких проволочек.

Конечно же, такого рода услуги стоили денег, и суммы пришлось тратить более крупные, чем планировал Револь: помощь от «людей, заслуживающих нашего доверия», означала, что этим людям придется платить. Плата в 5 ливров за сотню фунтов, которую он брал (а не 4 ливра, как исходно предполагало *STN*), едва покрывала его собственные расходы – по крайней мере, так утверждал он сам. Он на самом деле жаловался в письмах, что не получает совсем никакой прибыли, так что он, пожалуй, оставит все это дело, если условия в ближайшее время не улучшатся. В правлении *STN* прекрасно сознавали, что подобные разговоры не следует понимать буквально. Револь постоянно искал повод повысить свои расценки, а предприятие его процветало. Он работал еще с несколькими швейцарскими издателями, включая

Типографическое общество Берна и Самюэля Фоша из Нёвшателя. «Все идет хорошо», – заверил он *STN* в январе 1779 года. В течение четырех последующих лет он проводил через палату синдиков тюк за тюком без каких бы то ни было серьезных осечек. Его успех доказал, что обойти меры, учрежденные эдиктами 1777 года, и в самом деле возможно.

Нагруженный воз на мосту, изображенный Жаном-Жаком де Буассье. Ж.-Ж. де Буассье. Гарвардский художественный музей. Дар Белинды Л. Рэндел. Из собрания Джона Уита Рэндела, R4105. Imaging Department © President and Fellows of Harvard College

Конечно, без небольших накладок не обходилось. Поставки в Марсель иногда задерживались из-за разлива Роны. Время от времени у Револя возникали сложности с подделкой свинцовых печатей на тюках. Когда постоянный двор Бутари перешел в другие руки, ему пришлось договариваться о новых складских помещениях. Потом возникла непредвиденная ситуация, когда какие-то таможенники вдруг отследили воз, груженный контрабандным муслином, всего в полутора лье от Лиона. Под штучками ткани Револь спрятал кое-какие запрещенные книги. Хотя он уже успел провести их через палату синдиков, они все равно были конфискованы заодно с куда более дорогим, чем они, текстилем. Понадобилось несколько месяцев дергать за разные ниточки, чтобы в конце концов их выручить. А когда предприятие расширилось, Револь счел необходимым нанять клерка, но тот в скором времени сбежал с векселем на сто ливров.

Ко всему этому прибавлялась головная боль, вызванная необязательностью Пиона, который часто забывал предупредить Револя письмом о скором прибытии воза с книгами. Иногда он не давал возчикам необходимых указаний о том, на каких именно постоянных дворах неподалеку от Лиона им надлежит оставлять груз, и возчики доставляли его напрямую на лионскую таможню, а оттуда в палату синдиков, где возникала более чем серьезная опасность конфискации. Револю удалось вызволить один такой тюк, поскольку, проводя через палату бесчисленные партии «Энциклопедии», он успел завязать отнюдь не бескорыстные отношения с синдиками. В другом подобном же случае он выручил партию пиратских книг, потому что синдик,

которого назначили этот груз проверять, «один из наших друзей. Как, впрочем, и почти все остальные». Эту возможность обратиться за дружеской помощью Револь приберегал на черный день, когда она могла оказаться необходимой, и подпитывал дружбу взятками. И все же он не мог рассчитывать на то, что синдики просто закроют глаза на те товары, которые им надлежало досматривать. Поэтому он отправлял к ним перепакованные тюки, в которых сверху лежали легальные книги и на которых он подделывал печать. Когда речь не шла о том, чтобы доставить по месту назначения нелегальную литературу под прикрытием листов «Энциклопедии», такая махинация была его обычным трюком и хорошо ему удавалась, если только он располагал достоверными сведениями. Почтовая служба на маршруте Лион – Понтарлье – Нёвшатель работала как часы. Револь регулярно получал от *STN*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.